

Н.В. Лукина

**ВОЛОГОДСКИЕ ДВОРЯНЕ
ЗУБОВЫ**

Ч. II

Книга V, в 4-х томах

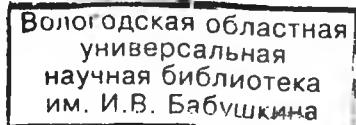
**Скрипачка-виртуоз Нина Юльевна Зубова
и ее семья**

(К 140-летию со дня рождения)

**Том 1. Учение и служение
(1873-1907)**

p № 1437241

**МОСКВА
Издательство «Потомки Зубовых»
2012**

Н.В. Лукина

Вологодские дворяне Зубовы. Ч. II, кн. V. Скрипачка-виртуоз Нина Юльевна Зубова и ее семья. К 140-летию со дня рождения. М.: Изд-во «Потомки Зубовых», 2012 г. 298 с.

«История, - говорил Ю.М. Лотман, - проходит через жизнь человека». Через жизнь скрипачки Нины Юльевны Зубовой (1873-1950), ее семьи, родных и знакомых прошла музыкальная жизнь Центральной России конца XIX – первой половины XX веков.

Окончив Петербургскую консерваторию по классу скрипки у блистательного виртуозного скрипача и дирижера, профессора Леопольда Ауэра (1845-1930), Н.Ю. Зубова стала профессиональной виртуозной музыкантшей. Четыре года она преподавала скрипку в Костромской музыкальной школе В.С. Сумароковой-Мориной, успешно совмещая преподавательскую деятельность с концертными выступлениями на сцене многих городов Русского Севера – Вологды, Ярославля, Костромы, Рыбинска, Великого Устюга и Архангельска. Переехав в Москву в 1903 году, она поступила на летний сезон в оркестр Мамонтовской оперной труппы, а с зимы начала работать в профессиональных Оперных театрах: Соловьевском (при дирекции Кожевникова), Сергея Зимина и Народного Дома. В 1907 году Нина Юльевна вышла замуж за талантливого виолончелиста Владимира Казимировича Германа (1880-1953) и взяла фамилию Герман-Зубова. После Оперы супруги играли в разных симфонических оркестрах, в том числе, в Оркестре Сергея Кусевицкого. В 1914 году Н.Ю. Герман-Зубова открыла в Москве свою Музыкальную школу, в которую вкладывала все силы, знания и мастерство. После революции 1917 года и до конца дней жизнь супругов на протяжении 30 лет оказалась связанный с Московским Художественным Театром, где они играли в оркестре во многих спектаклях текущего репертуара. Параллельно они преподавали в музыкальных школах и играли в оркестрах и камерных ансамблях. Награждены Почетными знаками МХАТа «Чайка» и государственными медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «За трудовое отличие» и «В память 800-летия Москвы».

В основу книги автором положены более 2000 писем с 1887 по 1949 гг.: Н.Ю. Зубовой к родителям в имение Кузнецово Вологодской губернии; родителей, братьев и сестер к ней; письма супружеской пары Германов и их детей друг к другу, а также послания знакомых и друзей. Эпистолярное наследие прошлого, как нельзя лучше, передает не только бытовые подробности жизни в периоды благополучного XIX века, Первой Мировой войны, революций 1917 года, Гражданской войны, становления Советской власти 1920-1940-ых годов и Великой Отечественной войны, но и эмоциональное состояние людей, переживших эти эпохальные исторические события. Важны морально-нравственные устои членов семьи, выражавшиеся в отношениях их друг к другу в разных жизненных ситуациях. Сведения, почерпнутые из писем, дополнялись фактами из научной литературы, что делает их вполне документальными.

Данная книга – не литературный труд писателя, это хроника трудной, но в тоже время счастливой и состоявшейся жизни виртуозной скрипачки Нины Юльевны Зубовой и членов ее семьи на протяжении более чем 60 сложных в историческом отношении лет.

(C) Н.В. Лукина – текст, фото.

(C) Р.В. Зубов – редакция, корректура

(C) Издательство «Потомки Зубовых»

Охраняется Законом об авторском праве. Любое использование текста требует ссылки на работу автора.

«Если верно, что «корни учения горьки», то корни учения на скрипке ужасного вкуса».

В.Г. Вальтер

«Если данное лицо не способно к тяжелому умственному труду и длительной сосредоточенности, сложный путь к овладению столь трудным инструментом, как скрипка, является простой потерей времени».

Леопольд Ауэр.

«Школа профессора Л.С. Ауэра – прежде всего, школа художественной игры».

И. Лесман

Отсвет имени выдающегося скрипача-виртуоза Леопольда Ауэра лежит на его учениках, некоторые из которых дожили до середины XX века.

Том 1

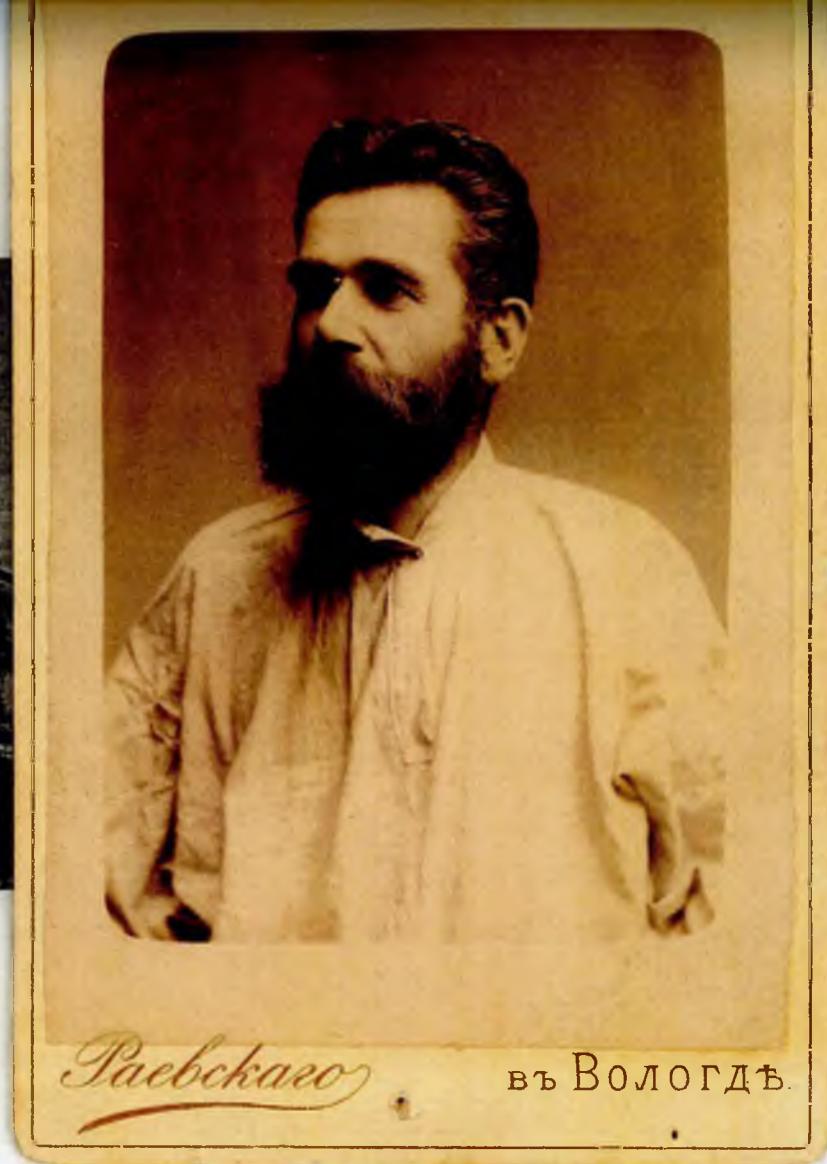
Учение и служение (1873-1907)

Оглавление

Глава I. Детство и молодость	3
Детство	3
В Петербургской консерватории	5
Взрослая жизнь	37
Глава II. Концертная и преподавательская деятельность	40
Глава III. Зрелые годы	61
В оркестре Оперной труппы в театре «Эрмитаж» в Москве	61
В оркестре Соловьевского оперного театра	62
В оркестре Оперного театра Зимины	65
В оркестре Оперы Московских Народных Домов	72
Жених Владимир Казимирович Герман. Венчание	75

Софья Петровна Зубова (родж. кн. Ухтомская)
(фото из семейного архива автора)

Юлий Михайлович Зубов
(фото из семейного архива автора)

Церковь Дмитрия Прилуцкого Прилуцкого на Наволоке (холодная 1710-1711, теплая 1750-1759)
(Баниг В., Перцев Н. Вологда. М.: Изд-во «Искусство», 1970)

Дом Ю.М. Зубова в имении Кузнецово Кадниковского уезда Вологодской губернии
(Фото из семейного архива автора)

пекли пироги и обязательно устраивали домашний концерт, а то и спектакль: читали свои стихи, пели романсы под аккомпанемент фортепьяно и гитары, играли на рояле, скрипке, мандолине и обязательно танцевали. Самым замечательным праздником было Рождество! Софья Петровна и няня заранее шили детям костюмы. Наряженные дети и их гости под звуки полонеза входили парами в гостиную, где уже стояла украшенная елка. На ней блестели разноцветные стеклянные шарики, золоченые орехи, бонбоньерки, мелькали яблоки и пряничные фигурки. Под елкой лежали незатейливые игрушки: кухонная посуда в жестяных круглых коробках, куклы, волчки, барабаны, трубы, пеналы и книжки. А на притолоке двери в столовую, рассыпая искры, вертесь огненный кружок – зеленый и красный бенгальский огонь. В дверях кабинета появлялся Юлий Михайлович в костюме арлекина с волшебной палочкой в руках. Он вынимал из коробки разные вещи, и они исчезали и оказывались то в цветочном горшке, то на диване, то снова у него в руках. На громадном подносе выносили целую гору лакомств: пряники, орехи, конфеты, сушеный виноград и винные ягоды. Рождественский вечер обычно заканчивался танцами. Софья Петровна и ее мама Елизавета Николаевна играли вальсы, польки, мазурки и кадрили. Взрослые подхватывали детей и кружили их. На Пасху бывали целые коллекции сахарных и деревянных лакированных яиц разной окраски, с сюрпризами в виде маленьких куколок, фигурок, драже и прочего. Но особенно шумно и весело становилось в Кузнецово летом, когда из институтов и училищ приезжали старшие дети. Тогда в саду разыгрывались целые спектакли, устраивались игры «в войну», запускались воздушные шары и т.д. [2].

При этом дети Зубовы *не были отгорожены от крестьянских ребятишек*, с которыми им разрешалось играть и отмечать не только Рождество и Пасху, но и Масленицу, Троицу и разные Спасы. На Рождество устраивали общую елку с играми, песнями, плясками и обязательными подарками; катались на санках и тройках. На Пасху дарили подарки и крашеные яйца. В остальные праздники дети ходили в деревни на гуляния и хороводы, а ребятишки из ближайших деревень прибегали в усадьбу кататься на санках с «взвоза» или на «гигантских шагах». Для крестьянских детей в имении была организована школа, где учили грамоте и взрослых. Уроки давали сначала старшие дочери Зубовы, а затем учительницы, которым Юлий Михайлович, как попечитель школы, платил жалование из своих средств [2].

Жизненные позиции и нравственные устои в семье Зубовых закладывались с детства. *Любовь к родителям, братьям и сестрам*, уважение к старшим *были безграничными*. Забота друг о друге, взаимовыручка и помощь в трудные минуты жизни сохранялись до самой кончины. Родители и дети были всегда в курсе дел друг друга, находясь в постоянной переписке. Мать и отец часто уже глубокой ночью писали письма своим 11-ти чадам обо всем, что касалось успехов, дел, здоровья родных, знакомых и прислуги. И все 11 братьев и сестёр Зубовых с малолетства привыкли делиться в письмах с родителями и друг с другом своими радостями и горестями. Эти сохранившиеся у автора *несколько тысяч писем* за десятки лет: Нины Юльевны к родителям, родителей к ней и всех братьев и сестер к Нине Юльевне, *позволяют узнать* подробности жизни семьи Зубовых. Узнать переживания, чувства, сомнения, *результаты преодоления трудностей и достигнутых успехов* каждого из детей на пути их становления и вхождения во взрослую жизнь, под неусыпным наблюдением родителей и при поддержке друг друга. Узнать родственные и дружеские связи Зубовых с представителями известных фамилий и стиль отношений с ними.

Из письма К.Е Ухтомской от 4 февраля 1882 года известно, что 9-летняя внучка Нина написала ей из Кузнецова в Вологду «милое и ласковое письмо». От бабушки же она получила совет: прилежно учиться и скромно и внимательно, как подобает благородным детям, вести себя в классе, т. к. «скромность и послушание есть лучшие достоинства детей». Тогда и «родители будут ими гордиться», а им самим «весело и счастливо будет жить» [1].

Первое письмо Нины маме, из сохранившихся, было написано в марте 1887 года. В 14-летнем возрасте Нина *в гостях* в усадьбе Покровское, где она *играет на скрипке с Александром Семеновичем Брянчаниновым*, с его дочкой Нютой в четыре руки на фортепьяно, а с Юлией Ивановной читает по-французски. Софья Петровна поблагодарила Александра Семеновича и Софью Браниславовну за заботу о Нине. Юлий Михайлович написал дочери, что он «очень счастлив, что тебе хорошо и весело» и предложил ей по

Нина (слева) с сестрами:
Елизаветой (стоит) и
Екатериной Зубовыми

Нина Зубова в детстве и юности
(Фото из семейного архива автора)

возвращении говорить по-французски. Он передал поклон хозяевам и отметил, что «они очень милые и добрые люди. Спасибо им» [3].

Во втором письме маме из Кузнецова в Вологду *Нина* писала о том, что *каждый день играет на скрипке и на фортепьяно*, а с сестрой Машей поет любимые братом Володей романсы: «Сердце красавицы», «Поймешь ли ты?» и «Не говори, что молодость сгубила», которые играет еще и на скрипке. Нина сожалеет, что не была в Вологде на похоронах дедушки Михаила Алексеевича и просит поцеловать бывших там дядей Михаила и Эраста и свою крестную маму Нину Дмитриевну Зубову. Эти детские письма Нины были написаны на почтовой бумаге с красочными рисунками или с красивой рельефной наклейкой в левом углу и заканчивались, как и все последующие, словами: «Дорогая, бесценная, или золотая моя мамочка, прощайте. Остаюсь всем сердцем любящая вас ваша дочка Нина» [3].

Из дневника бабушки Лариссы Алексеевны Зубовой, рожденной Румянцевой (большой овальный портрет которой можно видеть в вологодском музее «Мир забытых вещей»), узнаем, что «зимой 1886 года Нинушечка начала играть на скрипке и *в 1888 году поразила всех своим талантом*. Она участвовала в домашнем вечере при большом количестве публики и произвела фурор» [1].

В Петербургской Консерватории

Первый учебный год. *Осенью 1888 года* в 14 с половиной лет Нина, вместе с отцом и старшим братом Владимиром, приехали *в Петербург* для ее поступления в Консерваторию Императорского Русского Музыкального Общества по классу скрипки. По дороге *заехали в Москву*, побывали в Кремле, в храме Христа Спасителя, в театре и в Третьяковской галерее, где видели картины знакомого художника В.В. Верещагина; навестили в кадетском корпусе брата Юлия и в Институте благородных девиц сестру Машу. В Петербурге, сняв меблированные комнаты на Екатерининском канале в доме 24 (ныне канал Грибоедова), сначала повидали всех родных и знакомых: сестру Лизу; крестную Нины Нину Дмитриевну; жену недавно скончавшегося дяди Эраста Михайловича Ольгу Владимировну; Степановских – Ольгу Прокопьевну (рожденную Окулову) и ее мужа Ивана Константиновича, а также Наташу Величковскую с Олей Степановской в Павловском институте [3].

Затем поехали с отцом в консерваторию, где на 15 ноября Нине был назначен *частный экзамен по скрипке* у профессора Петербургской консерватории *Николая Владимировича Галкина*, ученика выдающегося скрипача и дирижера Леопольда Ауэра. «Из совершенно необходимых музыканту качеств (по Л. Ауэру) на первом месте стоит изощренный слух, затем физическое состояние руки, мускул кисти, а также пальцевой эластичности и силы; далее – ритм» [4]. Прослушав девочку, Н.В. Галкин нашел, что у нее *верный слух, играет порядочно, и сказал, что она может быть принята в консерваторию* в конце августа 1889 года, т. к. прием в этом году уже прекращен. А пока он предложил Нине брать уроки у его ученицы-скрипачки Норманн (3 раза в неделю по 2 рубля за урок), чтобы приобрести правильную манеру игры, которой еще не имеет. Кроме того, Нине, которая не училась ни в одном учебном заведении, а занималась дома, нужно было выдержать *экзамен по общим научным предметам* за 3-й класс. Однако Юлию Михайловичу удалось договориться с инспектором, чтобы Нину приняли в этом же году. Она сдавала экзамен по нескольким предметам и *была принята в 4-й класс Консерватории* [3]. Юлий Михайлович написал жене: «Цифры – что будет стоить, вообще, ученье Нины – очень велики: а) за учебный курс в консерваторию – 200 руб. (жалование за 8 месяцев), б) за уроки у Норманн – 25 руб. в месяц, в) за содержание Нины у Нины Дмитриевны – 35 руб. в месяц и, кроме всего этого, нужно будет самой Нине давать 5 или 10 руб. в месяц на карманные, неизбежные и непредвиденные расходы. Понятно, ничего мне этого не жаль, лишь бы была возможность справиться с деньгами» [3].

Нина Дмитриевна, у которой была дочка-барышня тоже Нина, отвела крестнице одну из комнат в своей квартире, взяла для нее на прокат пианино за 8 рублей, а также заказала коричневое платье для занятий. Расписание в Консерватории оказалось таким: музыкальные классы до 12 часов, научные – с 12 до 15-ти. Два раза в неделю теория пения, два раза – обязательное фортепьяно и два раза скрипка. Кроме уроков у профессора Н.В. Галкина,

Рибский

Фотоغر.

Нина Зубова в детстве и юности
(Фото из семейного архива автора)

необходимо было брать уроки и у Норманн, которая начала с постановки Нининой руки. Н.В.Галкин дал Нине несколько уроков, но сказал, что пока получается еще не совсем удовлетворительно [3].

Отец беспокоился за дочь и писал Нине, чтобы она не экономила и не жалела денег на конку или извозчика, особенно когда ветreno, холодно или незддоровится; ведь «путешествовать со скрипкой и портфелем под мышкой довольно неприятно и вредно... Ну, а в хорошую погоду и, если тихо, то и пешком можно пройтись» [3].

После 10 уроков у мадам Норманн, Нина *заслужила похвалу Н.В. Галкина*, и он задал ей первые этюды, т. к. до этого она только «тянула ноты», чтобы укрепить руку, и это, конечно, не могло ей нравиться. Нине очень повезло, что ее первым учителем был именно Николай Владимирович Галкин (1850-1906) – высоко образованный музыкант, который не просто давал уроки игры на скрипке в Консерватории и на дому, а в течение жизни постоянно совершенствовался сам. Он всегда присутствовал на уроках известного скрипача Леопольда Ауэра, играл в балете на скрипке и в квартетных собраниях на альте [3], а с 1874 года - в оркестре Павловского вокзала, выступая и как солист, и как ансамблист. В 1883 году Н.В.Галкин продирижировал этим оркестром, а затем стал руководить им, впервые в России повернувшись лицом к оркестрантам, а не к публике. Большое значение он придавал программе, отдавая предпочтение русской и смешанной симфонической музыке, которая постепенно вытеснила «легкую, садовую». Признали и «музыкальный нюх» Н.В. Галкина на сочинения, «о которых радетелям симфонических собраний Русского Музыкального Общества и во сне не снилось». В «Новостях» о нем писали: «Г.[осподин] Галкин бесспорно **является** ...одним из лучших дирижеров и **выдающимся музыкантом**. Почти безупречного уровня исполнения достиг и прекрасный оркестр». Так «русский дирижер с честью вышел из сравнения со своими предшественниками-иностранными», придав Павловским вечерам «подлинно художественный интерес» [5]. К концу декабря Н.В. Галкин *оценил игру Нины Зубовой уже как «порядочную»*. На фортепьяно у преподавательницы Зейберлих она тоже начала играть несложную сонатину Лютша [3].

К сожалению, уехать домой на Рождество оказалось невозможным – свободными от занятий в Консерватории были лишь несколько дней. Радовали Нину лишь визиты к хорошим знакомым Зубовых Степановским, где она помогала своим подругам Оле и Вере наряжать елку, да к тете Ольге Владимировне. Отец прислал чек на 20 руб. и написал: «Только береги их, т. к. теперь долго посыпать будет нечего... Постарайся освободиться поскорей от частных уроков: 2 рубля за каждый раз – это составляет в месяц порядочную сумму... Не забудь также, что общие предметы (т.е. Закон Божий, русский язык, математика, французский и пр.), а также фортепьяно – очень важны» [3]. На именины 14 января Ольга Владимировна подарила Нине конфеты, а крестная мама Нина Дмитриевна – шахматы, и Нина с Верой Степановской целый вечер играли в них. Отец написал стихи, поздравив с именинами четырех Нин (четвертая – это двоюродная сестра Нина «кавказская»). А когда в Петербург приехал любимый дядя Михаил Михайлович Зубов, то он водил Нину в *Итальянскую оперу*, где она слушала блистательного Мазини, и в цирк. Затем Нина была в *Панаевском театре* на сеансе «туманных картин» – видов Крыма и Кавказа [3].

В новом 1889 году Нина писала маме о своих успехах: «Я теперь правильно держу руку. Если и есть какой-нибудь маленький грешок, то ведь и учеников своих Галкин часто поправляет». Но пока профессор лишь изредка прослушивал Нину, считая, что ей еще нужно заниматься у Норманн, хотя Нина уже играла на скрипке упражнения и этюды, а на фортепьяно разучивала сонату Гайдна. Наконец, *Н.В. Галкин взял Нину Зубову в свой класс*. Теперь скучать было некогда! С утра Нина уходила в Консерваторию на музыкальные занятия и уроки по общим предметам. Домой возвращалась к 4-м часам и после обеда играла на фортепьяно и скрипке, а затем перед сном делала предметные уроки. Вскоре Н.В. Галкин *велел Нине играть на скрипке по 4 часа в день*, до и после Консерватории. Послушная ученица старалась выполнять это требование [3].

По просьбе мамы приехавший в Петербург брат Владимир как-то рано утром повез еще не выспавшуюся Нину фотографироваться. Позднее Нина Дмитриевна, уже в Вологде, сделала

Первый педагог по скрипке Нины Зубовой, профессор Санкт-Петербургской консерватории, ученик Леопольда Ауэра Николай Владимирович Галкин (1850-1906) и афиша концерта
(Розанов А.С. Музикальный Павловск. Л.: Изд-во «Музыка», 1978)

для этой фотографии бархатную раму с рисунком, а ее сын Петя вставил стекло, и Софья Петровна могла любоваться на «милую рожицу» своей дочери [3]. Теперь этот портрет 15-летней скрипачки Нины Юльевны стоит у постели ее внучки-автора, тоже Нины.

На масленицу Нине было очень весело, т. к. Степановские наняли сани с лошадью, чтобы покататься за городом. Сидели на козлах и по очереди правили Нина с Верой, а Элиза Эмильевна (видимо, гувернантка) и Рита Степановская сидели в санях. Ольга Прокопьевна была удивительно добра к Нине, и как-то увезла ее к себе на Выборгскую, где Нина ночевала и провела все воскресенье. На второй день Пасхи Нина опять гостила у Степановских. А по весне они все ездили в Ботанический сад и Лесной институт [3].

После Пасхи начались **экзамены**: сочинение и устный по русскому языку, решение задач по арифметике, диктовка и устный по-французски, Закон Божий, география и история. Слава Богу, Нина выдержала все экзамены, хотя отметки были почти все только «достаточными», но, главное, она была **переведена в 5-ый класс** [3].

Музыкальные экзамены, которых Нина страшно боялась, начались в мае. *По теории музыки она получила 3 1/2 («весьма достаточно»), а по сольфеджио ее экзаменовал сам А.Г.Рубинштейн.* Он заставлял Нину петь гаммы и интервалы и вместо отметки написал: «Осталась!». На фортепьяно и **на скрипке** от волнения Нина сыграла значительно хуже, чем могла бы, отчего сильно расстроилась. Однако Н.В. Галкин утешил ее, сказав, что этюд прозвучал очень мило, что требовать от нее большего было нельзя, т. к. она занималась в его классе очень мало, и что **отметка 3 1/2 *весьма достаточно*** [3].

В конце мая к Нине зашел Иван Константинович Степановский, стараясь согласовать ее **отезд на каникулы в Вологду** с кем-нибудь, возможно, с Олей. Отец прислал Нине 70 рублей, из которых 35 рублей предназначались Нине Дмитриевне, 9 р. за прокат пианино, а остальные 26 р. – на проезд в Вологду. Нина получила в Консерватории «отпускной билет», книги у классной дамы и попрощалась с Н.В. Галкиным, обстоятельно выяснив у него – что играть летом и сколько часов в день. На этом она рас прощалась с Консерваторией до осени и уехала в Кузнецово [3].

Второй 1889-1890 учебный год в Консерватории. После летних каникул **Нина** вместе с отцом снова **приехала в Петербург**. Опять остановились в меблированных комнатах и сразу отправились в Консерваторию. Там Юлий Михайлович внес плату за первое полугодие нового учебного года, и **занятия Нины начались**. Жить она стала у тети Ольги Владимировны на Лиговском канале, д. 23, кв. 6. Рояль был хороший, а комната, в которой Нина должна была заниматься на скрипке, находилась далеко от ее кабинета. Ольга Владимировна была доброй и заботливой по отношению к племяннице. Она ничего не имела против того, чтобы к ней приходила сокурсница Максименко после того, как познакомилась и долго говорила с ее мамой. Софья Петровна тоже была рада, что Ольга Владимировна взяла Нину к себе [3].

Н.В. Галкин теперь давал уроки два раза в неделю, и учиться стало значительно труднее, т. к. профессор предъявлял **более высокие требования к технике игры на скрипке**. «Скрипка – самый выразительный, богатый по тембру и самый высокий по диапазону инструмент смычковой группы». Это один из популярнейших «сольных инструментов», играющих также ведущую роль в оркестре [6]. Недаром скрипку называют «королевой оркестра», ведь «она в музыке является столь же необходимым инструментом, как в человеческом бытии хлеб насущный» [7]. Но, как писал В.Г. Вальтер: «Если верно, что «корни учения горьки», то корни учения на скрипке ужасного вкуса» [8]. Скрипач кладет скрипку на плечо, придерживает ее подбородком и меняет высоту звука (от *соль малой* до *соль четвертой октавы*) прижатием струн к грифу пальцами левой руки. В правой руке он держит смычок, которым можно вести по струнам непрерывно долгое время, и тогда звук будет певучим. Для выразительной игры скрипач должен применять много разнообразных приемов звукоизвлечения [7]. Этого и требовал Н.В. Галкин от своей ученицы и даже кричал и сердился на Нину. «То ударение в «мартелэ» нужно делать кистью, то штрихи больше», – писала она маме. «Я начну делать ударение кистью и делаю маленькие штрихи. Он кричит: «Делайте большие штрихи, тон давайте». Я даю тон и делаю большие штрихи и не опускаю кисть при верхнем штрихе. За всем этим так трудно уследить зараз. Я еще не привыкла так учить урок. Сегодня думала, что хорошо знаю его, а вышло наоборот». Когда Нина уходила, Н.В. Галкин, видя, что она готова

Нина Зубова – 15-летняя ученица Санкт-Петербургской консерватории
(Фото из семейного архива автора)

разрыдаться, он сказал ей: «Нужно стараться и играть. *Вы ведь девушка способная*». Л.Ауэр в своей книге «Моя школа игры на скрипке» подробно описал многочисленные штрихи смычка: деташэ, мартелэ, стаккато, спиккато, tremolo, арпеджио и легато; вибрацию, портаменто или глиссандо; нюансировку и фразировку, украшения и пиццикато и, в конечном счете, подвел все к стилю игры [4]. И всему этому Нине Зубовой нужно было овладеть в течение нескольких лет учения. После урока с Н.В. Галкиным она сделала правильный вывод: «Одно меня утешает – это то, что он на меня кричал потому, что молчание самый худой знак. Значит, не стоит даже того, чтобы кричать и выходить из себя» [3].

Н.В. Галкин велел Нине купить двухфунтовую гирьку (а это немногим меньше килограмма!) для упражнений кисти правой руки и, заметив, что она плохо видит, посоветовал купить очки или пенсне, чтобы не играть, уткнувшись носом в ноты. Нина решила сразу же сходить к глазному доктору, чтобы он назначил номер линз, и купить себе пенсне для игры на скрипке, когда приходиться стоять на значительном расстоянии от нот. Когда же она стала надевать пенсне в классе, то оно то и дело сваливалось, и тогда Н.В. Галкин собственноручно укреплял его на носу [3].

А в *дуэтный класс* Нина должна была ходить к преподавателю Беему. Ноты там были разделены на две партии: для 1-ой и 2-ой скрипок. Несколько человек должны были играть партию 1-ой скрипки, другие – партию 2-ой. Сначала играли очень простые пьески, читая прямо с листа и не готовясь к уроку. Но постепенно пьесы усложнялись, что было прекрасной практикой для чтения нот с листа в процессе игры [3].

В ноябре в Консерватории должен был праздноваться *юбилей А.Г. Рубинштейна*. Планировалась постановка оперы «Горюша» и *концерт консерваторского оркестра и хора* в Дворянском собрании. У консерваторцев пробовали голоса, *Нину определили «в альты»*, и уже начались спевки с оркестром. Все *хористки должны были быть одеты в белые платья*, но Нина готова была отказаться от участия в хоре, если для семьи будет затруднительно сшить ей такое. Помочь взялась Ольга Прокопьевна Степановская. В воскресенье она съездила с Ниной в Гостиный двор, где купили 8 аршин материи двойной ширины. Приказчик сделал скидку, так что покупка вышла дешевой, и материю отдали шить портнихе. Платье вышло хорошенько, но работа с коленкором и пуговками встала более чем в 11 рублей, что Нина считала слишком дорого [3].

Ольга Прокопьевна проявила также большое участие в поисках комнаты для Нины, когда оказалось, что Ольге Владимировне занятия Нины на скрипке действуют на нервы. Тетя даже посыпала узнать – не могла бы Нина заниматься в находящейся во дворе пустой вечером школе? Но там отказали, и Нина сообщила Н.В. Галкину, что теперь не может заниматься столько времени, сколько нужно. Когда Нина рассказала об этом тете, то Ольга Владимировна сказала, что она очень рада, что Нина у нее живет, что она очень милая девочка, что она любит все семейство Зубовых, но, к сожалению, не может слышать звуков скрипки. Тетя предложила дождь у нее до Рождества и посоветоваться с родителями [3].

В начале ноября должен был состояться *сольный концерт Л. Ауэра*. Необходимо было как-то достать билет, но народу в кассу оказалось так много, что стоять пришлось бы до темноты. Осталась надежда, что кто-то из подруг купит ей и Максименко два билета. К счастью, удалось побывать *на концерте А.Г. Рубинштейна*. Нина «сидела на очень хорошем месте», и он все время был у нее «перед глазами. Ему страшно хлопали и кричали bis. Он сыграл на bis пять вещей и потом, когда уже многие расходились, его вызывали и заставили сыграть еще два раза». А.Г. Рубинштейн играл так хорошо, что Нина долго ходила как в чаду, и в ее ушах звучали многие его мотивы. Затем *А.Г. Рубинштейн играл с консерваторским оркестром под управлением Л. Ауэра, а Н.В. Галкин играл на первом пульте* [3].

День рождения Нины 2 декабря был отмечен катанием с Ольгой Владимировной по набережным Петербурга мимо дворцов. Тетя подарила ей вязаный шерстяной платок [3].

На юбилейном вечере А.Г. Рубинштейна билет Нины на хоры, на который она записалась месяц назад, оказался *на эстраду*. Все девушки были в белых платьях. Когда А.Г.Рубинштейн вошел, то консерваторский оркестр заиграл музыку прежнего ученика Консерватории, композитора Давыдова, а затем сыграл «Музикальную картину России» с мотивами разных народов страны. *Хор спел кантату*, а затем дуэтом выступили ученик и

ученица. А.Г.Рубинштейн очень всех благодарил, особенно за адрес, который ему преподнесли от всех учащихся Консерватории. В класс был подан чай, а *когда туда вошел А.Г.Рубинштейн, то все закричали «ура»*. Потом были танцы. Нина и Максименко стояли на стульях и смотрели как учащиеся, вместо вальса, мазурки и прочих бальных танцев, только скакали и вертелись друг с другом. Инспектор Самус, «рыцарь всех маленьких девочек», танцевал с ними до упаду [3].

На следующий день в Дворянском собрании перед А.Г. Рубинштейном, принцем Мекленбургским и депутатами от фабрик Шредера и Беккера *консерваторский оркестр играл музыку П.И. Чайковского, а хор исполнил кантату Баха*. От фабрик Консерватории были преподнесены два роскошных рояля, а Щредер сказал, что каждый год 18 ноября лучшему ученику или ученице консерватории он будет дарить рояль на выбор. *Речей и подношений А.Г.Рубинштейну было до 200!* Каждый приветствующий его (от Думы, музыкальных обществ, разных институтов, в том числе и зарубежных) читал адрес, вложенный в папку, и что-нибудь преподносил, чаще всего серебряный венок. Представитель из Берлина полчаса говорил по-немецки и преподнес бюст А. Г. Рубинштейна и лавровый венок. В конце концов, на столе перед Антоном Григорьевичем выросла *целая гора подношений*, так что нужно было не менее 5-ти карет, чтобы все это увезти. А распорядитель вечера сказал, что в адрес юбиляра поступило еще столько поздравлений, что их не успели распечатать, и отвезут их ему на квартиру. В этот день в Консерватории были учреждены четыре *стипендии имени Антона Рубинштейна* [3].

На Рождество Нине удалось осуществить свою мечту и уехать в *Вологду*. Н.В.Галкин позволил ей это после последнего у него урока 19 декабря и написал, что ее «отпускает». Тогда инспектор Самус выдал Нине нужный документ [3].

По возвращении в Петербург Нину неожиданно встретила на вокзале Элеонора Антоновна Тейшер, та самая портниха, которая шила ей белое платье к юбилею А.Г.Рубинштейна. Взяв Нинину вещи, она поехала к себе, а Нина – к Ольге Владимировне, чтобы уложитьсь и переехать на новую квартиру. Конечно, без заботы Степановских о Нине здесь не обошлось. Комнатка оказалась очень удобной, а хозяйки Элеонора и Антонина Антоновны были добрыми и заботливыми. У них в гостях побывала Лидия Платоновна Окулова, бабушка или «бабонька» Оли и Веры Степановских, которая расспрашивала Нину о Вологде, т. к. собралась туда уехать в конце января, чтобы провести масленицу со своей дочерью Лидией Прокопьевной Волконской. В воскресенье Нина ездила в Павловский институт к Оле и Вере, а в следующую субботу - к Степановским на Выборгскую, чтобы проститься с Лидией Платоновой [3].

Первый урок у Н.В. Галкина сошел хорошо, благодаря тому, что Нина окончательно выучила пьеску Берио. Профессор задал ей учить седьмой концерт Роде [3].

В связи с отъездом Элеоноры Антоновны, Нине пришлось переехать на другую квартиру к ее сестре Анжелике Антоновне и ее мужу Николаю Егоровичу Штумф (на угол Троицкой улицы и Щербакова переулка, д. 19, кв. 10). Нине уступили гостиную, где она должна была спать на диване и на день убирать свою постель в комод. Приходя домой из Консерватории, она закрывалась, чтобы заниматься, а хозяева в это время сидели в столовой. Нина считала, что лучшего и желать не надо: комната в три раза больше прежней, в двух шагах от Консерватории и постоянная практика по немецкому языку, т. к. хозяева дома почти не говорили по-русски. Анжелика Антоновна даже подарила Нине словарь «Русско-французско-немецких общественных разговоров» [3].

На масленицу Нине удалось побывать в *Мариинском театре на балете «Спящая красавица»*, где был *Государь* со всем семейством. После второй картины оркестр сыграл *«Боже Царя храни»*. А Н.В. Галкин, игравший на первом пульте скрипок, встал лицом к Государю и весело улыбался. Балет Нине, конечно, очень понравился. Поздним вечером хозяева пригласили Нину прокатиться на тройке на Каменный и Елагин острова, где катались с гор, а когда замерзли, то поехали греться в зимний тропический сад «Аркадию». На следующий день Нина ездила в гости к Степановским. Они опять наняли чухонца, и Ольга Прокопьевна с Ритой были в санях, а Нина с Машей (видимо, их знакомой) – на козлах. Хотели оставить Нину ночевать, но поскольку Штумфы не были предупреждены, Нину

проводил домой их молодой знакомый Прахов. В воскресенье Нина была у девочек Степановских в Институте, а оттуда с Ольгой Прокопьевной опять поехала к ним в гости. Софья Петровна порадовалась, что дочь повеселилась на масленицу, но высказала опасение по поводу того, что ей приходится часто встречаться и оставаться одной с молодым человеком. «Держи себя строже, - наказывала мама, - не вздумай обожать кого-нибудь или влюбиться; тебе нужно учиться...», чтобы достичь совершенства. На что Нина ответила: «Насчет моих чувств к Прахову не беспокойтесь, т. к. влюбляются в красоту и... во все изящное. Прахов же не отличается ни тем, ни другим и, если бы я влюбилась в кого, то уж никак не в него. И потом, я уж не такая ветреная, чтобы обожать всякого молодого человека, с которым познакомилась. Я думаю о моей мамочке и *ни о чем другом не мечтаю, как ...делать быстрые успехи*, которых, к несчастью, теперь почти совсем нет» [3].

Несмотря на то, что Нина занималась теперь по четыре часа в день, заданный этюд у нее никак не клеился. Н.В.Галкин говорил, что четыре часа в день совершенно достаточно и, следовательно, она играет, а не работает. «Нужно следить за каждой ноткой, чтобы она была и чисто взята, и звучала бы, и чтобы не было глиссандо при переходе с позиции на позицию, и за правой рукой следить». Но и этюд сам по себе был трудный, т. к. состоял из двойных нот. Концерт тоже подвигался медленно, ноты Нина уже знала, но «дать тон» еще не могла, хотя Н.В.Галкин научил ее – как нужно вырабатывать тон [3].

Нина подружилась с Тукой Максименко и была с ней и ее сестрой Женей на катке. Ведь научиться кататься на коньках была ее давнейшей мечтой! «Не думайте, мамочка, - писала она, - что перестану учиться, если буду иметь немножко более разнообразия. Я буду приходить (к Максименко и на каток) только по праздникам, когда имею время играть днем. Только бы мне перейти в 6-ой класс! Помолитесь за меня, дорогая» [3].

Наступила весна, а с ней приблизились и экзамены. Ольга Владимировна съездила с Ниной в Гостиный двор, чтобы купить материю для нового приличного темно-гранатового платья, которое тут же отдали шить. Несмотря на загруженность, каждое воскресенье Нина бывала в Павловском институте: до 3-х часов у двоюродной сестры Наташи Величковской, а до 4-х – у Оли и Веры Степановских, с которыми потом отправлялась к ним в гости. Нина боялась, что «им надоела своими частыми посещениями, но видеть их» обратилось у нее в привычку – «это было единственное семейство, которое могло ее приласкать» [3].

В последних числах марта совершенно неожиданно в Петербург, проездом на Кавказ, приехал Юлий Михайлович. Он звал Нину с собой, но, конечно, она отклонила это предложение, зная, что нельзя пропускать год учения в консерватории. С отцом Нина съездила к Циммерману, чтобы отдать скрипку и поправить колки. Затем *отец дал ей 100 рублей на новую скрипку* для того, чтобы она попросила Н.В. Галкина помочь ее выбрать. Струны купили у старого знакомого дяди Миши, его Миланского секретаря, синьора Петро Бацоло, которого по-русски называли Богель. Обедали с отцом у Ольги Владимировны, а вечерний чай пили у Штумфов. Были в гостях и у Степановских [3].

Стало известно, что *по письменному французскому* экзамену, которого Нина больше всего боялась, она получила 3 1/2 («весьма достаточно»), а *за устный* - 3 («достаточно»). Слава Богу, не провалилась! На письменном экзамене по русскому языку были предложены две темы: «Значение Невы для Петербурга» и «Значение Волги для России». Нина выбрала вторую тему и написала 5 страниц, заимствовав из недавно опубликованной поэмы отца «На Юг!» главную мысль о соединении Севера и Юга России этой великой русской рекой. Но и *за письменный, и за устный русский* экзамен ей поставили всего по тройке («достаточно»), т. к. все испортило чтение стихов, что Нине никогда хорошо не удавалось. *Закон Божий, история и физика* были сданы на 4 («хорошо»), *геометрия* на 3 1/2 («весьма достаточно»). Это было уже лучше, чем при переходе в 5-ый класс, и – *Нина уже в 6-ом!* [3].

После Пасхи, два дня которой Нина провела у Степановских, она сказала Н.В. Галкину о скрипке. Он ответил, что если бы отец дал 500 или 600 рублей, то можно было бы купить приличную скрипку, а за 100 рублей скрипка будет не лучше той, которая есть, так что лучше пока подождать. Потом он сказал, что Нине *нужны* три вещи: *хорошая скрипка, хороший смычок и хорошая голова*, которая не позволяла бы заниматься с ленцой. А Нина ведь старалась, но, по мнению учителя, недостаточно. Нина же сочла, что пожелание не быть

слишком ленивой более предпочтительно, чем пожелание способностей. Тем не менее, было совершенно ясно, что через год-другой она еще не сможет давать концерты, как хотел бы того отец, и надо еще учиться не менее 5-6 лет, чтобы хоть что-то получилось. А чтобы был Диплом со званием «свободного художника», кроме научных и специальных предметов (теории музыки, фортепьяно и скрипки), нужно пройти еще много других дисциплин (историю музыки, эстетику и пр.) [3].

В конце апреля Н.В. Галкин на одном из уроков показал Нине скрипку, которую можно купить примерно за 100 рублей и обещал в субботу назвать цену. Он сказал, что эта скрипка несравненно лучше Нининой, потому что та, вообще ни на что не годится, а смычок уже скривился на одну сторону. У этой же скрипки два смычка с хорошими волосами. Футляр такой, с которым можно ходить под дождем, не укутывая инструмент. Решили, что когда Юлий Михайлович приедет в Петербург, то поговорит об этой скрипке с Н.В. Галкиным. В итоге, *новая скрипка для Нины, предложенная Н.В. Галкиным, была куплена* [3].

Экзамен по теории музыки Нина сдала на «отлично» и *перешла в старшее отделение* к Сакетти. На экзамене по фортепьяно Нина играла два этюда Геренса и сонату Моцарта. Видимо, ее технику сочли достаточной, потому, что известный автор сложнейших этюдов Черни дал ей разобрать довольно сложные ноты, а потом отпустил. Позже стало известно, что в старшее отделение к нему Нина никак не могла бы еще попасть, перескочив из младшего и минуя среднее. *На экзамене по скрипке Нина неплохо исполнила Седьмой концерт Берии*, отметка ее осталась неизвестной [3].

Лето 1890 года Нина, вместе с родителями, братом Петей и сестрой Олей, провела у дяди Михаила Михайловича *в имении Заломаиха* (что на левом берегу р. Масляной у ее впадения в р. Вологду).

Третий 1890-1891 учебный год в Консерватории. Нина *вернулась в Петербург* 3 сентября. Н.В. Галкин сразу же задал ей *три новых этюда и повторять старый концерт*. Но классы посещать без оплаты хотя бы первого полугодия не разрешалось, и Нина назначила дату платы 20 сентября, когда в Петербург должен был приехать Юлий Михайлович. Оркестровый класс Нина посещать тоже пока не была должна, т. к. А.Г. Рубинштейн велел принимать туда только учеников высшего курса, и всех младших из оркестра удалили. Деньги на оплату обучения в Консерватории и за квартиру Юлий Михайлович, из-за долгой работы в уезде, смог прислать дочери только в середине ноября. *Обязательное фортепьяно*, теперь *в среднем отделении*, Нина начала проходить у Тирона, а также заниматься гармонией. Последний раз в классе гармонии был *А.Г. Рубинштейн*, и Нина неплохо написала при нем «модуляцию» [3].

Когда в Петербург приехал старший брат Нины Владимир, то с ним она была в Итальянской опере, а затем в Русской, где давали «Евгения Онегина» П.И. Чайковского. Там у Нины «каждая жилка дрожала от восторга», т. к. Русская опера ей понравилась гораздо больше Итальянской. Затем она планировала пойти на симфонический концерт, в котором играл Н.В. Галкин. Большим огорчением стало *решение А.Г. Рубинштейна уйти в отставку*. Он обещал приходить на экзамены и на концерты и заверил, что в Консерватории «все останется по-прежнему» [3].

К юбилею П.И. Чайковского в Консерватории опять стали набирать хор, но поскольку он состоялся из одних «малышей», которые должны были петь «Колыбельную» и «Весну», то старшие консерваторки попросили, чтобы их освободили, в том числе, и Нину. В ноябре она была на концерте профессора из Будапешта, скрипача Губай. По ее мнению, «он играл замечательно хорошо». Затем учениц возили в Мариинский театр на «Евгения Онегина», где партию Ленского исполнял Фигнер, от которого Нина была в восторге. «Голос небольшой, но он им замечательно хорошо владеет, а уж как играет, описать невозможно! В сцене перед дуэлью он так пел!», что Нина чуть-чуть не разревелась. В середине декабря Нина получила *бесплатный билет на симфонический концерт, в котором должен был играть Леопольд Аузэр*, причем «за хорошее поведение» на первую скамейку, куда дают обычно только оканчивающим [3].

На Рождество Н.В. Галкин не хотел отпускать Нину в Вологду, но она решительно заявила, что поедет, но вернется раньше, чтобы не потерять его уроков. Перед отъездом она

привила себе оспу, как рекомендовал это сделать всем консерваторским А.Г.Рубинштейн [3].

В Петербурге после Рождества сразу же *пришло усиленно заниматься*. Уроки гармонии, когда Саккетти показал «басовую задачу», она пропустила, и теперь нужно было наверстывать – писать большой хорал, заданный на Рождество, и делать еще несколько старых заданий. Н.В. Галкин *после концерта Крейцера*, задал Нине учить новое произведение – *«Souvenir de Bellini» Арто*. На фортепьяно тоже нужно было заниматься прилежнее. Поэтому пришлось даже отказаться от приглашения Нины Дмитриевны и ее дочери Ниночки провести у них весь день их общих именин. Нина Дмитриевна вечером 14-го января приезжала к Нине и поздравила ее. Анжелика Антоновна подарила Нине духи и гриб для штопки чулок, а к обеду подготовила шоколад [3].

В Консерватории Нина заказала билет на оперу «Фиделио», т. к. ей очень хотелось увидеть на этом спектакле Государя, но билета ей не досталось. Зато в феврале ей удалось услышать *дуэт двух виолончелистов – Вержболовича и Ветенгеля*. Вержболович ей очень понравился, «прелестно играл, и тон такой чудный». Была она и в *квартетном собрании*. «Как хорошо, я просто заслушалась», - писала она маме. «Особенно хороши *квартет Бородина*. Играли *Аузер первую скрипку*, *Крюгер вторую*, *Галкин - альт* и *Вержболович - виолончель*» [3].

По теории музыки Нина достигла больших успехов. Саккетти похвалил ее *басовую задачу и два хорала*, один из которых она записала в его тетрадь, где «*модели лучших*». Софья Петровна написала: «Я и дядя Миша очень обрадовались, что ты удачно написала хоралы. В субботу у нас будут играть три виолончелиста: Царевский, Никитин и дядя Миша, на фортепьяно – я, из «*Вильгельма Теля*». А Михаил Михайлович написал Нине: «Милая Нинушечка, пожалуйста, напиши в нескольких словах – какими упражнениями смычка достигается тон, ... мне очень нужно. Крепко целую тебя и твои ручки. Любящий дядя» [3].

На масленицу Нина весь день провела у тети Ольги Владимировны. Та дала ей и ее двоюродному брату Коле Зубову лошадей, и они катались по Петербургу. *Тетя пожелала услышать игру Нины на скрипке*, чтобы узнать – какие она сделала успехи, и та обещала прийти к ней вместе с Тукой Максименко для аккомпанемента. Девочки дома сыгрались, и в один из дней после обеда были у тети. Ольга Владимировна «была в восторге и сказала, что она просто не верит, что это я играю, т. к. в прошлом году, когда я ушла от нее, то еще не играла никакой пьесы». Нина играла *«Souvenir de Bellini» Арто*. А Тука исполнила на рояле вальс Шопена и что-то Мендельсона. Тетя осталась очень довольна и попросила теперь часто играть у нее. *Н.В. Галкин* тоже был доволен игрой Нины [3].

В апреле Нине удалось побывать на *генеральной репетиции концерта А.Г.Рубинштейна*. «Он дивно играл свое сочинение. Девятая симфония Бетховена – один восторг! Завтра А.Г. Рубинштейн будет играть для нас в зале Консерватории. ... Классная дама говорила, что он раньше не соглашался играть для нас, сомневался, что нам так хочется его слышать, но его уломали». *А.Г. Рубинштейн остался директором Петербургской консерватории*, только взял отпуск на один год [3].

В пору экзаменов начались обычные волнения. По русскому языку Нина получила годовую отметку 4 («хорошо»), по истории тоже «хорошо»; сдала благополучно и все остальные общие предметы. Это очень порадовало родителей. За три года Нина отучилась в 4-ом, 5-ом и 6-классах и *на следующий год уже не должна была заниматься научными уроками, а только музыкальными предметами* [3].

На экзаменах по музыке *отметки* Нины были *лучшие, чем в прошлом году*. По теории музыки она получила 5 («отлично»), по общему фортепьяно – 4 («хорошо») и *перешла в старшее отделение* к Ф. Черни. А на *экзамене по скрипке* должна была играть один из этюдов Роде и *Второй концерт Шпора*. И, видимо, *играла хорошо*, т. к. Н.В. Галкин сказал, что *на будущий год возьмет ее в оркестр*. Нина, конечно, этому очень обрадовалась, считая, что это принесет ей большую пользу, хотя и будет отнимать много времени. Она знала уже практически всех скрипачек из консерваторского оркестра: ученицу Л. Ауэра Кон, ученицу Н.В. Галкина Мангуби и других [3].

Четвертый 1891-1892 учебный год в Консерватории. 2 сентября 1891 года Нина *приехала из Вологды в Петербург*. Штумфы сумели по-прежнему устроить Нину у себя, отведя ей большую комнату со входом из передней [3].

Леопольд Ауэр

Квартет С.-Петербургского Отделения ИРМО
Леопольд Ауэр (1-я скрипка), И. Пикель (2-я скрипка),
А. Вейкман (альт) и А. В. Вержбилович (виолончель)

В Консерватории уроки гармонии уже начались, а скрипичный урок должен был состояться в субботу. Нина теперь усердней играла упражнения, верней «тянула», прижимала сильнее пальцы, и звук скрипки стал значительно чище, сильней и приятней. Она подготовила для Н.В. Галкина последний из этюдов Роде, который играла, и следующий. Но профессор сказал, что Нина мало продвинулась вперед, и задал урок к среде, но в среду никого не слушал, т. к. был нездоров. Зато вскоре Нина в первый раз играла в консерваторском оркестре. Играть было очень трудно, хотя и во вторых скрипках. Приходилось читать ноты прямо «с листа», ничего не разучивая, и, когда в allegro она замолкала, то Н.В. Галкин, конечно, сразу замечал. А репертуар был уже вполне профессиональным: «Венгерские танцы» Брамса и другие сложные сочинения. Во второй раз в оркестре Нина играла уже гораздо лучше, привыкая к тому, что занятия делятся 3 часа с двумя небольшими перерывами. Но глаза у Нины стали очень уставать, и становились красными. Пришлось пойти к доктору, который прописал капли для век, сказав, что, к счастью, дело не в зрении, и что пенсне у нее подобрано правильно [3].

В середине сентября Нина снова повидалась со Степановскими и осталась у них до вторника. Теперь она каждое воскресенье ездила к ним. «Они меня любят, - писала она маме, - и ласкают» [3].

В октябре Нина решила найти себе учительницу французского языка, и та оказалась рядом с ней в одном подъезде. За 6 рублей в месяц договорились о часовых уроках три раза в неделю. Вскоре Нина стала уже читать французский роман со словарем. А учительница рекомендовала ей побывать в Михайловском театре на французских представлениях. Тогда она раза через четыре должна была бы уже все понимать. Нина писала маме: «Непременно, дорогая, давайте вместе читать летом по-французски; у нас, кажется, есть «Illustration» за несколько лет..., и будем также говорить. Я в нынешнем году очень много бываю во Французском театре и нарочно примечаю, как они выговаривают» [3].

27 октября в зале Кредитного банка, где всегда бывают квартетные собрания, должен был состояться *ученический концерт в пользу голодающих*. Запланировали игру одного из ауэровских учеников, пение, игру на рояле и участие консерваторского оркестра. «Концерт наш сошел... хорошо, - писала Нина. - солист был превосходен. Особенно хорошо играл ученик Л. Ауэра Фидельман на скрипке и Николаев на рояле. Он играл сонату Шопена. Дивная вещь, и он ее исполнил как настоящий артист. Он оканчивает в нынешнем году. Оркестр наш исполнял симфонию Шуберта, «Вальс-фантазию» Глинки и увертюру Бетховена. Кроме того, мы аккомпанировали виолончели, кларнету и певицам... В газетах очень хвалили наш ученический концерт. Особенно хвалили наш оркестр и Н.В. Галкина, что он так сумел поставить оркестровый класс в Консерватории» [3].

Теперь у Нины было очень много занятий. Каждый день она бывала там и утром и днем, а по вторникам еще и вечером для игры в ансамблевом классе. Скоро должно было начаться и обязательное пение. Но, главным, конечно, была скрипка. Профессор Н.В. Галкин был Ниной доволен, т. к. играла она после самостоятельных занятий хорошо. Теперь она разучивала «Балладу» и «Полонез» Вьетана – «трудные, но дивные вещи» [3].

В октябре у Нины в гостях была Ольга Прокопьевна с Олей, которые попросили Нину сыграть. Она проиграла им начало «Баллады», и Оля подумала, что Нине очень трудно, т. к. у нее дрожали пальцы. Но это была обычная вибрация, которой Нина уже овладела [3].

2 ноября Нина была в квартетном концерте. «Ауэр играл с Дубасовым (рояль) сонату Шумана. Еще исполняли два квintета: один Брамса не особенно красив, а другой – прелесть». Через несколько дней Нина «была в симфоническом концерте. Играли скрипач Вольф из Парижа. Тон у него замечательный, такой нежный, мягкий. Он играл концерт Годара. ...совсем во французском вкусе». Особенно Нине понравилось начало: «Я даже во сне все слышала этот мотив – такой оригинальный. Публика была в восторге и два раза вызывала его на bis» [3].

В ноябре и декабре отец по частям прислал Нине необходимые для оплаты Консерватории и житья средства, т. к., по его словам, «капиталы – на выходе, ...денег, вообще, недостает постоянно и откуда их добывать» – не известно [3]. А 11 декабря 1891 года Нина переехала к Степановским и, чтобы расплатиться с Штумфами, жить у которых ей по разным

причинам не было никакой возможности, она заняла деньги у Ивана Константиновича. Решили, что до отъезда в Вологду на Рождество Нина пробудет у них, с тем, чтобы в новом году найти для нее другую квартиру, или же все-таки жить у Степановских, пока таковая не найдется [3].

В конце первого полугодия 4-го года обучения **Н.В.Галкин сказал** Нине, что она «очень способная и могла бы сделаться «виртуозкой», но у нее «нет достаточной любви к музыке. Что только тогда от человека может что-нибудь выйти, когда он ставит на первый план свое искусство. Он должен стремиться только к одной своей цели, а все остальное оставить на задний план. Если, например, не выходит пассаж, то должно его работать, пока не выйдет, не откладывая на другой день». Но «разве это не любовь, - писала Нина маме, - что я сижу одна в Петербурге у противных Штумфов, ем тухлое мясо и мерзну в нетопленной комнате? Галкин прав, потому, что я действительно не забываюсь над упражнениями пальцев... Но, однако ж, я играю упражнения и работаю над пассажами, хотя, может быть, не совсем так, как следует, но насколько умею. Значит, у меня есть сила воли». Одним словом, Н.В. Галкин прочел Нине Зубовой целую лекцию и чуть не довел ее до слез... Но она была «рада, что он высказался», что она «не бездарность» и из нее «может что-нибудь выйти». На последнем скрипичном уроке в класс зашел **Леопольд Семенович Ауэр** и слушал, как Нина играла. Он сказал, что «**тон у нее хороший и правая рука идет хорошо, но левая – слаба;** что нужно играть гаммы и упражнения, чтобы ее укрепить». «Теперь я говорю себе, - писала она далее родителям, - что я хочу быть виртуозкой и буду стремиться к тому всеми силами моей души» [3].

После Рождественских каникул, проведенных в Вологде, Нина вернулась в Петербург к Степановским, которые отдали ей свою столовую. В конце января для Нины удалось найти маленькую комнату в семействе полковника Успенского, жена которого была племянницей ее двоюродной бабушки, Аделаиды Алексеевны Родзянко, рожденной Зубовой. За 35 рублей в месяц со стиркой Успенские согласились взять Нину к себе; рояль у них был. Уезжать от Степановских Нине было очень грустно, но оставаться, конечно, тоже было нельзя; Ольга Прокопьевна так и не взяла с Нины никаких денег. А у Успенских ей было очень хорошо, т. к. хозяева и четверо их детей оказались очень милыми, особенно девочка лет 10-ти. Софья Витальевна прекрасно вела дом, и стол был великолепным [3].

Два первых урока у Н.В. Галкина «сошли очень хорошо». Один раз Нина играла этюды, в другой раз – балладу и полонез. **Николай Владимирович** был очень доволен и особенно тем, что каденция вышла очень чисто. Он задал Нине «*Romance sans parole*» («Романс без слов») и «*Rondo*» («Рондо») Венявского. В середине февраля состоялся **музыкальный вечер**, на котором **консерваторский оркестр** исполнил три пьесы и сопровождал других исполнителей; Нина участвовала. А в другой раз Нина была в числе слушательниц, лучшим номером была скрипка – восьмой концерт Шпора играл ученик Л. Ауэра Налбандян [3].

В начале марта Нина была в **симфоническом концерте**. «Играл замечательный скрипач, профессор Томсон из Парижа. Играли «Концерт» Паганини, часть концерта Бруха и «Фантазию» Паганини. Паганини вещи так трудны, что, кажется, невозможно человеку сыграть их. Он делал положительно чудеса. Самые трудные пассажи он делал октавами и флаголетные пассажи – в терциях. Просто невозможно вообразить, что он выделявал. И Ауэр, и Галкин, и все просто рот разинули от изумления. На *bis* он играл две вещи, тоже в подобном роде. Вызывали его без конца. Главное, что кроме техники, и тон у него замечательный. Он сам ужасно нервный. Говорят, что он играет 10 часов в сутки. Томсон обещал играть в Консерватории в воскресенье для нас. Все собрались, а он не приехал. Оказалось, что у него заболел палец». В субботу Нина опять была в **симфоническом концерте** и слушала скрипача Крюгера, а в следующую субботу она надеялась услышать **Леопольда Ауэра**, и это ей удалось. На скрипке Нина теперь играла «Сонату» Руста, и готовила ее для экзамена [3].

Во время Поста Нина говела вместе с Софьей Витальевной и ходила с ней в церковь почти каждую субботу и воскресенье. В Пасху поехала к Степановским и почти все праздники провела с ними [3].

Горячая пора экзаменов, по которым Нина, как всегда, боялась провалиться, наступила. Однако экзамен по фортепиано она сдала на 4 («хорошо»), транспонировку тоже на 4

Сестры Зубовы. Слева направо: Нина Мария, Ларисса,
Елизавета, Ольга, Екатерина
(Фото из семейного архива автора)

«хорошо», устный экзамен по гармонии на 4 1/2 («очень хорошо»), а письменный – на «отлично». Но поскольку, по рассеянности, она забыла в одном месте поставить «диез», а в другом «бекар», то, кажется, все-таки поставили 4 1/2 («очень хорошо»). Таким образом, Нина *закончила курс гармонии и сдала этот экзамен на диплом*. Экзамен по скрипке Нина тоже сдала успешно, получив 4 («хорошо»). Она играла прошлогодний конкурсный этюд, что-то Баха и пьесу на выбор. Теперь она поняла, что могла бы *перейти в класс Леопольда Семеновича Ауэра*, если бы держала переходной экзамен. Но Н.В.Галкин сказал, что еще год она остается у него, т. к. играть у Л. Ауэра ей пока еще будет трудно. «*Ауэр – такая прелесть*», – написала маме Нина. Он *после экзамена* подошел ко мне, пожал мне руку и *сказал: «Очень хорошо!»* Конечно, Нина была безумно этому рада [3].

В конце мая Нина уехала в *Вологду* и далее в Кузнецово на все лето и, наверное, там усердно занималась, т. к. дядя Миша отметил, что Нина «*сделала громадные успехи в игре на скрипке*» [3].

Пятый 1892-1893 учебный год в Консерватории. В первых числах сентября 1892 года Нина, уже 18-летняя барышня, *приехала в Петербург* с отцом Юлием Михайловичем и сестрой Ларей, которую нужно было устроить в Екатерининский институт. Поэтому пока жили в меблированных комнатах. С отцом Нина была на *опере «Демон»*, музыка которой и Яковлев (Демон) ей очень понравились. В один из дней они обедали у Ольги Владимировны, где был и Иван Константинович Степановский, «как всегда очень мил и ласков». Он пригласил Нину жить у них, «если у Успенских не выгорит», но Успенские снова предложили Нине комнату, хотя и переехали на другую квартиру дальше от Консерватории [3].

А в Консерватории уже начались *занятия по «энциклопедии»*. Это оказался очень трудный предмет. Саккетти сказал, чтобы учащиеся занимались им по 5 часов в день, иначе провалятся на экзамене. Юлий Михайлович купил для Нины по этому предмету несколько книг: «Историю искусств» Саккетти, «Романсы» Глинки, Шуберта и Шумана. А для занятий по «инструментовке» – quartet Гайдна, который нужно было «переложить» для фортепьяно, и нотную тетрадь, чтобы записывать переложения. Н.В. Галкин задал Нине *Шестой концерт Шпора*, но нот ни в одном магазине не нашли, и профессор дал ей свои. В оркестре Нина играть уже была не должна из-за болезни глаз, доктор Тихомиров дал ей свидетельство об этом для Консерватории. Нину, конечно, освободили, но ей было очень жаль, т. к. она любила играть в оркестре [3].

Ларю приняли в институт, и теперь по воскресеньям Нина ездила ее навещать, т. к. сестра, добрая и сердечная девочка, конечно, очень скучала. Потом Нина переходила в Павловский институт, где виделась с девочками Степановскими и Ольгой Прокопьевной, которая затем увозила ее к себе [3].

В конце октября Нина была на *генеральной репетиции симфонического оркестра*, теперь уже *театрального*, а не Императорского Русского Музыкального Общества, как раньше. Шла оратория Листа «Легенда об Елизавете Венгерской» и, кроме других, пел Яковлев. «*Канули в лету*, – писала она маме, – наши любимые *симфонические концерты*, где дирижировал всегда *Ауэр* – «*олицетворение вдохновения*». Конечно, это чудный оркестр, но что-то чужое. Ужасно жаль прежних симфонических и, главное, *Ауэра*, он *так чудно дирижировал*. Перемена эта произошла от того, что оркестр Императорского Русского Музыкального общества стоил очень дорого. Я все-таки буду ходить на *репетиции*, т. к. пятница у меня свободна, и на сам концерт, когда дадут билет. Из скрипачей нынче опять будет *играть Ауэр*, говорят, что Шопена» [3].

В одну из суббот Нина гостила у Степановских и ночевала, а утром в воскресенье они поехали в Павловский институт к Вере и Рите, а Нина – в Екатерининский к Ларе. Ольга Прокопьевна завернула для Лари два пирога: с лимоном и с яблоками. Ларя была так рада домашней пище, что сейчас же все съела. Ольга Прокопьевна приезжала вечером в пятницу к Нине и посидела немного... «Как они все дружны! Как-то так просто чувствуешь себя у них. Для меня Степановские – идеал семьи», – писала Нина маме. «Ольга Прокопьевна всегда носит Вере все письма от бабушки Лидии Прокопьевны, Оли и Ваши и, вообще, от людей, которых они любят» [3].

Видимо, Юлий Михайлович написал что-то Нине в письме о Париже, т. к. в ее ответном

письме читаем: «Дорогой папочка. Ваше упоминание о Париже пробудило во мне новые мечты. Я уж вообразила себя там с Мишой, беря уроки у лучшего профессора и совершенствуясь в игре... Я уже думала, что после нашей Консерватории *хорошо было бы поучиться еще у Иоахима* («Это истинный образец совершеннейшего идеала скрипача», учителя Леопольда Ауэра [9]). У него учатся люди, которые уже везде кончили, одним словом, уже вполне артисты. Он берет очень немногих. Французская, или Бельгийская, школы слишком односторонние. Техника их легкая, блестящая, негодная для классического репертуара. Немецкая школа тоже односторонняя, противоположная Бельгийской, тяжелая и скучная. Иоахим же не принадлежит ни к какой школе. Хотя он придерживается классического репертуара, но для него безразлично играть Шпора ли, Берио ли. Теперь, впрочем, он, говорят, уже стар, хотя *выше него нет никого в Европе*» [3].

«Наша Консерватория ужасно притупляет способности. В Парижской консерватории, например, можно кончить одно обязательное сольфеджио, и вам выдадут аттестат... Там не понукают, как здесь, и потому люди приучаются работать самостоятельно... В Париже можно кончить курс с концертом Роде, который у нас играют начинающие. А, между тем, из нашей Консерватории ни одного знаменитого скрипача не вышло. Выходят хорошие оркестровики, и только. У нас от одного Саккетти поглупеешь. Знаете, что мы делаем *в классе «энциклопедии»?* Списываем модели, т. е. наиболее удачные задачи, написанные большей частью второгодниками, так что когда выйдешь из класса, то в голове совсем пусто... Саккетти ко мне страшно придирается. Прошлый урок, когда по обыкновению он просмотрел два такта, то обратился ко мне со словами: «Вы, госпожа Зубова, отстали», которые он не устает повторять мне каждый урок. Я вышла из себя и сказала ему, что, так как он просматривает у меня только два такта и никогда не поправит, то так далеко не уедешь. Тогда он изъявил претензию, что я поздно приехала, а в сентябре он объяснял, как нужно делать задачи. Тогда я ему сказала, что все правила у меня записаны, и я их знаю. Задача написана по всем правилам, ни одной ошибки нет, что же нужно для ее полного совершенства? Саккетти мне на это: «Это все-таки не так, как я хочу, что бы делали задачи». Как же, спрашивается, как? Объяснить он не хочет, т. к. очевидно говорит это только, чтобы ко мне придираться. Он иногда находит у меня параллельные квинты через несколько аккордов и в разных тактах. Ни у кого это не считается параллелизмом; у меня же считается, т. к. он ...насильно заставляет меня отставать от других. Он, очевидно, зол, что я не осталась в гармонии, что он советовал мне в прошлом году, да еще выдержала экзамен так блестательно. Он мне не велел делать задачи с фигурацией, сказав, чтобы я писала задачи только с гармонизацией. Я спросила: «Когда ж я додгоню остальных?» Он говорит: «Это Ваше дело». Видно, что он хочет меня непременно оставить на второй год, но я буду сама работать и, даст Бог, выдержу. В прошлом году ...за две недели до экзаменов заставил меня писать задачи половинными нотами, а на экзамене мне вдруг задал счет 9/8. Ведь он мог меня провалить. Этот счет гораздо труднее 12/8, потому что главная трудность состоит в ударении. Но, однако, ...я *получила даже 5 от директора*, замечательного теоретика, бывшего учителя самого Саккетти. И в этот раз, с Божьей помощью, я выдержу. В прошлом году у меня опускались руки от его придирак, теперь же буду работать, несмотря ни на что. Сегодня он сказал, что в моей задаче уже виден смысл. Еще бы, просмотрел всю задачу, а не два такта, как всегда. Мне особенно обидно было за одну задачу. Он проиграл ее, правда всю, но так, что и симфония Бетховена покажется снотоворной. Мне же эта моя задача очень нравилась. Ну, дорогая мамочка, я Вам уж очень надоела с Саккетти, но Вы не можете себе представить, как приятно излить перед кем-нибудь всю злость, которая у меня накопилась против этого педанта Саккетти, который для меня хуже касторки» [3].

Это письмо приведено здесь практически без купюр для того, чтобы мы поняли, что Нина Юльевна Зубова уже *приобрела твердый характер* и теперь *сможет в жизни отстаивать свои цели и интересы*. Свой день рождения она провела у Степановских, где от всех получила подарки [3].

В субботу Нина была *в симфоническом концерте*. Исполнялась музыка Направника к драматической поэме А.Толстого «Дон Жуан» в концертном исполнении. Ей понравилась музыка в следующих частях: «Пир во дворце Дон Жуана», «Танец фанданго» и «Серенада Дон

Жуана». «Серенада – это восторг что такое, и Яковлев великолепно ее исполнил. Но все-таки мне очень не нравятся теперь симфонические концерты. При Ауэре играли всегда классические вещи, да и оркестр был не тот. Это прекрасный оркестр и аккомпанирует прекрасно, но симфонии им не сыграть. Когда же играл тот оркестр, то впечатление получалось, будто играет один человек. А эти просто дубасят, как солдаты» [3].

Удалось Нине побывать и в театре на опере «Иоланта» и балете «Щелкунчик» П.И.Чайковского. «В «Иоланте» пели Фишер, Яковлев и Медея – все мои симпатии» [3].

В Консерватории с 24 декабря по 7 января 1893 года занятий не планировалось, так что можно было ехать в Вологду на Рождество, не пропуская уроков. Дядя Миша, услышав ее игру, написал своей знакомой певице Л.В. Алперс: «*Нина играет прелестно на скрипке, но еще проучится года три*» [3].

В январе 1893 года Нина *вернулась в Петербург* из Вологды вместе с отцом и дядей Михаилом Михайловичем, который купил ей ноты двух мазурок и «Полонеза» Венявского. В первый же день обедали у Степановских, а вечером там собрались все Зубовы: братья Николай, Михаил и Юлий и дети Нина и Коля. В честь именин Нина получила в подарок от Оли брелок для часов (серебряную гитарку), а от Ольги Прокопьевны – конфеты [3].

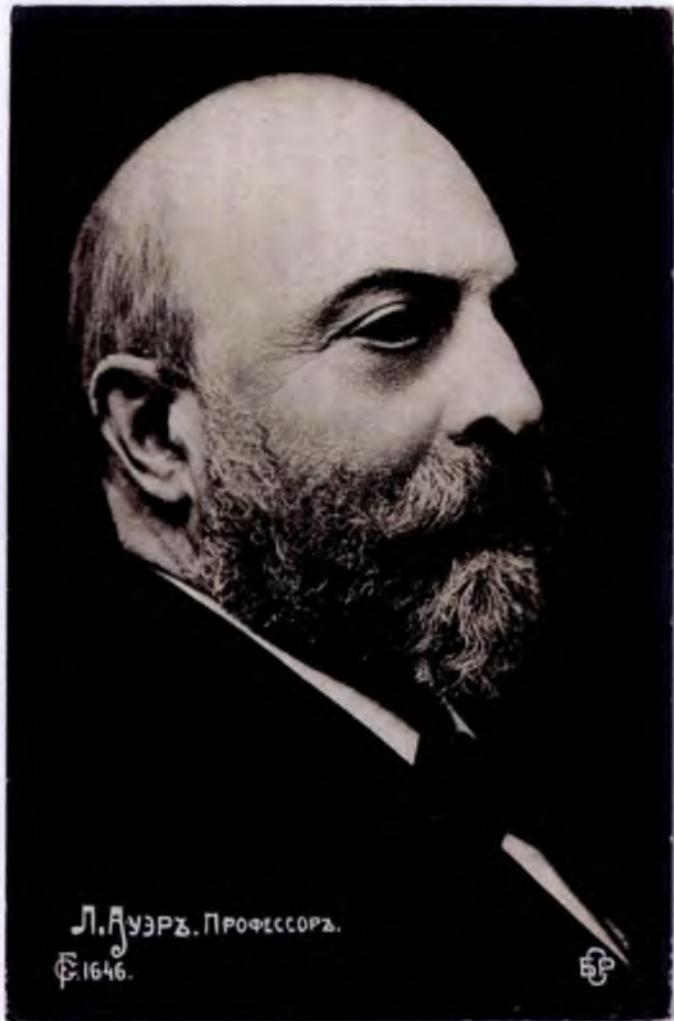
Уроки в Консерватории начались. *Н.В. Галкин остался очень доволен игрой Нины.* Прослушал все этюды, а пьесу перенес на субботу. У Саккетти задачу она написала, но оказалось, что все уже проходят «формы», и *Нине нужно опять догонять* из-за пропущенных уроков. Ученицы начали анализировать сонаты Бетховена, а Нина не знала, как это нужно делать. Саккетти не позволял ей писать аккомпанемент, т. к., по его мнению, она еще плохо гармонизировала. *Дядя Миша*, который, как всегда, «был ужасно добр» к племяннице, предложил нанять для Нины *репетиторшу*, какую-нибудь *консерваторку-теоретичку*. Нине было приятно получить от дяди очередной подарок, особенно такой полезный. Без репетиторши ей бы не выдержать экзамен у Саккетти [3].

На масленой неделе Нина жила у Степановских. Они переменили квартиру и стали жить в петербургском доме Михаила Михайловича Зубова – в Зубовском переулке (ныне проспект Шаумяна) на Выборгской стороне. М.М. Зубов оставил себе только спальню-кабинет и небольшую проходную комнату. С Олей Нина была в *Михайловском театре* на французском представлении «*La souris*» и в *Александрийском театре*. Она мечтала переехать к Степановским, т. к. «не видеть их» она не могла. На праздник думала взять туда и Ларю из института, тем более, что Степановские сами это предложили. Отцу она написала: «Дорогой мой папочка, целую Вас без счету. Не сердитесь, дорогой, ...что я сегодня *переехала к Степановским*. Право, у меня больше сил не хватало там (у Успенской) жить... Дядя Миша взял всю ответственность на себя... Благодарю Вас за деньги... Степановским я буду платить 25 рублей. На еду, я считаю, рублей 12... Уроки энциклопедии я все еще беру и буду брать на те 10 рублей, которые Вы мне на них прислали. *Как я счастлива*, что (я), наконец, у Степановских!» [3].

Мама писала Нине: «Я теперь совершенно покойна за тебя, знаю как тебе хорошо у Степановских. Не очень беспокойте Ольгу Прокопьевну, а, наоборот, помогайте ей, теперь вас много собралось, и ей много хлопот, особенно к празднику. Папочка нисколько не рассердился на тебя, что ты переехала от Успенских. Дорогих Степановских целую». А Юлий Михайлович от всей души желал дочери, не жалея денег на репетиторшу по энциклопедии, «попасть в число самых первых по успехам во всех отношениях, ...как следует выдержать экзамены и попасть к Ауэру». В то же время он просил узнать подробно о возможности на будущий год продолжить курс обучения бесплатно [3].

1892-1893 учебный год Нина Зубова *закончила вполне успешно*. Софья Петровна в день каждого ее экзамена ставила свечку. *По инструментовке* у Саккетти Нина получила 3 1/2 («весьма достаточно»), и, главное, выдержала этот экзамен и *перешла на высший курс*. А мама писала, поздравляя дочь с переходом от *Н.В. Галкина в класс выдающегося скрипача* и дирижера *Леопольда Ауэра*: «Я нескованно рада» [3].

Это событие стало поистине судьбоносным, определившим всю дальнейшую жизнь Нины Юльевны Зубовой. Ведь *Леопольд Семенович Ауэр* (1845-1930) – «выдающийся скрипач-виртуоз и великий педагог» – был главой «авторитетнейшей в мире петербургской

Леопольд (Семенович) Ауэр (1845-1930) – «выдающийся скрипач-виртуоз, глава авторитетнейшей в мире Петербургской скрипичной школы и великий педагог» [7] Нины Юльевны Зубовой в 1893-1897 гг.
(Фото из семейного архива автора)

скрипичной школы». Недаром П.И. Чайковский посвятил Л.Ауэру (A Monsieur Leopold Auer) Концерт для скрипки с оркестром, а «Л. Ауэр сделал редакцию этого концерта... Среди учеников Л. Ауэра большинство величайших скрипачей XX века: Яша Хейфец, Миша Эльман, Ефрем Цимбалист и другие. *Класс Л. Ауэра* в Петербургской консерватории и его летняя школа-студия в Лондоне были центрами мирового скрипичного искусства, куда стекались скрипачи из многих стран мира. Отсвет его имени лежит на его учениках, некоторые из которых дожили до середины XX века». Но Л. Ауэр был не только «великолепным скрипачом-солистом и ансамбллистом», но и превосходнейшим дирижером. «С 1885 года Л. Ауэр дирижировал симфоническими концертами Императорского Русского Музыкального Общества... Дирижировал наизусть, считая, что оркестровый дирижер должен «рассказывать» наизусть, а не читать пьесу по ногам». По его мнению, «оркестровый дирижер является тем же солистом, но играющим на многих инструментах сразу» [10]. Об этом мы можем судить также по взятым из писем и приведенному выше мнению Нины Юльевны Зубовой, которая не пропускала концертов Леопольда Ауэра, когда училась в Петербургской консерватории.

Лето 1893 года Нина с мамой опять провели у дяди Миши в Заломахе и в Кузнецово, где Нина познакомилась со своим заочным крестником - первенцем брата Владимира Юльевича, маленьким Мишой [3].

Шестой 1893-1894 учебный год в Консерватории. Первый год на высшем курсе. Писем Нины Юльевны с сентября по декабрь 1893 года не сохранилось, так что судить о ее делах в это время можно только по письмам отца и матери [3]. Например, по таким словам Юлия Михайловича: «Что стипендий не дают женщинам – это не совсем так. Не дают, если начальство не желает... Постарайся устроить это дело так или иначе. Ты хочешь учиться у Ауэра – учись этот год; а на будущий, если начальство не примет в тебе участия и отвергнет все наши ходатайства, тогда что же делать? Всего лучше, я думаю, отвезти тебя в Париж» (12.09.1893). «Понятно, что мне не достает денег на всех вас, и я хотел, как бы, урезать и избежать неминуемых долгов. Можешь быть уверена, однако ж, что, если только буду жив и здоров до окончания твоего образования, то уж никак не остановлю тебя в этом, а, наоборот, употреблю все, что от меня зависит, чтобы ты окончила с честью и была артисткой в полном смысле этого слова» (28.09.1893). Или, по словам Софьи Петровны из ее писем: «Как странно, что Ауэр находит, что ты неправильно держишь скрипку. Как это удивительно. Отчего Галкин не учил, как следует? Как меня огорчает, что за тебя еще не уплачены 200 рублей» (20.09.1893). «Очень рада, что Ауэр, как учитель, тебе нравится, и без сомнения ты сделаешь большие успехи к Рождеству. Я очень рада, что ты *была* два раза в опере, но мне хотелось бы, чтобы ты попала в Итальянскую оперу на «Отелло» или на что-нибудь подобное. Ты пишешь, что это обошлось (бы) дорого; что ж из этого, нельзя прожить хорошо, не слыша музыки» (10.10.1893). Софья Петровна не ответила Нине на два ее письма от 17 и 31 октября, пока не смогла послать ей 100 рублей на шубу. Выручил опять дядя Миша, который был должен Софье Петровне. Он телеграфировал Ивану Константиновичу Степановскому, чтобы он выдал Нине деньги. «Попроси Ольгу Прокопьевну с тобой съездить купить готовую шубу, - писала мама Нине. Пожалуйста, не экономь, купи на всю сумму, только не козий мех... Как только купишь, сейчас же напиши. Целую милых Степановских» [3].

2 декабря *Нине Зубовой* исполнилось 20 лет, как она провела этот день – не известно. На Рождество она вместе с сестрой Ларей уехала к семье в Вологду и там, видимо, дала домашний концерт [3].

Вернулись в Петербург Нина с Ларей в вагоне второго класса со скидкой, как институтки. Нина получила деньги по чеку отца, побывала в Консерватории, оплатила обучение, повидала Леопольда Семеновича Ауэра, поздравила его с Новым годом и на следующий день пошла на его концерт. *Л. Ауэр сказал, что у Нины очень плохая скрипка*, нужно было новую. Она ответила, что папа уже думал об этом, и, как только приедет, попробует поискать. Один ученик посоветовал Нине съездить в музыкальный магазин на Гороховой, в котором продается скрипка Петруса Гварнери за 500 рублей. «Это, конечно, слишком дорого, но отчего же не посмотреть...». В целом *Ауэр был Ниной доволен и отметил ее несомненные успехи* [3].

На именины Нина получила телеграммы от тети Евлалии Алексеевны и дяди Миши; побывала на «*Rigoletto*» с Олей Степановской и на опере «*Жизнь за царя*» с Лидией Прокопьевной и тетей Ольгой Михайловной (Ярышкиной, рожденной Зубовой). Затем с Олей Степановской была в концерте в пользу горных студентов. Там выступали почти все знаменитости итальянской труппы: дивный тенор Маркони, который пел «точно птица, легко и без всякого усилия»; баритон Батистини, исполнивший из «Гамлета»; Тома, приведший Нину в восторг; колоратурное сопрано Баронат и другие. Сопрано Дирант прелестно спела на bis романс «*Si tu m'aimes*» и со Сталь дуэт из «Мефистофеля», а Бойто - «Сerenаду», причем, так дивно, что Нина сейчас же уехала домой, т. к. «совсем обезумела от восторга и не хотела портить впечатления. Оля осталась на танцы и плясала до 4-х часов утра» [3].

Когда в феврале в Петербург приехал Юлий Михайлович, то они с Ниной были в Панаевском театре на «Фра Дьяволо» Обера и в театре Наметти на комедии-шутке «Меблированные комнаты королевы», а с дядей Мишой – на «Евгении Онегине».

На масленице Нина с Ольгой Прокопьевной и Олей была на «Паяцах» Леонкавалло, а с дядей Мишой на «Севильском цирюльнике». Её впечатление: «итальянцы поют как птицы, так что их слушать – наслаждение» [3].

Когда Петя Зубов в марте 1894 года приехал в Петербург, то Степановские пригласили его к себе. «Вечером, - писала Нина, - были во французском театре и ужасно хохотали, т. к. французы играют очень живо и весело». В другой раз были там же со Степановскими на спектакле «*Prince Serge*», а после Пасхи на «*Tournee Ernestin*» [3].

В первых числах апреля Нина, Иван Константинович и Оля были у Меньшиковой (**в Панаевском театре**) на репетиции оперы Михаила Михайловича Зубова «Цыганы». «Хор и ансамбли, - написала Нина домой, - замечательно красивы, только все еще плохо знают партии. Репетировали только первое действие. Кроме нас и еще двух дам, из публики никого не было». 11 апреля Нина с братом Петей вернулись с репетиции «Цыган», и все подробно описали дяде Мише. «Пуще (Пете) нужна фрачная пара, чтобы, может быть, ехать на представление у Меньшиковой, и сюртук, чтобы сделать ей визит в первый день Пасхи. Вам телеграфируем. Он должен остаться, т. к. про «Нулина» (про оперу М.М. Зубова «Граф Нулин») еще ничего не объяснилось», - написала Нина родным. А 18 мая у Меньшиковой Нина «была со Степановскими на репетиции (генеральной), но будет ли исполнение – не знаю, т. к. их надул баритон. Во всяком случае, если будет, то они наверно меня уведомят; по крайней мере, до сих пор постоянно писали мне, если отменяли...», - писала Нина домой [3].

Приближались экзамены, и Нина мечтала о новой скрипке, которую хотела бы купить у Бацоло, миланского знакомого дяди Миши. Итальянская скрипка обошлась бы в 500 рублей, но пока **Бацоло предоставил** Нине скрипку для пробы без срочной оплаты. Юлий Михайлович считал, что «если скрипка не понравится Ауэру, ...то было бы совершенно безрассудно покупать ее. Можно попросить у того же Бацоло другую скрипку, ...и уступить ее по возможности за свою цену и в рассрочку, т. к. средства наши очень ограничены, а скрипка нужна хорошая. Наконец, 500 рублей – такая огромная сумма, что надо серьезно подумать прежде, чем решиться на такую трату. Пока пригодность или непригодность скрипки еще окончательно не определилась, Бацоло ничего об этом говорить не следует. А затем, если уж непременно придется затрачивать сумму не меньше 500 рублей, то надо уговориться с Бацоло – не рассрочит ли он уплату хоть года на три?» 30 апреля Нина написала родителям: «*К скрипке (новой!) я привыкаю. Она теперь звучит действительно лучше*, так что когда совсем ее обыграю, она будет иметь очень хороший тон». На что отец резонно заметил: «Если инструмент вполне подходящий, то, стало быть, дело может быть кончено. Между тем, не одна же эта скрипка у Бацоло. И, если у него есть такая, которая будет для тебя удобнее, например, легче и более обыграна, короче сказать, такая, которая при таком же или еще более нежном звуке будет удобнее для употребления, то было бы непрактично пренебречь этим и брать непременно тяжелую и не обыгранную скрипку. Написал я это не для того, чтобы ты не брала этой скрипки, а только затем, чтобы не торопилась брать, а посмотрела бы – не найдется ли еще лучше?» [3].

На одном из уроков Нина *проиграла* Л. Ауэру Второй концерт Вьетана и, хотя он был

труден для нее, все же решили, что, может быть, она сможет *сыграть его на экзамене*. Ведь 9 апреля она играла этот концерт уже хорошо, а на страстной неделе будут еще уроки Л.Ауэра у него на дому [3].

7 мая «был *последний урок у Ауэра*. Злой он был ужасно, - писала Нина маме, - потому что больше нас самих за нас боится; у одного ученика даже ноты швырнул; на меня тоже немного покричал, но, в конце концов, *похвалил* и посоветовал с Кок проиграть раза два до экзамена. Я ужасно боюсь, думаю, что сыграю плохо». 11 мая должен быть еще *письменный экзамен по «энциклопедии»* и *11-го же по скрипке*, а 20-го – *анализ форм и устный экзамен по «энциклопедии»* [3].

И вот итог: «Золотые мои мамочка и папочка, целую вас без счета. **Я сегодня самый счастливый человек в мире.** Я играла очень плохо, т. к. страшно боялась, и, когда играла, то изредка взглядала на Ауэра, а он, чтобы меня ободрить, кивал мне головой, что, мол, хорошо. Когда экзамен кончился, *Ауэр* в коридоре *пожал мне руку* и сказал: «**Очень мило играла**». И я, зная, что вовсе не мило играла, а это он по доброте так мне говорит, ответила ему: «Хоть и плохо, Леопольд Семенович, мне только бы знать, что Вы меня не прогоните из Вашего класса». А он говорит: «Напротив, я Вас очень люблю». Такой чудный и добрый. Он всем ученикам жал руки, одного даже по щеке потрепал и сказал: «Вы у меня останетесь», а раньше думал его исключить, т. к. он в году очень редко бывал. Нынче он до экзаменов исключил 4-х учеников и теперь, после экзаменов, кажется, исключил тоже одного. Нас играло сегодня только 6 человек, т. к. оканчивающие играли 2 мая, и все мы, кроме одного, первый год. Я *получила*, кажется, 3 1/2 (*«весьма достаточно»*). Завтра еще справлюсь, хотя мне нисколько и не хочется больше, т. к., *главное - Ауэр меня не исключил, и я спокойна*. А *больше желать можно впоследствии*, а не в первый год. Вообще я счастлива, дорогие мои». Я хочу попросить у Бацоло не решать до осени о скрипке, а пока играть на ней так, к чему торопиться, только бы (он) мне дал и смычок... Л. Ауэра я со дня экзамена не видела; он мне, прощаясь, сказал, чтобы я не работала ничего нового». Получив это известие, Юлий Михайлович написал Нине: «С нетерпением ждем тебя с новою скрипкой. Неужели у Бацоло нет другой, более легкой и несколько подешевле? Мы очень были *счастливы, что экзамен по скрипке сошел благополучно*, и Ауэр ободрял тебя» [3].

Перед отъездом Нина побывала у глазного врача. Он сказал, что глаза у нее крепкие, а воспаление век от раздражения нервов и малокровия. Капли не помогут, если не вылечить весь организм. «Гуляйте больше, купайтесь, пейте молоко, и вообще старайтесь восстановить здоровье» – вот его рецепт. А капли все-таки прописал, да они и необходимы. Еще сказал, чтобы Нина меньше читала [3].

Лето Нина провела с родными, в основном в *Кузнецово*. С родителями и с братом Мишой ездила в *гости* к дяде Мише в *Заломаху* [3].

Седьмой 1894-1895 учебный год в Консерватории. Второй год на высшем курсе. В августе 1894 года 20-летняя Нина Юльевна, вместе с отцом и сестрами Ларей и Любой, а также Сережей Волконским *приехали в Петербург*. Нина повезла сестру Ларю в Екатерининский институт, а Юлий Михайлович Любу – в Смольный. Юлий Михайлович остановился в меблированных комнатах Лихачева на Невском проспекте, 66 у Аничкова моста. Нина же перевезла свой сундук к Степановским, но не ночевала, потому что две комнаты, отведенные ей и дяде Мише, оказались завалены какими-то вещами, т. к. хозяева ждали Нину только к 10-му числу. Но к вечеру все уже было прибрано, и она ночевала там [3].

«Квартира у Степановских, - писала Нина маме, - прелесть, и все очень мило устроено. У Оли и Веры три комнаты наверху (из коридора ход по деревянной лестнице): гардеробная, кабинет или гостиная – уютная хорошенская комната, и спальня. Моя и дяди Миши комнатки тоже очень хорошенские. Я очень хорошо устроилась и занимаю комнату, которая побольше, а в другой пока живет Сережа, который ищет теперь квартиру. Степановские берут с меня те же 25 рублей, т. к. две комнаты считаются дяди Миши. Это очень выгодно папочке, т. к. он теперь дает мне 40 рублей». А отец добавил: «Квартира у Степановских (Моховая, 18, кв. 14) очень порядочная, хотя комнаты невысоки и малы. Нинуша поместились в комнате дяди Миши. А перед его приездом перейдет в свою комнату поменьше, но также отдельную, (вход из коридора рядом с комнатой дяди Миши)» [3].

10 сентября Юлий Михайлович написал в письме жене: «Нинуша по приезде сюда немножко простудилась, ...но теперь все прошло и сегодня вечером пойдет в Консерваторию». В Консерватории оказалось, что платить за обучение надо, по-прежнему, 200 рублей в год, т.к. *скрипачкам стипендия не полагается*. Юлий Михайлович был у Л. Ауэра, который очень участливо отнесся к нему и сказал, что ему лично ничего не надо и что он может учить Нину бесплатно, но у Консерватории были свои порядки. И Юлий Михайлович далее написал: «Как она (Нина) говорила нам насчет платы за нее и, вообще, как мы предполагали платить за нее только 100 рублей – все это оказалось вздором. Деньги идут вовсе не Ауэру, получающему определенное жалование, а в Консерваторию, и никакой из 200 рублей уступки нет. Единственное чего я мог добиться – это что уплачу 200 р., рассрочив ей на 8 месяцев по 25 р. в месяц. За сентябрь вчера я уже внес. Внес также по 25 р. за 1-ое полугодие в Екатерининский (институт) за Ларю и в Смольный за Любку (за музыку)» [3].

Юлий Михайлович заплатил также Бацоло *200 рублей за новую скрипку* Нины и *выдал* ему *два векселя*: один к марта, а другой к сентябрю 1895 года, *каждый на 150 рублей*. Смычки Бацоло уступал за 25 рублей, но их купить Нина смогла бы только тогда, когда, через объявление в газете, продала бы свою старую скрипку [3]. Деньги на все эти расходы Юлий Михайлович добыл, по-видимому, у ростовщиков, на условиях «опять гораздо более выгодных для них, чем для меня, ...и придется на все согласиться, т. к. деньги нужны до зарезу, а их нет и занять негде» [3].

Нина дала объявление в газетах о продаже своей старой скрипки и о том, что дает уроки начинающим, т. к. в те 40 рублей, что давал отец, с платой за квартиру и со взносом в Консерваторию было не уложиться. Софья Петровна даже хотела пожертвовать своими золотыми вещами, но Нина от этой жертвы отказалась [3].

10 сентября Нина Юльевна была *на первом уроке у Л. Ауэра*, «тряслась как перед казнью, но, слава Богу, очень *порядочно сошел* урок. Я ведь не Ауэра боюсь, - писала она, - а тряусь за урок, как сыграю». Ауэр сказал, чтобы она играла в оркестре, приучалась читать ноты с листа, а с января или в будущем году начала бы играть в его квартетном классе. Когда Нина Юльевна пришла *в оркестровый класс* к Н.В. Галкину, то оказалось, что она там *одна барышня*. Нина была очень благодарна Л. Ауэру за его заботу о ее будущности [3].

По воскресеньям Нина навещала своих младших сестер: сначала Ларю в Екатерининском институте, а потом ехала на конке в Смольный к Любке. Нина сетовала, что Ларя хорошая и послушная девочка, а Люба не хочет признавать ее за старшую сестру, и чтобы она ей не говорила, все сделает наоборот по-своему. Ларя была всегда весела, а Люба перед уходом Нины плакала. В октябре отец написал Нине: «Милая Нинуша, посылаю 50 р. (25 р. в Консерваторию и 25 р.. Степановским), а больше послать ничего не могу и не знаю даже в состоянии ли буду послать в следующий месяц такую сумму. «Как-нибудь» устроиться без денег с обязательными платежами также хитро. Если не можешь сама найти уроков, то волей-неволей придется уже обратиться к Ауэру и объяснить ему обстоятельства дела. Спасибо, милая девочка, что хлопочешь о Любке. Просьбу начальнице на этих же днях постараюсь написать, хотя мы вместе с М-те Розе уже подали просьбу в Канцелярию Его Вел.(ичества) по учр.(еждениям) И.(мператрицы) Марии (Федоровны) г-ну Верховскому. Ответа на эту просьбу (о переводе Любы из Смольного института в Екатерининский, где училась Ларя) до сих пор пока нет». Позднее на эту просьбу был получен категорический отказ [3].

В воскресенье 18 октября Нине пришлось ехать не к сестрам, а на похороны бывшего мужа сестры Елизаветы, Саввы Ивановича Недовиця. А 20 октября в 2 часа 15 минут пополудни в Бозе *почил Император Александр III*, которого «называла Миротворцем не только вся Россия, но и вся Европа». Нина Юльевна и Степановские, как только узнали о кончине Государя, пошли в Казанский собор, где до 11 вечера непрерывно служили молебен. «Настроение очень угнетенное, - писала Нина родителям, - мне все еще не верится, что Государь скончался, точно сон тяжелый и грустный». Потом они с Верой целый день стояли в очереди, чтобы проститься с Государем в Петропавловской крепости, но, так и не попав к ночи, вынуждены были уйти домой [3].

Нина *продолжала думать об уроках* – «ведь жить-то нужно как-нибудь, а то придется возвращаться домой, не окончив». Однако она переиграла руку, и у нее разболелась шишка на

кисти левой руки, так что зарабатывать она пока не могла, и пришлось занять у Ольги Владимировны 25 рублей, чтобы заплатить в Консерваторию за октябрь. Нина думала, что, если бы она «была мальчиком, то могла бы играть в каком-нибудь оркестре», но, к сожалению, она барышня и не может «играть, например, в Пассаже, где бывают вечера, потому, что в Петербурге барышне даже неловко идти по Пассажу, такой неприличной славой он пользуется». Мама отвечала, что, конечно, при болях в руке и, вообще, при известном состоянии здоровья Нины, у которой хроническое малокровие, «и думать нечего об уроках и тратиться на публикации в газетах», и отец послал Нине чек [3].

С больной рукой Нина Юльевна была у хирурга, а потом сказала Л. Ауэр, что не может играть, и рассказала о визите к доктору. Л. Ауэр запретил ей даже думать об операции и посоветовал носить руку на перевязи, чтобы кровь не приливалась, и на ночь делать компресс и немного массировать. Нина всего неделю ходила с повязкой и уже начала играть. «Только бы быть здоровой, работать и дотянуть как-нибудь этот год», — думала она. Потому что на будущий год ей, может быть, помогут получить место в гимназии, где, вероятно, получают не менее 25 рублей. У *Нины Юльевны был теперь урок*: всего за *3 рубля в месяц* она учila мальчика 12-ти лет. К концу ноября появился *урок и для его брата*. Один раз Нина Юльевна занималась два часа с двумя мальчиками, а другой раз один час только со старшим. Но мадам Кизеветтер платила ей оба раза как за час — по 75 копеек. Сказать же, что ей дорого время и очень нужны деньги, Нине было неудобно. В месяц получалось всего 6 рублей, а не 9 [3].

Родители изыскивали средства. Юлий Михайлович старался продать часть своей земли и лес, а Софья Петровна предполагала занять для Нины 100 рублей у Евлалии Алексеевны или у кого-то из знакомых. По мелочи выручал дядя Миша, давая Нине деньги то на ноты, то на струны, то на марки, то на конку, чтобы съездить к сестрам. Нина получила *100 рублей от тети Евлалии Алексеевны*: 50 рублей внесла в Консерваторию до января, Степановским заплатила 25 рублей за ноябрь, 15 рублей отдала дяде Мише на сохранение, которые в декабре, вместе с заработанными за уроки, собирались отдать Степановским за декабрь. Затем заехала к Ольге Владимировне, чтобы отдать ей 5 рублей, т. к. тетя позволила возвращать долг по частям [3].

Юлий Михайлович советовал дочери «поговорить по душе и посоветоваться со своим учителем о своих дела». Ведь «Ауэр прямо выразил желание перевести тебя на каз.(енний) счет, не брать следующих ему за тебя ста рублей. Правда, что это оказалось пуфом; тем не менее, такое заявление с его стороны (высказанное мне, когда я был у него в Петербурге) дает тебе безусловное право обратиться к нему за советом, а отчасти и за некоторым содействием (не материальным, конечно) к лучшему устройству твоих дел. Я не думаю, чтобы Ауэр остался совсем безучастным к судьбе своей ученицы, а, наоборот, уверен, что он скорее нас мог бы дать лучший оборот делу. И разве может затронуть чье либо самолюбие или гордость то обстоятельство, что учитель помогает своей ученице советом, содействием, даже средствами?? Что же может быть тут оскорбительного или неловкого? Кто же может быть ближе учителя к ученице? Разве только отец. А *отец* вовсе тебе не отказывает и *дает все, что только может* давать. Совсем средств не будет, тогда дело другое. А теперь пока еще не дошло до этого. Бог даст, извернусь как-нибудь и пошлю. Чего же отчаяваться? Есть люди, которые в двадцать раз тебя беднее, но и те, вероятно, не думают бросать начатое дело. *Что начато, то и надо кончить во что бы то ни стало...* Вся жизнь — борьба. И надо уметь бороться и так или иначе все-таки достигать намеченной цели! Будь здорова, милая девочка. Крепко целую и благословляю. Отец твой Юлий Зубов» [3].

12 декабря Нина Юльевна была в *концерте Л. Ауэра* и профессора Консерватории, *пианистки А.Н. Есиповой* под названием «Бетховенский вечер», т. к. они играли сонаты для скрипки и фортепиано. Л. Ауэр всем своим ученикам позволил быть на концерте бесплатно. «Вы не можете себе представить, — писала Нина домой, — что это была за чудная игра. Я не нахожу слов выразить впечатление... Pianissimo такое, что собственное дыхание кажется громким. Я не подозревала, что на скрипке возможно такое piano, которое в тоже время звучало бы на всю залу». Нина и еще два ученика Л. Ауэра подошли к нему, и Нина сказала: «Мы трое хотим поблагодарить Вас, Леопольд Семенович». Он улыбнулся, пожал мне руку и сказал окружающим его: «Это моя ученица». «Боже мой, *как я счастлива и горжусь, что я*

его ученица. Как я хочу работать, чтобы труды его не пропали даром, потому, что он с нами мучается, по двадцати раз повторяя одно и то же. А ученики у нас все такие лентяи, ничего не делают и безбожно лгут Ауэру, выдумывая себе всевозможные болезни. Так что когда у меня болела рука, то мне было это очень неприятно, как бы Л.Ауэр не подумал, что я тоже его надеваю». После этого концерта Нина с Тукой Максименко решили играть трио вместе с ее братом-виолончелистом. А 20 декабря состоялся еще один, последний, «Бетховенский вечер», на котором *Л. Ауэр* исполнил «*Крейцерову сонату*» [3].

К Рождеству отец прислал 33 рубля, чтобы Нина, Ларя и Люба могли провести праздники в Кузнецово. «Я рассчитываю, - писал он, - что там будет очень весело; тем более, как мы предполагаем, Нил и Варя также приедут с Кокой, а Лиза и Катя с Митей. Мишу хочется взять теперь же. Может быть, устроим и гору для катания и мало ли что. Да и Фишер (доктор из Кадникова) приедет с Колей Беляевым, а Пуша (сын Петр) уже давно в Кузнецово. И недостанет только одного Юлика. В Кадникове предполагаются спектакль, елка, волшебный фонарь с моими картинами и проч., и проч. До свидания милые девочки. Жду вас с нетерпением». А Софья Петровна приписала Нине: «Телеграфируй когда будете в Вологде, чтоб к этому времени выслать лошадей» [3]. Надо думать, что Рождество в Кузнецово действительно прошло весело.

По возвращении в Петербург. Нина развезла сестер по институтам и дала урок на Петербургской стороне, заработав 3 рубля. Занятия в Консерватории начались, был *урок у Л.Ауэра*. Нина Юльевна *закончила* у него *Сен-Санса*, и он сказал, что пока тяжеловато, но *успехи налицо*, т. к. теперь она умеет играть спиккато серединой смычки, и задал Фантазию-Аппассионату «*Vieux Temps*» («Старое время»). Уроки проходили вполне хорошо, что чувствовала и сама ученица. Нинин товарищ по классу Гарпер показал ей упражнения для правой руки для укрепления кисти и совершенствования техники игры штрихов, спиккато и вибрации, и она их практиковала. Когда в класс Ауэра пришла новая ученица Штуман, у которой оказалась неправильно поставленной правая рука, то Нина предложила ей приходить к ней, чтобы помочь поставить руку. Играла Нина Юльевна и в *консерваторском оркестре*. На 14 февраля наметили концерт, в котором оркестр должен исполнить *симфонию П.И. Чайковского*. С подругой Тукой и ее братом Максом почти каждое воскресенье Нина играла *сонаты Бетховена* и другие сочинения. *Домашнее музицирование со студентами Консерватории* стало входить у Нины Юльевны в привычку. Как-то с двумя сокурсницами они играли «*Сerenаду*» Гуно для двух скрипок и фортепиано, а также «*Фингалову пещеру*» Мендельсона на двух роялях в 8 рук [3].

На одном из уроков Л. Ауэра в середине февраля Нина играла, по ее мнению, неважно, т.к. опять явилась старая привычка «давить от локтя», и она пришла в отчаяние. «*Чем больше я играю*, - писала она домой, - *тем труднее мне кажется скрипка. Ауэр говорит*, что это потому, что открываются глаза на недостатки, которых раньше не замечала и что, *чем больше играешь, тем больше понимаешь*». Когда Л. Ауэр должен был уехать на месяц, то вместо него оставались Л. Беем и Н.В. Галкин, и Нина Юльевна сказала Л. Ауэру, что будет заниматься с Л. Беем [3].

Нина выиграла у дяди Миши два пари и попросила фотокарточку Ауэра и ноты, и сама все это себе купила. А вот «с оперой М.М. Зубова «Цыганы» пока еще ничего не известно», - писала Нина родителям. «В Панаевском театре все перессорились, так что он был даже закрыт больше недели. А теперь сам хозяин театра взял на себя антрепризу, так что дядя Миша взял свои ноты, а то бы затерялись, и через неделю собирается ехать в Вологду. Уж об опере будет хлопотать на Пасхе или с будущего года». Дядя дал Нине свой билет на оставшиеся шесть симфонических концертов [3].

Нина Юльевна была *на концерте* выпускника Московской консерватории, скрипача *Печникова*. Ее оценки его игры были вполне профессиональны: «играл очень хорошо, но зачем-то в adagio делал глиссандо. Тон очень хороший, но, к сожалению, нет спиккато, т. к. играет он не от кисти, а выворачивает правый локоть вверх. Концерт Венявского не произвел на меня впечатления, зато «*Chaconne*» Баха и «*Canzonetta*» Чайковского, из его же скрипичного концерта, он исполнил великолепно. Участвовала еще пианистка Ячиновская, у нее великолепная техника, но ни на грош чувства, так что хотелось спать. *Вержболович*

сыграл что-то Поппера и еще на *bis* что-то очень коротенькое. Он вообще не балует публику, а *его-то и хотелось бы слушать*. Вот уж у него каждая нота взята с чувством... На концерте Печникова мы ничего не платили, Ауэр раздал нам его (визитные) карточки, с которыми нас и пропустили». А на дальнейшие концерты с Тукой купили абонемент за 1 рубль [3].

Бывала Нина Юльевна и в *квартетах Л.Ауэра*. На Богемский квартет Л. Ауэр велел раздать всем его ученикам контрамарки. На втором Богемском квартете были все его ученики и среди них Нинины товарищи: Янишевская, с которой она играла в оркестре, Штуман, Гарпер и Тука Максименко. В субботу было последнее квартетное собрание. Квартет Бородина играл «*Notturno*», да так чудно, что их заставили это повторить, а после концерта еще требовали что-нибудь на *bis*. Тогда опять повторили «*Notturno*». «*Ауэр и Вержболович превзошли себя* – написала Нина домой. Нас, т.е. учеников Ауэра, было только трое. Мы вошли в артистическую комнату, чтобы поблагодарить и проститься с Ауэром, т. к. он на другой день должен был уехать за границу». Ауэр сказал нам: «Прощайте, дети, работайте хорошенько» и *поцеловал* Диллона, меня в *люб* и Гарпера. Я чуть с ума не сошла, хотела схватить его руку и поцеловать, да не посмела, такая дура!» Родители, конечно, не одобрили этого порыва, т. к. считали, что даже самый прекрасный мужчина «не может служить предметом такого обожания, чтобы целовать у него руки», кроме мужа и Государя, «и то, если он не молод» [3].

В конце февраля двоюродная тетя Саша Вольф пригласила Нину в *Итальянскую оперу* на «Фаворитку». И хотя музыка ей понравилась, и пели известные Мазини и Джодичи, все же она вспоминала несравненный баритон Батистини, которого слышала в прошлом году в театре «Аквариум». В другой раз были на «Травиате», в которой и музыка и исполнители (Дарклэ и де Марки) были очень хороши. В марте удалось услышать «Сельскую честь» Масканьи и «Паяцы» Леонкавалло, а потом еще побывать на «Искателях жемчуга» Бизе с Мазини и Баронат в главных ролях; «они пели так легко и без малейшего напряжения, что слушать их было одно наслаждение» [3].

Идя навстречу страстному желанию брата Михаила поступить в Консерваторию по классу фортепьяно, *Нина Юльевна* в один из последних дней февраля, «собрав всю свою храбрость», *пошла к профессору фортепьяно А.Н. Есиповой*, чтобы *просить прослушать Мишу* и, если она найдет возможным, принять в свой класс бесплатным учеником. Поскольку в начале мая та уезжала, то предложила привезти Мишу весной, чтобы, если она решит взять его к себе, то ее дочь Тереза показала бы ему, как нужно держать руку, чтобы он знал, как заниматься летом. Если же окажется, что он очень способен, то, может быть, его в первый год можно будет поместить на стипендию. Но по гармонии его нужно подготовить, чтобы поступить сразу на высший курс. Нина решила, что по этому предмету подготовит Мишу летом сама. Но, главное, нужны были согласие родителей и небольшая сумма денег на дорогу, т. к. Ольга Прокопьевна ничего не имела против того, чтобы Миша прожил в апреле полторы-две недели в Нининой комнате. Она предполагала взять у Туки или напрокат немую клавиатуру, чтобы он никого не стеснял своей игрой. А пока, если родители согласятся отдать Мишу в Консерваторию, то нужно сказать ему, чтобы он подготовил что-нибудь солидное: сонату Шопена, какой-нибудь концерт или его часть, чтобы показать А.Н. Есиповой и технику, и исполнение со смыслом, и при этом играл обязательно на рояле. Ольга Прокопьевна дала даже марку для заказного письма, чтобы оно не пропало, и сама написала Софье Петровне и Юлию Михайловичу. «Ради Бога, скорей отвечайте, я как на угольях», – написала Нина под конец [3].

В конце февраля Юлий Михайлович написал Нине, чтобы она не волновалась и была спокойна насчет скрипки. «Я должен Бацоло в марте 150 рублей, – писал он, – и я это помню, и как только получу расчет за (проданный) лес, попрошу внести деньги в Общество (взаимного кредита), а тебе поручу получить оттуда (снова пошлю чек) и уплатить Бацоло деньги». Но еще не получив ответа, Нина вынуждена была сообщить отцу, что дважды приходил Бацоло, беспокоился, что ему не заплатили 150 рублей в срок и что вексель может потерять силу. Он взял адрес Юлия Михайловича и, не получив ответа, забрал у Нины свой смычок. Теперь она должна была играть старым, который, по словам Бацоло, не стоил и 3-х копеек, но она считала, что он неплохой, даже если это имитация Вильяма. Нина с ужасом подсчитывала, какие из-за нее теперь издержки у отца, т. к. 100 рублей в Консерваторию тоже попросили

заплатить до 15 марта. Юлий Михайлович тотчас же прислал Нине деньги для выкупа смычки еще раз подтвердил, что как только получит деньги из конторы Беляева, сейчас же через Нину уплатит Бацоло должные 150 рублей [3].

Пока Леопольд Ауэр был в отъезде, с *Ниной Юльевной занимался Л. Беем*, уже стариk, который показать ей ничего не мог. Она играла для него так, как он хотел, зная, что Л. Ауэр трактует все иначе, и работала дома так, как велел Л. Ауэр. «Л. Беем хотел игры тихой, осторожной, одним словом, игры «кисейной барышни, - писала Нина. А *Л. Ауэр терпеть не мог, когда играешь как барышня...*» Беем говорил, что я слишком бью на эффект, слишком энергично играю», а Л. Ауэр требовал еще более яркого исполнения. После путешествия Л. Ауэр дал Нине несколько уроков, в том числе, и на страстной неделе, и на Пасхе у себя дома. Для экзамена Нина Юльевна выбрала «Концерт» Мендельсона и спросила у него: «Могу я играть это?» Он ответил: «Можете играть, что хотите!» [3].

Состоялся *ученический концерт*, в котором *Нина Зубова* играла в оркестре, а Тука Максименко solo на фортепьяно. А на Пасхе *была опера*, дирижировал профессор пения Табель, и Нина Юльевна *опять играла в оркестре* [3].

В конце марта по билету дяди Миши Нина оказалась на *концерте памяти Вагнера*. Она потом написала домой: «*Дирижировал Ауэр*. Во время исполнения между частями обычно ждут, пока публика уседается. (Противная Петербургская публика, которая приезжает в концерт в 9 часов вместо 8-ми, и уезжает в 10 вместо 11.) Прождав пока все уселись, Ауэр начал. Вдруг опять идет целая толпа в первый ряд, производя шум и мешая слушать. Ауэр застучал палочкой о пульт, оркестр остановился, он швырнул палочку, которая разлетелась в мелкие кусочки, обернулся и смотрел, пока все не уселись. Публика разразилась аплодисментами на эту его выходку. На месте этих барынь я бы провалилась сквозь землю. А Ауэр, как приехал из-за заграницы, начал репетиции этого концерта, которые продолжались не меньше недели. А эта музыка до того трудна для всех партий, что Ауэр измучился, и говорил, что из-за этого концерта он не играл ровно неделю на скрипке первый раз в его жизни. И уроки нам давал, и даже в день концерта до половины шестого. Он дирижировал ужасно нервно, но зато после концерта аплодировали оркестру, который действительно молодецки справился со своей задачей» [3].

На Пасху Веру и Риту Степановских отпустили из института, и Нина была с ними в Исаакиевском соборе, а потом в гостях у дочери Нины Дмитриевны, Ниночки и ее мужа Воронова. Степановские, как всегда, надарили Нине много милых безделушек, не забыли и Ларю с Любой. Ольга Прокопьевна просила поцеловать Софью Петровну и поблагодарить за письма. Вечером, когда все легли спать, Нина, Оля и Вера сидели в кабинете дяди Миши, рассуждали о разных вещах и философствовали [3].

В первый день приезда Юлия Михайловича с Мишой в Петербург заплатили Бацоло 150 рублей за скрипку и внесли нужную сумму за Нину в Консерваторию. А на следующий день *Нина Юльевна была с Мишой у А.Н. Есиповой*. Он играл «Двенадцатую рапсодию» Листа, и Есипова сказала, что это слишком трудная для него вещь и что он еще не готов для старших курсов и год или два должен проучиться на низших. Нина Юльевна охарактеризовала брата, как прилежного ученика, который целый день готов играть одни гаммы. Решили, что завтра Миша придет к ее дочери Терезе, она ему покажет упражнения, а через неделю они посмотрят, как он умеет работать. Осеню он может держать экзамен у директора и, если Есипова его не возьмет на старший курс, то он может назвать фамилию того преподавателя, у которого хотел бы заниматься на низшем курсе [3].

Перед самыми весенними экзаменами Великая княгиня Александра Иосифовна приказала устроить 7 мая в *Мраморном дворце концерт учащихся Консерватории*. Репетиции назначили на 3, 4 и 6 мая, а *экзамен* должен состояться *5 числа*. Все просили Л. Ауэра устроить так, чтобы концерт перенесли на 10 мая, он ходил к директору, но репетицию удалось отменить только 4-го числа. А пропустить ни одну репетицию было нельзя, т. к. за это штрафовали. *Экзамен по скрипке* Нина Юльевна *сдала* не очень хорошо, всего на 3 1/2 («*весма достаточно*»), хотя рассчитывала на «очень хорошо», чтобы проситься дальше на бесплатное обучение. Видимо, напряжение ее было так велико, что она никак не могла совладать со своими нервами: ей «хотелось положить скрипку и уйти, и она

играла с одной мыслью – скорее кончить и убежать от всех; просто совсем потеряла голову! Расстроилась, конечно, она очень сильно. Дядя Миша писал Нине в это время: «У тебя нельзя сказать, чтобы не было уверенности в игре, но ты настолько нервна, что даже при учителе не можешь равнодушно играть, т. е. отдаваться всецело исполняемому» [3].

10 мая состоялся *письменный экзамен по «энциклопедии»*. Трусиха Нина Юльевна, боясь провалиться, заранее подкупила служителя и девушку, которые мелодию заданной задачи должны были передать дворнику Грише, который снес бы ее Нининой учительнице, ждал бы пока та напишет решение, и принес бы его Нине в Консерваторию. План этот провалился, т. к. Гриша пять часов ждал, пока нашли учительницу, и принес ее решение, когда Нина уже сама справилась с задачей и подала свой вариант. «Так что все хитрости оказались ненужными и издержки напрасными». Такого поступка от Нины Юльевны никто из родных не ожидал! [3].

Выехали Нина с Мишой из Петербурга в *Вологду* только после того, как Миша взял урок у Терезы Федоровны Есиповой [3].

Лето 1895 года Нина Юльевна провела в *Вологде*, в усадьбах Зубовых *Кузнецова, Порозова и Заломаихе*, а также в усадьбе Степановских *Костино*. В июне она пыталась подлечить нервы у Фишера в Кадникове. Из Порозова, куда приехала с Кавказа семья дяди Николая Михайловича, она писала: «Золотая моя мамочка. Хотя я в первый день промочила ноги, т. к. все время шел дождь, и была не совсем здорова, тем не менее, очень хорошо провела время и страшно загорела. Я все время провожу на лодке... Катя наша всё со мной, а сегодня мы с ней и с Нилом целый день путешествуем... Вчера был чудный фейерверк. Были «ракеты», «кримские свечи», «фонтан», «солнце», «бурак» и бенгальский огонь, который мы, т.е. две Кати, Маша и я жгли в лодке, откуда все и смотрели... Завтра надеюсь начать купаться». И в следующем письме: «Дорогая мамочка, я с Катей поместились у дяди Миши, а Маша у «кавказских». Сегодня льет дождь. Дядя Миша не позволил нам с Катей ни завтракать, ни обедать в Порозово, т. к. ему одному скучно. Мы с Катей утром сегодня сбегали в Порозово, все сидят в зале и разговаривают... Миша занимается по утрам. У них на дворе устроен цирк, и в пятницу два Миши собираются дать представление... Мальчики устроили парус на лодке и целый день возятся... Я рассчитываю 31-го выехать из Заломаихи, с дядей мы уговорились. 1-го мне бы хотелось съездить в Костино, а 2-го – домой. Дядя нам даст Федора до Вологды 31-го. Такая досада, дождь сегодня, мне мало придется покупаться». А Миша приписал: «Милая мамочка, целую Вас. Здесь я живу так: вставши в 9 часов, иду купаться, потом сажусь на балконе или в зале за гармонию. В это время кто-нибудь выходит, обыкновенно Катя, Миша, Нина Николаевна и пьем какао и чай. Кончив задачи и чай, я иду с Мишой что-нибудь устраивать... Это до 2-х часов, в 2 часа завтрак. После завтрака я играю на фортепиано. В 6-ть обед. После обеда я тоже немножко играю. Все со мной очень хороши... Вечером Миша устроил иллюминацию, я ему помогал. Горели плошки, фонари (светлые, красные), смоляная бочка. Небо было темно-синее и издали фонари красиво выделялись» [3].

В последних числах августа 1895 года Зубовы приехали в *Петербург* большой компанией: Юлий Михайлович, Нина Юльевна, Миша, Ларя и Люба. Ларю и Любку развезли по институтам, потом стали искать квартиру для Нины с Мишой. После долгих путешествий и подъемов на 5-ые этажи и выше, наконец, нашли две комнаты на Невском проспекте, 80 за 30 рублей в месяц и 2 рубля прислуге. Вход со двора, но 2-ой этаж, недалеко от нормальной столовой и четверть часа ходьбы от Консерватории. Дали 5 рублей задатка и решили переехать через день, когда прорубят дверь из коридора в одну из комнат. Тогда Нина с Мишой будут иметь отдельные входы и, в тоже время, соединяться вместе смежной дверью. Хозяева, муж-чиновник и жена Трубниковы, живут в кухне, т. к. две другие комнаты сдают жильцам: пожилой француженке, которой никогда нет дома, и кому-то господину, которого тоже не видно. Можно не беспокоиться, что новые жильцы будут мешать своей музыкой» [3].

Юлий Михайлович оставил Нине и Мише 7 билетов в столовую, где обед из 3-х блюд с пирожком к супу стоил 30 копеек, стакан чая 2 копейки, а кофе или шоколад – 5-ть. Вечером были у Степановских. Потом начали хозяйничать: купили Мише пиджак и жилет; перевезли с Выборгской кровать, два шкафа, комод, стол дяди Миши с откидными досками, умывальник, ведро с кувшином и зеркало. Пианино взяли в тот же день напрокат за 10 рублей в месяц с настройкой и 2 рубля за перевозку. Купили себе чайник, 6 тарелок и 6 чашек, кувшинчик для

Нина Юльевна с братом Владимиром (слева)
и Петром (Пушей) Зубовыми
(Фото из семейного архива автора)

молока и солонку, а также три десятка яиц, фунт какао, два фунта сахара, булки и черный хлеб. Потом хлеб и очень хорошее молоко утром стали приносить из соседнего магазина [3].

Миша вставал раньше, уносил к себе умывальник и, умывшись, приносил его обратно; тогда вставала Нина. Миша накрывал на стол и заваривал чай или какао. Завтракали в 10 часов в Мишиной комнате за большим столом, обедали в 4 часа. Абонировались в нормальной столовой на 20 обедов с бифштексами через день, за которые ничего не надо было доплачивать. Можно было выбирать из нескольких блюд, во время обеда пить квас, а на десерт есть фрукты: арбуз и виноград. Теперь Нина завтракала и обедала с большим аппетитом. Оказалось, что чем больше ешь, тем больше есть хочется. Раньше, когда она не завтракала, то и обедать ей не хотелось, что, конечно, было нездорово [3].

Восьмой 1895-1896 учебный год в Консерватории. Третий год на высшем курсе. 6 сентября Нина Юльевна *была в классе у Л. Ауэра*. Он спросил: совсем ли она приехала? И что сказал папа? Нина ответила, что папа хочет, чтобы она окончила Консерваторию, а «сама я и не воображаю, что буду концертанткой, а буду давать уроки». И в этот же день дала объявление в «Петербургскую газету», а также обратилась с просьбой к Степановским найти ей учеников. На другом уроке Л. Ауэр спросил, не у родных ли живет Нина? «Нет, - ответила она, - я живу с братом». И на его вопрос: «Что брат делает?» сказала: «Он будет держать экзамен в Консерваторию к А.Н. Есиповой». «Как, тоже музыкант!», - воскликнул Л. Ауэр. И как-то встретив их вдвоем, сказал, что они похожи друг на друга. В конце сентября Нина Юльевна *играла у Л. Ауэра* Баха *неплохо*, а в «Концерте» Мендельсона он взял в аккомпанементе такой темп, что ее пальцы за ним почти не успевали. Но все-таки, она отметила, что в пальцах у нее стало гораздо больше силы, чем в прошлом году [3].

Нина Юльевна занималась также в *оркестровом классе у Н.В. Галкина и в квартетном классе у Л. Ауэра*. В оркестровом классе как-то играли фантазию А.Г. Рубинштейна «Дон Кихот». «Чудная вещь, так и рисуется целая картина: в конце, например, деревенский праздник, вальс на рожках; Дон Кихот и Санчо Панса врываются в середину, вступают в рукопашный бой, а потом обращаются в бегство. Музыка изображает даже, как скачут Россинант и осел», - написала Нина в одном из писем. Она была очень довольна, что играет в оркестре, т. к. это полезно, и Л. Ауэр заботится о развитии ее техники [3].

20 сентября для сдачи экзамена Миша пришел к инспектору Консерватории с 3-мя рублями (вырученными Ниной за заложенные мамины серьги). Тот сказал, что Мишу не могут принять бесплатным учеником или стипендиатом, т. к. стипендии распределяются в мае, смотря по успехам, и то только через два года или год, если у ученика выдающиеся способности. Поскольку Миша, видимо, не может зарабатывать по 25 рублей в месяц, чтобы аккуратно вносить плату в Консерваторию, то стоит подумать и не торопиться с экзаменом и взносом за него 3-х рублей, а написать папаше, чтобы узнать – сможет ли он обеспечить обучение сына на год или два. «Ведь Ваши средства, по-видимому, весьма ограничены, раз уже просили рассрочку платежа за Нину Зубову?» – сказал инспектор. И Миша ушел. Нина тотчас поехала к Ольге Владимировне, а Миша решил, в случае неуспеха, взять документы из Консерватории и брать частные уроки у какого-нибудь ученика А.Н. Есиповой. Нина вернулась и сказала, что тетя была очень ласкова и дала 100 рублей! Вторые 100 рублей предлагала дать Мише его Вологодская преподавательница Анна Платоновна Матафтина, которая даже телеграфировала ему с оплаченным ответом – присыпать ли деньги? «Ура! Год обеспечен!». На следующий день Миша пришел в Консерваторию, сдал инспектору за экзамен 3 рубля и сказал, что год у него обеспечен. Затем его повели в кабинет директора и усадили за Беккеровский рояль. Как он писал: «Тут я «отвалял» наизусть «Песню» Мендельсона, «Октавный этюд» Кулака и «Сонату» Скарлатти, потом играл гаммы и так, и этак, потом пел и все такое». Директор сказал Мише, что все это ему легко дается, но все-таки он еще не готов для высшего курса и что он может быть принят только на младший, и завтра они скажут – какой профессор может его взять. А весной Миша может держать экзамен на старший курс к А.Н. Есиповой, за этот год узнав все требования Консерватории. Потом в письме маме была приписка Миши: «Нужно было еще для консерваторской книжки 1 рубль 20 копеек. Мы с Ниной порылись, я сбежал к букинисту, и дело устроилось». Нина потом писала родителям,

что Ольга Владимировна была с ней очень ласкова и, узнав о Мишиных делах, подумала и сказала: «Напиши папе, что я подарила Мише 100 рублей, больше не могу, теперь я не при деньгах». Нину очень тронуло то, что тетя сама предложила эти деньги, а просить их у нее она бы не посмела [3].

Первые заработка. *Миша поступил в класс профессора Дубасова на младший курс и с 23 сентября начал заниматься фортепьяно, теорией, сольфеджио и петь в хоре - «у Н.В.Галкина тенором, а в церковном – басом».* Он сумел найти урок за 1,5 рубля за час 2 раза в неделю: следовательно, мог уже оплачивать свое пианино. Нина Юльевна *начала давать уроки 6-летнему мальчику* по полчаса два раза в неделю за 10 рублей в месяц. Потом, по рекомендации Консерватории, у нее появились уроки в *Павловском и в Патриотическом институтах* по одному разу в неделю, соответственно за 2 и 1,5 рубля за час. Так что смогли купить билеты на **концерт трех пианистов**: Левина, Игумнова и Кенемана. Все трое состязались на конкурсе А.Г. Рубинштейна в Берлине, и Левин получил первую премию. В 1890 году этот конкурс был в Петербурге, и первую премию получил Дубасов, нынешний Мишин преподаватель фортепьяно. Прослушав концерт, Нина написала домой: «После Рубинштейна никто не нравился мне, как этот Левин. У всех великолепная техника, но мало или совсем нет чувства. У Левина же чудная техника, приятное тщеславие, и он много выигрывает при исполнении Andante. В квартетном концерте он играл *трио Рубинштейна с Ауэром и Вержболовичем*. Это трио – чудное, страстное, могучее, что можно все на свете забыть и очнуться, только когда очутишься на улице... Левин на bis сыграл Andante из сонаты Моцарта, простую наивную вещицу, и еще что-то бравурное, где его пальцы показали всю легкость его игры. В симфоническом (концерте) он тоже на bis сыграл: первый раз «Колыбельную песню» Чайковского..., а второй – Мендельсона, быструю изящную вещицу» [3].

Как-то Нина Юльевна получила предложение участвовать в любительских квартетах с игрой на альте. «Пришлось отказаться», - сетовала она, а умела бы на нем играть, могла бы зарабатывать до 20 рублей в месяц. Ее расчеты показали, что в октябре они с Мишей издержали 92 рубля 24 копейки. Это было так много, что пришлось, кроме сережек, заложить еще и мамин браслет [3].

У *Л. Ауэра* Нина Юльевна теперь *играла* очень красивую вещь, а именно «Фауста» Венявского. С Мишней они *стали вместе разучивать что-то Мендельсона*, чтобы иметь возможность сыграть на людях, когда попросят и, может быть, захотят учить своих детей. По объявлению в газете Нина получила *урок для 14-летней* дочери чиновника особых поручений за 12 рублей в месяц. Итого, за 8 уроков в неделю Нина Юльевна надеялась получить в декабре 40 рублей. Благодаря этому, стала возможной Нинина давнишняя мечта – снова *заниматься французским языком*. Она говорилась с соседкой об разговорных и литературных уроках вечером по часу три раза в неделю за 4 рубля в месяц. Урок состоял из чтения, рассказа и письменного изложения прочитанного, а также знакомства с сочинениями Шатобриана и Ламартина. Мише было разрешено присутствовать, и он с Ниной иногда говорил по-французски, ведь у него скоро экзамены по научным предметам в Консерватории! [3].

8 ноября в Консерватории был *день памяти А.Г. Рубинштейна*: молебен, хор профессоров, *консерваторский оркестр*, исполнивший две картины из его оперы «Моисей», и «полный глубокого смысла» «Romance et caprice» для скрипки с оркестром. *Л. Ауэр с А.Н.Есиновой дали концерт* сонат для скрипки и фортепьяно Рубинштейна, Брамса и Сен-Санса. Симфонический оркестр тоже репетировал концерт памяти А.Г. Рубинштейна, а в Консерватории *готовились к ученическому концерту*. Нина Юльевна писала, что все вещи А.Г. Рубинштейна ей страшно нравятся, приводят просто в восторг. Мишаставил А.Г.Рубинштейна «наравне с Шуманом и Мендельсоном» и с удовольствием играл его «Баркаролу» и марш из «Афинских развалин» Рубинштейна-Бетховена [3].

Когда Нина была у Бацоло, чтобы заменить волосы у смычка, он сказал, что недавно спросил у Л. Ауэра: «Хорошо ли звучит моя скрипка?» Л. Ауэр ответил, что раньше она звучала все лучше и лучше, а теперь тон стал резким. Бацоло решил, что это от подставки, которая высока и толста. Дело в том, что один ученик посоветовал Нине для приобретения

силы поставить высокую подставку. Она и пошла в Циммерману, у которого подставки по 50 копеек, а у Бацоло 1 рубль. Тон стал другой, но и пользы было мало. Бацоло объяснил, что не высокая подставка нужна для развития силы, а пластинка у основания грифа, которая поднимет струны, а так они были выше в том месте, где играть приходится редко. Бацоло сказал, что может сделать так на Нининой скрипке, если она хочет. Нина решила, что, когда получит деньги с первого же урока, то снесет свою скрипку Бацоло [3].

Нине Юльевне постоянно приходилось решать и большую часть бытовых проблем. Например, думать, что делать с большим папиным пальто, которое он оставил Мише; осенью ему в нем будет холодно, а зимнего у него нет совсем. Оказалось, что перешить пальто можно, а если прибавить шерстяной ваты, то оно получится зимним. Когда мама прислала 50 рублей на новое зимнее пальто для Миши, то ходили в магазин и примерили несколько, но деньги пришлось отдать за квартиру за октябрь в ожидании чека от отца, получив который купили Мише зимнее пальто, а отцовское отдали переделать в осеннее за 3 рубля 50 копеек. Позднее купили Мише тужурку и отличное одеяло, а рубашки с узким воротом отдали перешить [3].

В начале ноября от мамы из Вологды пришла посылка: юбка и прекрасные чулки для Нины, рубашки для Миши, чай и шоколад, а немного позже и деньги на два платья, чтобы у Нины была возможность выступить в концерте, если пригласят. Конечно, получить от мамы такие прекрасные подарки – большая радость, но, на самом деле, это стало возможным только потому, что **Юлий Михайлович заложил родовое имение Кузнецово** и, получив ссуду, заплатил 14 тысяч рублей долга, а 1000 рублей из долга оставил семье на неотложные нужды. Ежегодные проценты – 900 рублей, и, если не внести их в банк, то имение будет продано. Как писала Софья Петровна: «Папочка страшный хомут надел на себя, а потому нужно беречь всякую копейку». А когда неожиданно Нина с Мишей получили от тети Евлалии Алексеевны в подарок 25 рублей, то чуть не подрались. Миша тут же отправился по музыкальным магазинам и купил себе 2-ой и 3-ий том Вебера (теперь у него Вебер весь); «Переложения песен Шуберта» Листа; «Маленькие прелюдии» и фугу Баха и что-то Гайдна, т. к. Дубасов задал ему его Десятую сонату. На Рождество он решил привезти все свои ноты маме, потому что пока он на младшем курсе, ему все равно ничего не дадут играть, кроме Баха, Гайдна и Моцарта. «Наполните кузнецковские залы, - написал он, - звуками Шопена, Шуберта, Шумана, Листа, Вебера, Мендельсона, Рубинштейна. Уф, как их много, и все такие дивные, разноцветные». А Нина купила «Meditation», «Скерцо» и «Мелодию» П.И. Чайковского [3].

14 ноября из средств, которые должны были поступить в Общество взаимных кредитов, Юлий Михайлович прислал Нине чек на 430 рублей, чтобы заплатить Бацоло оставшиеся 150 рублей и попросить его расписаться на векселе в получении денег сполна за скрипку; передать 173 рубля 82 коп. долга Софьи Петровны дяде Мише; 6 рублей 18 коп. – оставить, как запас, если нужно будет платить Бацоло проценты за просроченные месяцы, и 100 рублей Нине и Мише на текущие расходы [3].

Отец рассказал, что он с дочерью Елизаветой стали в Вологде членами-учредителями Артистического общества и 21 ноября должен состояться его первый концерт; что он внес 5 рублей за Софью Петровну как действительного члена и за Катю, Олю и Машу по 1 рублю. Он спросил – не внести ли по 1 рублю за Нину и Мишу, чтобы они могли участвовать в концертах или просто бывать на них как члены, когда будут приезжать в Вологду? Общество предполагает собираться каждую неделю: один раз устраивать спектакли, другой раз музыкально-литературные концерты, а третий – танцевальные вечера. Так что на каждый из вечеров участвующие будут иметь три недели на подготовку. Теперь всё будет проходить в Дворянском собрании, а весной, пока нет своего помещения, предполагается «взять» театр. Губернатор и губернаторша «сочувствуют» этой затее и предполагают уговорить Михаила Михайловича Зубова отдать Обществу его большой дом № 10 на Архангельской улице за 900 рублей в год. В случае согласия брата Юлий Михайлович был готов тотчас же приступить к переделке своего соседнего маленького домика: надстроить в нем второй этаж, чтобы помещений было достаточно для всех; чтобы там, также как и в большом доме, был особый кабинет дяди Миши и чтобы снова жить всем вместе [3].

А через месяц 10 декабря Нина уже писала домой: «Я купила материи на два платья и ядала портнихе. Остальное пока все истратила на хозяйство, и то, что Евлалия Алексеевна

подарила, и еще голубое платье продала за 5 рублей, и все-таки, если не получу завтра денег от папочки, опять придется занять у дяди Миши, потому что хозяйка давно просит, да и есть завтра будет нечего». И 11-го написала отцу: «Дорогой мой папочка, к сожалению, я заняла сегодня у дяди Миши, потому что хозяйка решительно просила заплатить. Сегодня и последующие дни до Вашего приезда мне и Мише придется не обедать, а это очень чувствительно, когда ешь один раз в день». А маме сообщила: «Дорогая моя мамочка, не беспокойтесь о детях (Ларе и Любке). Они совсем примирились оставаться в Петербурге» на Рождество. (На дорогу для них у семьи не было денег.) [3].

В декабре Нине Юльевне удалось побывать *на концерте скрипача Сикарда*. «Но этот скрипач, – писала она маме, – не очень из важных. Все пассажи он комкает и не чисто. Притом, они у него не звучат. Это происходит от того, что он дает тон не от кисти, а от локтя, одним словом, давит от локтя (мой недостаток). Тон довольно приятный. Но Печников (из Московской консерватории, который давал концерт в прошлом году) гораздо лучше. У того чудная техника, прекрасный тон и недостаток только – неправильная постановка правой руки. Слишком поднимает локоть, что и некрасиво, и затрудняет движение кистью... А этот Сикард учился в Парижской консерватории; пишут про него, что он обрусовший француз, а многие говорят, что поляк. Это вернее, ...играл он все преимущественно польских композиторов: Венявского, Шопена... и свое сочинение, напоминающее «Легенду» Венявского. Вьетана совсем не было в программе, а ни один француз не обошелся бы без Вьетана. На *bis* он играл «Мазурку» Заржицкого, польского композитора» [3].

А еще Нина Юльевна была *на концерте Терезины Туа*, которая «поссорилась с аккомпаниатором Рахманиновым, и ей экспромтом аккомпанировал другой... Играла несколько номеров сверх комплекта, и отвратительно... Приготовленные вещи она играла хорошо, т. е. чисто и проч., но довольно бледно. Впрочем, на *bis* она с шиком исполнила «Мазурку» Венявского и что-то Сарасате. Манера играть изящная и чисто женственная. Сама все время улыбается, перемигивается с аккомпаниатором, и, вообще, держит себя слишком развязно, недостойно артистки, а скорей, как певица опереточная. В начале она... играла просто скандально, так что я решила, что ни за что не пойду к Ауэрну на урок на другой день, потому что он бы, пожалуй, стал доказывать, что вот как скверно играют даже и талантливые скрипачки». Ведь, *существует убеждение, будто для женщины скрипка – роскошь!* Но потом Нина Юльевна приободрилась и играла в классе на другой день, *сдала «Фауста*, и Л.Ауэр задал ей «Концерт» Башини» [3].

Уезжая с Мишой *на Рождество в Вологду*, Нина Юльевна решила запереть квартиру, и ключи отдать Степановским. *В Вологде она играла в концерте*, ее игра очень всем понравилась, так что молва об этом дошла даже до Кадникова [3].

Вернувшись в начале января 1896 года *в Петербург*, Нина с Мишой обнаружили, что хозяева устроили в их комнатах хлев, бросили там свои вещи, а соседка-француженка даже рассказала, что хозяин все праздники проболел на Нининой кровати – «свинство во всех отношениях!». Нина сразу же стала искать другую квартиру, но безрезультатно. Неожиданно появилась родственница Саша Вольф и зареванную Нину повезла к одной старушке, которая раньше держала меблированные комнаты. Та порекомендовала квартиру Трахтенберга (Екатерининский канал, д. 24, кв. 26). Хозяин-стрик занимал две комнаты, старушка-француженка тоже две, а Нина с Мишой, после долгих расспросов хозяина – кто они, где учатся и работают, заняли две свободные комнаты за 40 рублей в месяц. У них теперь было чисто и уютно. Хозяин, видимо, видя «бледность» новых жильцов, советовал им пить молоко с коньяком и принимать обоим железо в молоке, а Мише есть больше мяса, что он и начал делать. Как выяснилось из письма Юлия Михайловича, в этом же доме поселился и Михаил Михайлович, когда приехал в Петербург хлопотать о своих операх [3].

На 14 января была намечена *свадьба Оли Степановской*. Нина приехала «только посмотреть, как она одевается», но все накинулись на нее, чтобы она «ехала переодеваться в белое платье, т. к. потом ее довезут». В церковь Нина Юльевна приехала на извозчике и «попала к концу венчания. Оля была так хороша, что загляденье, ее муж прелесть. Из церкви поехали на квартиру Степановских», где пили шампанское. В 11 часов вечера Нина заехала за Мишой, чтобы ехать к Ниночке Вороновой, которая просила непременно провести у нее

общие с ней и мамой Ниной Дмитриевной именины. Нина Юльевна играла там «Мелодию» Чайковского и «Мазурку» Венявского. Было много народа; был там и Владимир Николаевич Зубов (из «Погореловской» ветви рода) — генерал от инфантерии, кавалер многих орденов, воспитатель детей царских фамилий и будущий Почетный гражданин города Вологды. На вечере у Вороновых он вспоминал пение Софьи Петровны Зубовой, которое слышал в Вологде (возможно, в Дворянском собрании) [3].

В конце января Нина была с Сашей Вольф *во французском театре*. А в начале февраля выяснилось, что *Л. Ауэр уехал на 6 недель*, а Н.В. Галкин на месяц за границу, возможно, в связи с тем, что Консерваторию хотят перевести в другое здание. Нину Юльевну *освободили от оркестрового класса*, потому что до Рождества она *участвовала и в концертах, и в опере*. И это хорошо, потому, что игра в оркестре ее сильно утомляла, т. к. репетировали по 4 часа чуть ли не 5 раз в неделю, и здоровье ее ухудшилось: начала болеть грудь, а то и голова. Уехать домой на месяц-два, в целях экономии средств и поправки здоровья, Нина Юльевна не могла из-за уроков, которые она набрала в прошлом году. Она считала, что они ей полезны для будущего; особенно важны уроки в институтах. Ведь «если там в следующем году найдутся желающие учиться на скрипке», то Нина Юльевна и будет их учить. Ее ученица в Патриотическом институте уже должна играть на концерте. *Имел бы смысл съездить «на кумыс*, чтобы «*поправиться на всю жизнь*», — думала Нина Юльевна. Для нее это было особенно важно потому, что на будущий год ей нужно много работать для успешного окончания Консерватории, а «на это нужны силы» [3].

В середине февраля Нина была с Сашей Вольф *в Итальянской опере* на спектакле «Лаппа-Рук» Ф. Давида. Домой написала: «Дорогая мамочка... Я давно не уезжала из театра в таком восторге, как вчера. Музыка — прелесть. У Арнольдеон (лирическое сопрано) — чудный голос. Я не люблю лирические сопрано. Зембрих мне по тембру своего голоса никогда не нравилась, о наших русских не стоит и говорить, потому что все они поют с натяжкой, а эти, как птицы — свободно, легко, и такая свежесть и сочность в голосе. Я в восторге. Мазини, конечно, не то, что был прежде, голос уже не тот, но все же нашим русским знаменитостям далеко до него. Он к концу берег голос, а потом распелся; еще остались у него чудные ноты. Я была очень счастлива вчера» [3].

А в конце февраля Нину Юльевну посмотрел *доктор Подобедов*. Сказал, что легкие у нее здоровые, а все от желудка и плохого питания и прописал мышьяк и кефир: «Совет дорогой мамочки — уехать домой сейчас же — был хороший, потому что было бы хорошее питание и отдых». Нина сказала, что могла бы уехать совсем на Пасху, а пока у нее уроки. Еще доктор сказал, что «на кумыс», действительно, было бы хорошо поехать (лучше всего в конце апреля), т. к. «чтобы восстановить свои силы, нужно питание и питание». Примерно то же он сказал и Мише. В последний день февраля доктор дал Нине Юльевне *свидетельство о малокровии*, осложненном сильным переутомлением, для получения *отпуска в Консерватории*. Нина советовалась с Иваном Константиновичем Степановским, который рассказал, что когда они с Олей плывли по Волге, то многие сходили в уездном центре Ставрополе, не доезжая до Самары, где сосновый лес и много курортов для лечения кумысом. А в степи, где воздух сухой и очень жарко, лечатся исключительно от грудных болезней, и остальным людям, тем более малокровным, там быть не полезно [3].

Юлий Михайлович прислал Нине и Мише чек, чтобы они имели деньги на дорогу, и одобрил стремление подлечиться «на кумысе». «Если удастся, — писал он, — то я постараюсь навестить вас там из Москвы, куда обязательно должен буду ехать на коронацию (Николая II) в мае месяце. *В Вологде* уже ждали Нину и Мишу на Пасху, и некто Пеллер переделывал пианино. Нина Юльевна хотела выехать быстрее, но 12 марта *должен был приехать Л. Ауэр*, и нужно было еще сыграть ему на уроке [3].

Лето 1896 года прошло «на кумысе». В начале апреля письма от Софьи Петровны, Нины, Миши, Кати и Маши приходили в Вологду или Кадников уже из района Белебей. От Нины: «Дорогой папочка, Миша усердно пишет (сочиняет), не забывает и меня и обещает в будущем году помогать мне хозяйничать, а также аккомпанировать мне с большей охотой. Я лучше себя чувствую, так как каждое утро ем бифштекс и запиваю какао. Меня *пригласили участвовать в концерте*. Когда мы с мамочкой выедем, мы телеграфируем, чтобы послали лошадей в Рабангу» [3].

А в конце мая Софья Петровна писала детям из Кузнецова о том, что Юлий Михайлович прислал ей телеграмму о том, что устроил детей, приехав 23 мая в Верхнетроицкое из Москвы. Нина, Миша, Катя и Маша должны были не менее 6 недель пить кумыс – наименьший срок кумысного курса. Нина писала родителям: «Дорогие мои мамочка и папочка! Вчера я с Катей каталась верхом. Мне очень хочется домой, и только жалко будет гор и верховой езды. Мы дали всем местам названия: Швейцария. Крым, Порозово, Кавказ. Кавказ – самое красивое место. Идешь по тропинке на 30-40 сажень высоты, а с другой стороны тянется гора около 100 сажень в высоту. Вниз вид – просто упоение. За Порозовым тянется Америка, мы туда ездим верхом, где я потеряла пенсне, а на другой день ходила туда пешком и нашла его. Кумыс я выпиваю уже четверть. Крепко целую вас, дорогие мои. Любящая вас Нина» [3].

Катя под конец отдыха и лечения написала: «Мы думаем выехать из Верхнетроицкого 5-го (июля), ...из Самары 6-го; 9-ое пробудем в Нижнем (Новгороде), а 12-го или 13-го будем в Вологде. Оттуда (до Кузнецова) мы найдем лошадей, ...если же пошлете (кого-нибудь встретить), то придется посыпать и подводу для вещей, иначе ...не уехать. Я надеюсь, что денег нам хватит, сегодня расплачусь за кумыс, кончим его пить 5-го; ...6 недель и два дня, что его пьем... Итак, до свидания. Целую всех. Деньги получили. Благодарю» [3].

До конца лета Нина Юльевна с родителями, братьями и сестрами провела в Кузнецово. О времяпровождении можно судить по отрывкам из некоторых писем: от Лари «Мы все здоровы и дуемся в городки целые дни»; от Любы: «Я научилась кататься на велосипеде. Приезжайте скорее. Жаль, что (некоторые господа) не продолжают «Кузнецовскую хронику», а Michel не директорствует. «Кузнецовская хроника» уснула, но снова воскреснет, когда сотрудники возвратятся здоровые и толстые, так что журнал будет процветать, и по вечерам будет над чем хохотать». Для Нины с Мишой главными занятиями, конечно, была музыка [3].

Девятый 1896-1897 учебный год в Консерватории. Четвертый и последний год на высшем курсе. К началу сентября в Петербург приехали опять все те же Зубовы: Юлий Михайлович, Михаил Михайлович, Нина Юльевна, Миша, Ларя и Люба. Остановились в меблированных комнатах в двух шагах от Мариинского театра и Консерватории. Девочек развезли по институтам, а вечером нанесли визит Степановским. Там были Оля, теперь уже по фамилии мужа Королько, и Лидия Прокопьевна Волконская с сыном Сашей [3].

Все первые дни сентября Нина и Миша искали квартиру. Подходящие были, но хозяева не хотели их брать, потому что они музыканты. Наконец, через неделю нашлась квартира на Большой Морской улице в доме 51 у очень симпатичной семьи Козицких-Фидлер, и от Консерватории очень близко. «За две комнаты и обед – 60 рублей; остальное, т. е. завтраки, чай, кофе, молоко и пр., должны устраивать себе сами. Сегодня (6-го) переехали и обедали, обед сытный из 2-х блюд. Обедом очень довольны, хорошо приготовлен», - написала Нина в письме. Кормили борщами, котлетами, на третье давали арбуз или яблоки. Наконец, Нина с Мишой устроились: заплатили за Консерваторию, взяли на прокат пианино за 9 рублей в месяц и получили из Вологды зимние вещи. Нина «платьями (была) очень довольна», целовала маме «ручки за чулки» и написала: «Мы в 10 часов утра пьем кофе, едим яйца (или геркулес), а в 2 или 3 пьем какао..., в 6-ть часов обед, в 9-ть пьем чай». К концу октября на завтрак стали есть приготовленные кухаркой котлеты, что было гораздо сытнее, чем пустой геркулес. Ведь нужны были силы, чтобы успешно работать, т. е. играть по 2-3 часа в день [3].

17-го были с дядей Мишой у Степановских, чтобы поздравить Верочку, а 18-го поехали к Королько, в связи с днем рождения Оли. «У них очень хорошая, настоящая докторская квартира: большие комнаты, высокие» (потолки) [3].

Нина Юльевна была на уроке у Л. Ауэра, сдала Второй концерт Венявского. Ее игру он похвалил и задал «Третью сюиту» Франца Риеса. «Эта сюита, - писала Нина домой, - состоит из 5-ти номеров, т. е. 5-ти хорошеных пьес: 1 – Moderato, 2 – Bouvree, 3 – Romance (самая красивая часть), 4 – Gondaliera, 5 - Rerpetuum mobile. И Л. Ауэр сказал, что после концерта для выработки техники, нужно играть что-нибудь легкое для выработки вкуса» [3].

Начала Нина играть и в консерваторском оркестре. Бацоло упросил дядю Мишу заплатить за скрипичный футляр с кожаным чехлом. Футляр стоил 8 рублей и кожаный чехол – 12. Нина благодарила дядю Мишу и Бацоло, которые обо всем этом хлопотали. За починку скрипки Бацоло не взял ничего, потому что только струны стоили 3 рубля. Звук у скрипки

поправился, и от игры делался заметно лучше. А за футляр Нина еще приплатила, потому что Бацоло отдавал его полировать. Хотя он был очень тяжел, но зато для скрипки хорошо – тепло и гарантировано от сырости. Пока хорошая погода Нина решила носить футляр без кожаного чехла. На смычке сменили волосы, что необходимо было делать два раза в год [3].

У Миши уроки тоже начались: был у Дубасова, учил 5 этюдов из «Школы беглости» Черни и «Прелюдию и токкату» Лахнера, начал ходить на гармонию[3].

9 октября Нина и Миша навестили тетю Ольгу Владимировну. Она была ласкова с племянниками, бодра и красива – «просто прелесть». Решила взять на прокат пианино, чтобы Нина и Миша могли у нее музенировать. От тети поехали к глазному врачу, который констатировал у Нины воспаление век. Чтобы болезнь не прогрессировала, он прописал капли в глаза, которые через несколько лет нужно было менять [3].

В октябре началась *подготовка к официальному открытию нового здания консерватории* (напротив Мариинского театра, в здании бывшего Большого театра). В оркестре разучивали «Увертюру» А.Г. Рубинштейна. Начали формироваться *квартетные группы*, т. к. всем необходимо было практиковаться в ансамблевой игре. *Нина Юльевна организовала свою группу*. «Так как это было желание Л. Ауэра, - писала она домой, - то помощник инспектора ... добыл мне альтиста и виолончелиста. Вот состав квартета: я – 1-ая скрипка, Руссова, ученица Ауэра, – 2-ая, Синицын – альт и Красноленский – виолончель. Нам отвели свободный класс, из библиотеки дали ноты и инструменты, т. е. альт и виолончель, а скрипка у меня оркестровая лежит всегда у швейцарихи». Нина Юльевна размечталась о том, что в будущем можно было бы создать женский квартет, что по тем временам было бы очень оригинально. «Одна скрипачка Шеголева учится играть на альте, ... нужно непременно найти виолончелистку и сыграться в эту зиму. Мы бы давали концерты: квартеты, трио, соло на скрипке, соло на виолончели» и т. д., и в следующую зиму отправились бы в турне по Европе или в Париж. «Оттуда, если будем там иметь успех, всюду и в России примут нас хорошо. Ведь это не невозможно?» Конечно, Нина Юльевна размечталась, но, в то же время, серьезно думала о том, что нужно зарабатывать как можно больше денег, раз столько уже истрачено на ее обучение [3].

Потом была репетиция открытия консерватории, освещение консерваторской церкви 18 октября и самое торжественное – *открытие самой Консерватории*, которое состоялось 12 ноября. Об этом событии Миша подробно написал домой. *Присутствовали Государь Николай II с Александрой Федоровной, великие князья Владимир Александрович, Мария Павловна, Михаил Николаевич, Сергей Михайлович, Анастасия Николаевна, принц Александр Петр Ольденбургский и герцог Мекленбург-Стрелицкий*. Председательствовал князь Константин Константинович Романов. *После встречи гостей и молебна в церкви консерваторский хор пропел тропарь* «Спаси, Господи, люди твоя» и «Многие лета». Затем в Малом зале, где присутствовали все члены Императорского Русского Музыкального Общества и Консерватории, *младшие учащиеся пропели «Славу»*. В Большом зале председатель Санкт-Петербургского отделения Русского Музыкального Общества *Ц.А. Кюи прочел приветствие*, после которого солисты, хор и оркестр консерватории *исполнили гимн и торжественную «Увертюру», написанную Антоном Рубинштейном* к открытию Петербургской Консерватории. В завершении *состоялся концерт* [11].

«*Бал* начался в 9 часов вечера, - писала Нина домой. Ученицы, внесшие 1 рубль за угощение, имели право привести с собой одного кавалера. Т. к. я не вносила рубля, и у меня нет знакомого танцующего молодого человека, то я не танцевала, а была в темном платье и смотрела со Шеголевой и Янишевской, которые были тоже в темных платьях, т. к. мы все играли в оркестре... Нас в оркестре играло 5 скрипачек, и кто-то нас назвал скрипичными феями... Во время речи Кюи я встала на стул и видела лицо Государя, а Государыню совсем не видела, т. к. перед нами стоял хор» [3].

В последних числах ноября в Петербург приехал двоюродный брат Нил Николаевич и повел Нину и Мишу *на оперу «Травиата»* с Мазини в главной роли. Как писала Нина, «Виолетту пела Невада, у которой маленький, но очень приятный голосок... Ее главный эффект, что она более минуты может протянуть одну ноту или трель... и играет очень хорошо, а оркестр – дрянь» [3].

Была Нина Юльевна и *на концерте скрипачки Фриды Скот*. Ей очень много хлопали, а играла она неважно, «грязно», как сказал бы Л. Ауэр. «Поразило и огорчило несерьезное отношение артистов и людей, понимающих в музыке, к женщинам-скрипачкам, - писала Нина Юльевна. Про Фриду Скот говорили, что она «мило фразирует», точно речь шла о пятилетнем ребенке. Ученики говорили, что им нравится ее игра. А на мои слова, что если бы мужчина сыграл так, как эта скрипачка, то его бы ошикали. Зеликман с улыбкой сказал мне: «Да, но ведь это барышня!» Точно нельзя допустить, чтобы барышня могла играть так, как они (мужчины). Между тем, здесь есть скрипачка Гамовецкая, которая куда лучше этой Скот... У нас больше любят заграничное, да и для публики заманчиво иностранное имя и Парижская или какая другая консерватория. Да, всюду не любят своих. Не бывает пророка в своем Отечестве!» [3].

Рождество Нина Юльевна, вместе с Мишой, провели с родными в Вологде и 10 января 1897 года *вернулись в Петербург*. По приезде сразу попали на *симфонический концерт, в котором играл Л. Ауэр!* [3].

На именины Нина получила в письме от мамы шутливые стихи от любящего брата Пети:

«В день великий именин
Я пишу письмо для Нины.
Ты на скрипочке играй
И заботушки не знай» [3].

А 14 января Нину навестила Ольга Прокопьевна, а на следующий день Лидия Прокопьевна с Верой. Дядя Миша подарил 10 рублей, на которые Нина купила себе ноты концертов Бетховена и Эрнста и «Полонез» Лаубо, а на оставшиеся 2 рубля билеты в театр для себя и Миши. В Вологде Евлалия Алексеевна подарила Нине золотой, который положили в карман ее нового платья для пересылки. Но, поскольку ни у кого из Зубовых не было ни копейки, то решили этот золотой, который стоил 7 рублей 50 копеек, разменять и на эти деньги послать платье, которое вышло очень хорошеньким. Платье и еще 6 рублей Нина получила как раз к спектаклю, на который ходили вместе с девушками Козицкими [3].

В начале февраля в Консерватории вывесили *объявление о конкурсных пьесах на экзамене оканчивающих в марте месяце. Нужно было приготовить концерт, конкурсную пьесу, небольшую пьесу, квартет и что-то Баха.* Нина Юльевна приобрела для себя «Избранные квартеты» Гайдна и другие и стала больше заниматься. Дядя Миша написал ей относительно выпускного экзамена: «Я говорю о слабости твоих нервов... Спроси (у доктора) совета безвредного временного укрепления нервов во время игры на экзамене. Я вполне убежден, что он сумеет тебе помочь» [3].

Через несколько дней был *концерт ученика Л. Ауэра Налбандяна*. Он имел большой успех, и даже вызывали Л. Ауэра после исполненного его сочинения. Л. Ауэр убежал из зала, но многие побежали за ним и хлопали ему. Затем был *концерт скрипача Арешона*, игра которого оказалась совсем невыдающейся [3].

Несмотря на то, что Нина Юльевна теперь занималась по 3-4 часа в день, она позволяла себе некоторые удовольствия. В середине февраля с Мишой и Козицкими она была в *Мариинском театре на опере «Кармен»*. Она «давно не была под таким хорошим впечатлением». Нарядный зал, гул публики, громадный оркестр, звуки настраивающихся инструментов «весело и ободряюще действовали на душу. И опера «Кармен» чудная!» [3].

Чем ближе *приближался выпускной экзамен* в Консерватории, тем больше у Нины Юльевны сдавали нервы. Она уже стала думать о том, что если она не выдержит экзамена, то комиссия присудит ей остаться еще на один год. Но ходить еще один год в консерваторию для нее будет невыносимо, потому, что у родителей нет больше средств содержать ее в Петербурге. «Но за мной остается право, - писала 23-летняя дочь родителям, - в течение двух лет сдать экзамен по скрипке «от себя» и получить диплом. Поэтому я решила, что если провалюсь 11 марта, то сейчас же приеду в Кузнецово, ну и, конечно, буду работать до осени, а осенью надо (будет), так или иначе, зарабатывать деньги. Я не опущу руки, потому что чувствую, что если провалюсь, то от того, что струсила, а не от того, что не могу... играть на скрипке, если буду работать, как все это последнее время. Вы, дорогие, не очень на меня рассердитесь, если я провалюсь?» [3].

Нина Юльевна стала уже думать о том, как будет жить Миша, когда она уедет из Петербурга. Полина Васильевна Козицкая сказала, что сдавать комнаты они не будут, а Мишу оставят у себя, т. к. он будет учить их детей, Лисю и Сашу, и это будет его платой за комнату. Тогда Козицким придется платить по 20 рублей в месяц только за стол: завтрак и обед. Сам Козицкий Мишу очень полюбил и считал его будущей знаменитостью [3].

За несколько дней до экзамена Нина Юльевна *почувствовала себя неважно* (заболел желудок), и пришлось попросить приехать на дом консерваторскую докторшу. Она прописала лекарство от нервов и сказала, что и желудок не в порядке тоже отчасти *от нервов*, велела пить кефир и не пить чаю. А дядя Миша написал: «Из письма твоего вижу, что ты вся в тревоге и волнении... и, конечно, чем скорее все кончится, тем лучше. Нет сомнения, что все это отзывается на твоих нервах и, стало быть, вредно тебе» [3].

И вот настал решающий *день выпускного экзамена*. Нина Юльевна *играла хорошо*, вероятно, потому, что *4 дня принимала* прописанную докторшей *микстуру с валерьянкой*. Как это было, она подробно описала в письме родителям: «Галкину не особенно приятно было, что я играла лучше, чем он думал, потому что он мне не дал доиграть до конца. Это был бы дурной знак, если бы другие члены комиссии не хотели бы дослушать. Но, наоборот, я видела одобрительный знак головой Вержболовича и Краснокутского. Но Галкин не любит, когда чужие ученики играют хорошо... *Вержболович*, когда все уже расходились, поклонился нам общим поклоном и с очень любезной улыбкой *поздравил «с окончанием»*. Уж если допустили до публичного экзамена, то мы считаемся почти окончившими. *Следующий* (публичный) *экзамен* будет *в мае*, вероятно в начале, а акта я не буду ждать, потому что ведь я не буду на нем играть, а для того, чтобы услышать, как в списке получивших диплом прочтут и мою фамилию, оставаться не стоит. *Ауэра не было на экзамене*; он еще не вернулся. Галкин председательствовал, потому что директор болен, а инспектору страшно наскутило сидеть и хлопать глазами (все равно он ничего не понимает), так что он ушел». После экзамена Нина Юльевна *дала телеграмму* в Кадников, будучи уверенной, что *в Кузнецово* будет оказия: «*Выдержала отлично!*» [3].

И вот ответ от мамы: «Золотая моя, ненаглядная девочка Нинушечка. Вчера ночью папочка привез телеграмму из Кадникова, *все счастливы*, что ты сдала отлично экзамен, начиная с нас всех и кончая прислугой, которая вся молилась об тебе. 10-го числа ходила в церковь, служила молебен за тебя... Все тебя крепко целуют и поздравляют. Благословляю. Любящая тебя мать С. Зубова» [3].

В ответ Нина Юльевна написала: «Я теперь чувствую себя отлично, все прошло после экзамена. Самый *лучший отзыв* я получила от Битунова. (Он прямой мальчик, и потому я ценю его отзыв.) А именно, не только, что он *от меня* не ожидал, но что, вообще, он *не ожидал, что барышня может так сыграть!* А это для меня самая большая похвала» [3].

17 апреля Нина Юльевна *должна была первый раз играть у Л. Ауэра* после 2- месячного перерыва. «Страшно (ей было), почти как на экзамене, потому, что придется играть пьесу для экзамена очень трудную, которую Ауэр не советовал брать (*«Отелло» Эрнста*). А она «стала учить, потому что не было денег покупать другое, да и, притом, очень хотелось играть именно *«Отелло»*. В классе Л. Ауэр спросил, какую пьесу играет Нина? И когда он узнал, что *«Отелло»*, то разозлился и закричал, что если она хочет играть эту пьесу, то может кончать *«от себя»*, что он даже сам не решается играть эту пьесу в концертах. И даже не выслушал. Нина Юльевна сказала, что может повторить *Пятый концерт Вьетана*. Но сыграть его на следующий день Л. Ауэру она не смогла, потому, что нездоровилось, «да и невозможно повторить концерт, который играла в январе в три часа». Пришлось послать записку о том, что она придет к учителю в среду. Маме она написала: «Меня Ауэр обидел тем, что не выслушав решил, что мне не осилить пьесу, когда я ее работала месяцы, знаю наизусть и к 1 мая, если бы принадель, совсем бы ее отделала, а теперь Вьетана я не успеваю к 1 мая. Это ужасно, что так рано экзамен... Вероятно буду просить отложить мой экзамен до 12-го, когда будут играть все ученики Ауэра, а 1-го мая – только оканчивающие. Я вчера вовсе не испугалась Ауэра и не волнуюсь, потому что чувствую, что права, и не моя вина, что Ауэр два месяца и три недели ездил по гастролям, а Налбандян, на которого Ауэр оставил класс, хотя и не советовал брать *«Отелло»*, не придумал для меня ничего другого. Крепко целую дорогих моих, не волнуйтесь»

за меня». И через 5 дней: «Я уверена, что мне не приготовиться к 1 мая, потому что больше 3-х часов положительно играть не могу и, вообще, весной работать трудно, жара, клонит ко сну. Воздух здесь ужасный, хочется в деревню, и поэтому очень досадно, что не могу покончить все 1-го мая. В эту жару не в чем ходить, а особенно плохо в Консерватории в черном платье, приличной нет легкой кофты для выхода. Как я буду играть на экзамене в шерстяном в эту жару? Просто мученье. Я принимаю ферратум (железо) и, благодаря этому, утром мне нечего пить – чай нельзя, кофе вредно для сердца, молоко – боюсь опять испортить желудок перед экзаменом, а воду утром не вкусно. Зато за завтраком мы очень сыты, и после этого я пью кипяток с молоком и тремя каплями кофе [3].

Несмотря на все страхи, в письме от 1-го мая Нина Юльевна написала: «Дорогая моя мамочка. Я *выдержала экзамен хорошо*. Л. Ауэр мне *сказал, что я получила 4 балла*, следовательно, диплом получу. Я ужасно испугалась и раз даже забыла одно место. Но Ауэр боялся не меньше меня. (Ученица) Рейхард говорила мне, что когда я вышла, то Ауэр был совсем красный и даже слезы на глазах, потом он ободрился, особенно когда я играла каденцию, потому что я ее играла лучше всего, и когда я кончила, то поднял руки, как будто, говоря: «Слава Богу!» В одном месте, когда играл один аккомпаниатор, Ауэр мне сказал, чтобы я настроила скрипку, а я подумала, что уже довольно, повернулась и чуть не убежала, а экзаменаторы и Ауэр ужасно хохотали, так что не обошлось без анекдота. Я 4 дня принимала мистику от нервов и все-таки волновалась так ужасно. Потом, после конца, Ауэр *сказал* мне, *что я получила 4, получу диплом, следовательно, кончила*: «Что же Вам еще нужно?» Я говорю: «Мне больше ничего не нужно, я знаю, что как бы хорошо я не выучила пьесу, мне хорошо не сыграть, я никого не поражу, фурор не произведу, лишь бы не испортить диплома. Ну, и слава Богу!» Я телеграммы, дорогая, потому не посыпала, что в кармане ни копейки, и должна. Уехать не могу, потому что, во-первых, не на что; во-вторых, нужно сделать большой запас струн и пр. Крепко целую, дорогую мою, и всех. Целую дядю Мишу, он обрадуется за меня». В ответ от мамы: «Дорогая, милая Нинушечка, *какое счастье*, что ты кончила. Мы все ужасно обрадовались... Дядя Миша очень рад был и перекрестился, когда я ему сказала, что ты выдержала экзамен. Крепко целую тебя, моя дорогушечка, и с нетерпением жду». Только приезд Юлия Михайловича в Петербург с какими-то средствами позволил Нине Юльевне выехать в Вологду и затем в Кузнецово [3].

В сентябре 1897 года Нина Юльевна получила Диплом № 507 Санкт-Петербургской Консерватории Императорского Русского Музыкального Общества. В нем говорилось, что Художественный совет Консерватории свидетельствует, что «дочь дворянина, коллежского советника Нина Юльевна Зубова ...обучалась игре на скрипке в классах профессоров Галкина и Ауэра, окончила в мае месяце 1897 года курс музыкального и научного образования, по установленной для получения диплома программе, и на выпускных экзаменах показала следующие *успехи*: в главном, избранном для специального изучения предмете, *игре на скрипке* (по классу профессора Ауэра), – *хорошие*; во второстепенных (обязательных) предметах: *теории музыки* (по классу энциклопедии), *истории музыки и эстетике* – *весьма достаточные, инструментовке и игре на фортепьяно* – *хорошие*. Вследствие сего, ...*Нина Зубова удостоена диплома на звание свободного художника*. В удостоверение чего дан ей, Нине Зубовой, сей диплом за надлежащим подписом и приложением печати С.-Петербургской Консерватории. Сентября 1 дня 1897 года. *Председатель Общества Александр Й. Директор Консерватории А. Бернгард. Члены Совета: Л. Ауэр, Н.В. Галкин, Л. Беем, Ф. Черни, П.Краснокутский, А. Вержболович, В. Шуберт, Н. Римский-Корсаков, Н. Соловьев, Саккетти, Ан. Лядов, Вр. Наренич, Волчек. Инспектор Консерватории В. Самусь*» [12].

«Санкт-Петербургская консерватория создала новый класс лиц, обладающих званием свободного художника с правами: оркестровых музыкантов, капельмейстеров, учителей пения и игры на всех оркестровых инструментах, органе и фортепьяно; теоретиков, историков музыки, виртуозов и композиторов». Почетными членами Санкт-Петербургской консерватории были И. Брамс, И. Иоахим, К. Сен-Санс. Ф. О Лешетицкий; заслуженными профессорами: Л.С. Ауэр, А.К. Глазунов, А.Н. Есипова, Н.А. Римский-Корсаков, В.А. Шуберт, А.В.Вержболович и Н. Ф. Соловьев, а первым директором – А.Г. Рубинштейн [11].

Нина Юльевна сфотографировалась в черном платье с белой кружевной пелериной, одна

и с братом Михаилом. Дядя Миша написал ей в конце 1897 года: «Очень благодарен тебе за фотографию. У тебя красивое и симпатичное лицо, умные глаза, серьезное выражение. Но пелерина, которую ты надела, делает тебя, в особенности на маленькой карточке каким-то широким в плечах атлетом, меняет твою стройную изящную фигуру» [3].

Взрослая жизнь

После окончания Консерватории, с дипломом «в кармане», Нина Юльевна **должна была избрать свой путь** в искусстве. Рассматривались разные варианты. Например, «кавказские» Зубовы уедут в Батум осенью и, когда Нина захочет концертировать, они ей там могут устроить и во многом помочь, а если в Тифлис приехать, то там тоже Трифонов-художник, знакомый Володи, который был у него в Бору. Можно было поехать и за границу. А дядя Миша написал Нине 17 января 1898 года: «Ты мне писала, что твои нервы таковы, что ты не годишься для концертного tourne, а мне кажется, что в городе, где тебя никто не знает, тебе будет играть гораздо покойнее, чем в Вологде». Но дело было не столько в нервах, сколько в отсутствии средств для дальних поездок. Поэтому 31 января дядя Миша писал иначе: «Если ты хочешь что-нибудь сделать, то надо делать здесь, в смысле в Петербурге, и лучше теперь, чем когда тебя забудут. Не думаю, чтобы Ауэр от тебя отказался. Лучше здесь искать уроков и места в заведении, чем уехать, и через 2-3 года сюда же приехать. Потеряешь только время даром» [3].

Из письма ученицы Л. Ауэра Лили фон-Рейхард, узнаем, что **Нина Юльевна живет в деревне, много играет** и привыкла к новой жизни. Ее часто вспоминают ученики Л. Ауэра – Налбандян, Цейтлин, Зелигман, Гурвич и другие; им ее в его классе нехватает, а Л. Ауэр «купил себе новую скрипку за 30 000 франков и чудесно играет на ней в квартетах» [13].

Рождество и начало 1898 года Нина Юльевна провела вместе с родными **в Вологде**. После праздников **начала искать учеников**, расклеивая и давая объявления в газету об уроках на скрипке. Дядя Миша привез ей от Бацоло «басок» и новый смычок, за который тот денег не взял, а просил передать, что «состчитается, когда получит масло». Юлий Михайлович «написал с работником в деревню, чтобы Куня сделала 20 фунтов масла свежего для Бацоло». В ожидании уроков Нина Юльевна **наносила визиты**. А в гостях у Нины Юльевны побывала «бабонька» – Лидия Платоновна Окулова, которая приехала в Вологду из деревни на один день. В начале мая к Нине Юльевне **приезжала губернаторша с предложением сыграть у них трио**; ездили играть вместе с дядей Мишой. Раза два Нина Юльевна была у губернаторши с Анной Платоновной, один раз с Лизой на обеде [3].

Наступила весна, а уроков все не было. Софья Петровна присыпала из Кузнецова уже поспевшие в теплицах огурцы, редиску, салат и шпинат и ждала детей на лето к себе [3].

Лето Нина Юльевна провела в **Кузнецово**, где много занималась на скрипке, расширяя и совершенствуя свой репертуар. В сентябре **вернулась в Вологду** опять в надежде найти уроки. Анна Платоновна хлопотала о ней, просила своего знакомого Герке написать двоюродному брату, вице-президенту Русского Музыкального Общества, о возможной вакансии для скрипачки, ...но тщетно [3].

Осенью, в первых числах октября 1898 года, Нина Юльевна **поехала в Ярославль**, в семью знакомых Крейтеров. «Тетя Шура, дядя Сережа и Маргуся ужасно мне обрадовались», – писала она. Они очень со мной милы, даже не очень, а чрезвычайно». С Сергеем Петровичем Нина Юльевна играла в 4 руки, с тетей Шурой (Александрий Николаевной) и Маргусей (Маргаритой) гуляла и **играла на скрипке каждый день, чтобы** после повторения своего репертуара **позвать Н.Н. Алмазова, и устроить «маленький музыкальный вечер**. Это было похоже на экзамен: если она худо сыграет, то Н.Н. Алмазов не согласится дать с ней концерт. К несчастью, Алмазов ушиб палец, так что надо было подождать [3].

Ходили в театр на «Блуждающие огни»: «труппа недурная, и театр очень хорошенъкий, как игрушка, и освещен электричеством». В библиотеке корпуса Нина Юльевна **аккомпанировала скрипачу Кульчинскому**; потом они как-то **играли скрипичный дуэт**. Ей было приятно иметь дело с профессиональным музыкантом. В конце октября были **на музыкальном вечере у доктора Попова**. Играли несколько фортепианных квинтетов и

Нина Юльевна Зубова после окончания
Петербургской консерватории. Февраль 1898 г.
Слева с братом Михаилом Юльевичем.
(Фото из семейного архива автора)

квартетов. **Нина Юльевна исполнила «Romance» Нашэ и «Колыбельную» Годара;** по отзывам, «очень хорошо». В один из вечеров Попов приехал с виолончелью, привез *трио* и играли. Нина Юльевна считала, что в музыкальном отношении ей полезно пребывание в Ярославле, т.к. она теперь часто играет дуэты и квартеты с чистого листа; нот масса. В следующий раз с виолончелистом Владычеком играли *струнные квартеты* Бетховена, Моцарта и Мендельсона. Кроме музыки, в семье Крейтеров Нина Юльевна занималась языками: учила *эсперанто*, читала *по-немецки* с Сергеем Петровичем и три раза в неделю участвовала в общем чтении *по-французски* [3].

Наконец, в начале ноября **Н.Н. Алмазов** появился у Крейтеров и *играл с Ниной Юльевной* «Сонату» Тартини, «Romance» Нашэ, «Пчелку» и «Колыбельную песню» Годара. Потом играли квинтет Шумана и квартет Фески. Было несколько гостей, и с Н.Н. Алмазовым поговорить при посторонних не удалось. Сергей Петрович был у него с визитом, и Н.Н. Алмазов сказал, что хотел бы послушать Нину Юльевну еще раз без посторонних, обещал заехать, но не был. Одновременно Анна Платоновна спрашивала Нину в письме: согласна ли она поехать с Хорошевской на Рождество в Минск и Житомир, чтобы там дать концерты? Нина Юльевна ответила согласием и стала учить *Второй концерт* Венявского и «Romance» Риеса. [3].

В конце ноября Нина Юльевна была с Крейтерами в театре. Давали историческую драму Бухарина «Измаил», в которой все известные фигуры – Потемкин, Суворов, Кутузов, Румянцев-Задунайский и другие – были совершенные их портреты. В первых трех рядах сидели офицеры Фанагорийского полка и, когда Суворов (актер Коралли-Торцов) говорил: «Со мной были мои фанагорийцы», то все офицеры кричали «ура». Когда Суворов появился в палатке Потемкина со словами: «Измаил пал», в театре стоял стон, и все вместо « bravо » кричали «ура». Почти каждый день в Ярославле шли спектакли, балы и благотворительные праздники. Билеты на них распространялись почти принудительно. Так на один из балов губернаторша прислала Крейтерам два почетных билета, за которые пришлось заплатить 10 рублей, но, конечно, они не поехали, потому что пришлось бы истратиться еще больше у дамских киосков. **Н.Н. Алмазов**, видимо, *не хотел рисковать* давать убыточный концерт с неизвестной никому скрипачкой. Сергей Петрович никак не мог его «словить», а Нина Юльевна все-таки *решила ждать его окончательного ответа* [3].

Как писала Нине мама: «Ты так хорошо играешь, что можешь смело играть в любом концерте... Дядя Миша писал, что слушать тебя большое удовольствие и что ты должна давать концерты» [3].

Свое 25-летие Нина Юльевна отметила в Ярославле. Тетя Шура подарила ей цепочку для часов, Маргуся – брелок-скрипку, а дядя Сережа духи. Пришло поздравительное письмо и из дома. **Н.Н. Алмазов от концерта отказался**, хотя все-таки в библиотеке корпуса, где собирались служащие и их дамы, *экспромтом он сыграл с Ниной Юльевной*. Она была там с дядей Сережей, приехал Н.Н. Алмазов, послали за Нининой скрипкой и заставили сыграть. Играли «Сонату» Тартини, «Scene de Ballet» и несколько маленьких вещей. Жена директора стала говорить, что можно в Ярославле дать настоящий концерт, устроить и сбор и все остальное, но Нина Юльевна ответила, что Н.Н. Алмазов от такого концерта уже отказался. Зато с *Поповым* играли в квартете, и он подарил Нине Юльевне ноты. Дядя Миша писал Нине в Ярославль: «Милая Нинушечка! Очень рад, что ты потихоньку привыкаешь играть при посторонних. Может быть, и достигнешь, хоть и не скоро того, что уже делает теперь Гамановская. Я читал, что она, участвуя в разных благотворительных концертах в Петербурге, недавно давала свой лично концерт в зале Кредитного общества и, хотя публики мало было, но со стороны искусства зато имела полный успех, и ты тоже, поездивши, привыкнувши, должна ехать в Питер и там, после благотворительных, дать свой собственный – перед глазами пример». Нина же Юльевна с нетерпением ждала возвращения в Вологду к мамочке, папочке, родным братьям и сестрам на Рождество [3].

По приезде в Вологду Нине Юльевне преподнесли маленький альбом с золотым обрезом, в котором она прочла стихи от мамы и папы, написанные к ее 25-летию:

«Сказать вам правду или нет?
Вы скажете – «Пустые сказки»...

Хотя не в моде этот цвет,
Люблю я серенькие глазки!»
С. Зубова. Вологда [1].

А отец Юлий Михайлович прибавил:

«Полны отрады, жизни, ласки,
Их «речь» понятна и без слов,
Люблю вас, серенькие глазки,
И целовать всегда готов. Папочка» [1].

Профессиональный певец, музыкант и композитор, дядя Михаил Михайлович Зубов, давно оценил профессиональную игру племянницы Нины на скрипке и приписал:

«Едва коснувшись до пера
И обмокнув его в чернила,
Я тотчас вспомнил вечера,
Когда играешь ты так мило.
То можешь с нежностью играть,
То с полнотой и силой звука!
При звуках тех, могу сказать:
«Мой пропадает сплин и скука» [1].

Источники:

К главе I.

1. Сведения из семейного архива Зубовых Н.В. Лукиной (Москва).
2. Лукина Н.В. Мир детей одной из дворянских семей Вологодчины // А.С. Пушкин в Подмосковье и Москве. Мат. VI Пушкинской конференции 2001 г. Большие Вяземы, 2002. С. 161-168, 171-172.
3. Письма Нины Юльевны и Михаила Юльевича Зубовых к родителям, мамы Софии Петровны, отца Юлия Михайловича и дяди Михаила Михайловича, а также братьев и сестер Зубовых, ее мужа В.К. Германа к Нине Юльевне (из семейного архива автора).
4. Ауэр Л. Моя школа игры на скрипке (Пер. с англ.). Л.: Изд-во «Тритон», 1929. 183 с.
5. Розанов А.С. Музикальный Павловск. Л.: Изд-во «Музыка», Ленингр. отд., 1978. С. 96-110.
6. Сеженский К. Краткий словарь музыкальных терминов. М.-Л.: Гос. муз. изд-во, 1950. С. 85-86.
7. Михеева Л. Музикальный словарь в рассказах. М.: «Советский композитор», 1988. С. 130-131.
8. Вальтер В.Г. Как учить игре на скрипке. Практическое пособие для учителей и учащихся. С.-Петербург. Тип. А.А. Пороховщикова, 1897. 54 с.
9. Кирилов Н. Скрипачи XII, XVIII и XIX столетий. М.: Муз. Торговля П. Юргенсона, 1890. С. 75-76.
10. Ауэр Л. Моя долгая жизнь в музыке. СПб., Изд-во «Композитор-Санкт-Петербург», 2006. 216 с.
11. Очерк 50-летия деятельности Санкт-Петербургской консерватории / Составители: А.И. Пузыревский, Л.А. Сакетти. Петроград, 1914.
12. Подлинник Диплома № 507 С.-Петербургской консерватории Императорского Русского Музыкального Общества (из семейного архива автора).
13. Письма учеников, подруг, друзей и знакомых Н.Ю. Зубовой (из семейного архива автора).

Глава II. Концертная и преподавательская деятельность.

Первый публичный концерт. 6 января 1899 года в Вологде, в зале Дворянского Собрания, Нина Юльевна приняла участие в концерте в пользу детей в местностях, пострадавших от неурожая. К сожалению, мы не знаем, что она играла, т. к. в программе стояло просто: «Соло на скрипке – исп. Н.Ю. Зубова». Думается, что играла хорошо [14].

А 20 января 1899 года Нина Юльевна *писала* домой опять из Ярославля, где должен был состояться полноценный концерт с Н.Н. Алмазовым. Он согласился ехать и в Кострому, с приплатой за дорогу, и написал своему знакомому письмо, с просьбой организовать там концерт. Нина Юльевна решила туда съездить сама, чтобы все выяснить обстоятельно. Единственный зал Дворянского собрания стоил 100 рублей, рояль 25-ть и еще расходы по освещению и пр., всего около 200 рублей. Кроме того, время было очень горячее: концерты в пользу студентов, бенефисы актеров, полные сборы в театре, фокусник и т. д., так что на концерт в Костроме можно было не надеяться [3].

Концерт в Ярославле был назначен на среду 3 февраля 1899 года в 8 ½ часов вечера в помещении Общества любителей музыкального и драматического искусства. Рояль там был хороший, афиши и билеты уже начали печатать. **Нина Юльевна** три раза *играла* с **Н.Н.Алмазовым** и должна была еще раз прорепетировать; аккомпанировал он великолепно. Сергей Петрович начал раздавать билеты в корпuse [3].

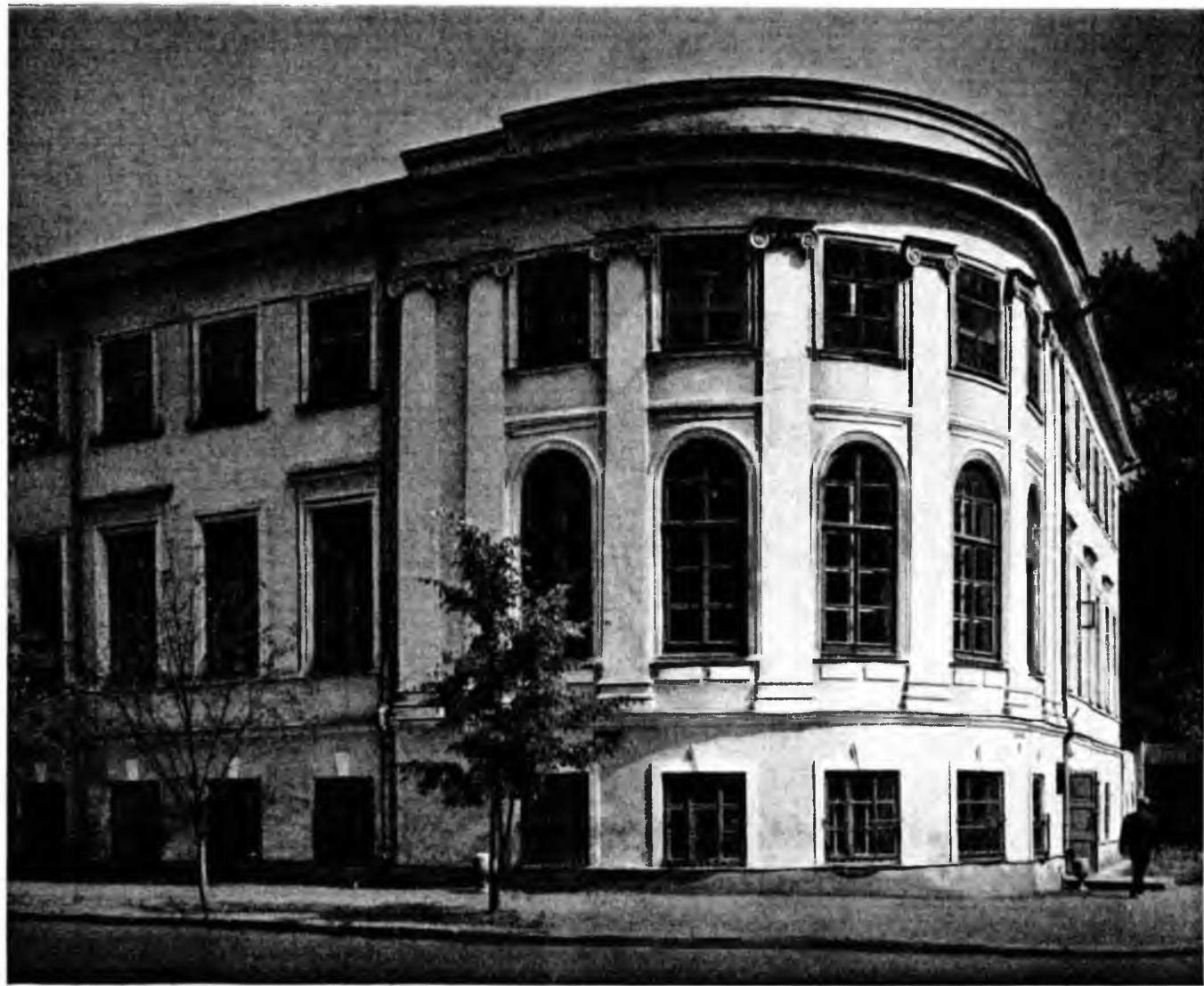
В концерте, кроме «скрипачки Н.Ю. Зубовой (С.-Петербургской консерватории по классу профессора Л. Ауэра) при аккомпанементе Н.Н. Алмазова», принимала участие пианистка В.К. Миллер-Хорошевская (лауреат Московской консерватории). Программа концерта была следующая. В 1-ом отделении: «*Allegro con brio*» из сонаты Бетховена для скрипки и фортепьяно (исп. В.К. Миллер-Хорошевская и Н.Ю. Зубова); «*Fantasia-Appassionata*» для скрипки Вьетана (исп. Н.Ю.Зубова); «Этюд», «Экспромт» и «Полонез» Шопена (исп. В.К. Миллер-Хорошевская); «Легенда» Венявского (исп. Н.Ю. Зубова); «Сон в летнюю ночь», «Свадебный марш» и «Танец эльфов» Мендельсона-Листа (исп. В.К. Миллер-Хорошевская). Во 2-ом отделении: «Гавот» Моцарта-Зилотти, «Баркарола № 3» Рубинштейна и «Traumerei» Шумана (исп. В.К. Миллер-Хорошевская); «Романс» Нашэ (исп. Н.Ю. Зубова); «Парафраз» из оперы «Риголетто» Верди-Листа (исп. В.К. Миллер-Хорошевская); «*Zigeunerweisen*» («Цыганские напевы») Сарасате (исп. Н.Ю. Зубова) [14].

Нина Юльевна написала домой, что «волновалась отчаянно», и очень критически оценила свою игру: в «*Fantasia-Appassionata*» и в «*Zigeunerweisen*» «проскакивала, путала и детонировала, но, к счастью, не останавливалась». («В программу нельзя ставить таких трудных вещей!» - решила она.) «Легенду» и «Романс» сыграла хорошо относительно техники, «но без воодушевления, мной владел только страх, а артистка спала». На *bis* Нина Юльевна играла «*Romance* Simonetti, «*Orientale* Kiou, «*L'abeille* Шуберта, «Колыбельную песню» и «Пчелку» Годара. «Публика была очень довольна». А поскольку Нина Юльевна *сыграла на bis* целых пять вещей, то, значит, *ее игра* действительно *понравилась* [3].

В местной газете был опубликован *отзыв о концерте*: «Обе концертантки хорошо владеют своими инструментами, играют с замечательной чистотой и выражением, производя *артистическое впечатление*. Концерт прошел с значительным успехом. Исполнительницы вполне заслуженно награждались шумными аплодисментами» [15].

Мама написала Нине, что «очень счастлива, что концерт сошел благополучно. Служила молебен у Спаса 3-го числа; молились о тебе старушки Зубовы: Александра Николаевна, Елизавета Николаевна и Наталья Николаевна» (хозяйки соседнего с Порозовым имения Жегалиха из «Погореловской» ветви рода). «Читали в газете, очень хороший отзыв. Сестры, видно, что от души *рады твоему успеху*, очень волновались, не получая долго писем. Дядя Миша тоже» [3].

Полный сбор от концерта составил 148 рублей, расход 77 рублей, так что остался 71 рубль, но за вычетом расходов на дорогу и поездку в Кострому заработок Нины Юльевны равнялся 20 рублям. Этот концерт был полезен для нее, в связи с возможной вакансией в будущей музыкальной школе Н.Н. Алмазова. После концерта Нина Юльевна нанесла несколько необходимых визитов, сводила Крейтеров в театр и вернулась домой [3].

Дворянское собрание в Вологде (XVIII – XIX вв.)
(Баниге В., Перцев Н. Вологда. М.: Изд-во «Искусство», 1970)

В Вологде 17 февраля 1899 года состоялся концерт «пианистки В.К. Миллер-Хорошевской *при* благосклонном участии Г-жъ: **Н.Ю. Зубовой** и Л.М. Котляровой». В 2-х отделениях концерта Нина Юльевна исполнила: с аккомпанементом «*Allegro con brio*» Бетховена и «Серенаду» Брага и сыграла solo «*Fantasia-Appassionata*» Вьетана и «Романс» Нашэ [14].

Второй концерт в Ярославле. Видимо, вполне заслуженный успех первого концерта с Н.Ю. Зубовой вдохновил Н.Н. Алмазова на организацию еще одного публичного выступления в Ярославле. Теперь концерт должен был состояться в зале Городской Думы 4 апреля. Основную часть программы из 3-х отделений составляли выступления оркестра и хора с оркестром. Были исполнены: «Увертюра» из оперы «Сорока Воровка» Россини, три хора из оперы «Вавилонское столпотворение» А.Г. Рубинштейна, «Элегия» П.И. Чайковского, «Ночь» Ф.Шуберта, «Польский танец» из оперы М.И. Глинки «Жизнь за царя», небольшие произведения Жиллэ, Цибульки, Пиэрне и Абта. Певица Е.И. Зандерс исполнила арию Аиды из одноименной оперы Д. Верди и «Колыбельную песню» Симона, а М.М. Дольский спел два романса. У **Н.Ю. Зубовой** было *три сольных номера*, по одному в каждом отделении с аккомпанементом **Н.Н. Алмазова**: 1-ая часть концерта Бруха, «Романс» Нашэ и «Легенда» Венявского. После каждого номера публика просила скрипачку исполнить *еще* что-нибудь на *bis*. Нина Юльевна сыграла: «Колыбельную песню» Годара, «Мазурку № 1» и «Romance» Simonetti [14]. Домой Нина Юльевна написала: «Золотая моя мамочка. Концерт сошел хорошо, я больше владела собой. Вместо «Гондольеры» Риеса играла «Романс» Нашэ, «Легенду» и «Мазурку» Венявского, «Romance» Simonetti даже сама признаю, что очень хорошо, т. к. не высчитывала, что я в таком-то такте сбьюсь, а играла с воодушевлением. Мне представились губернатор и директор гимназии». Но Н.Н. Алмазов еще ничего не смог сказать Нине Юльевне об условиях работы, т. к. это могло определиться только к осени [3].

Концерт в Костроме. Через несколько дней из Костромы пришло письмо от директрисы частной музыкальной школы В.С. Сумароковой, которая предложила Н.Ю. Зубовой выступить в ее концерте 20 апреля, на что, конечно, получила согласие скрипачки [3]. К сожалению, программа концерта осталась неизвестной [3].

Благотворительный концерт в Вологде. В конце апреля Нина Юльевна вернулась в Вологду и 9 мая участвовала в благотворительном концерте в зале Дворянского Собрания в пользу пострадавших от неурожая. Во 2-ом отделении она сыграла «Романс» Нашэ и на *bis* «Мазурку № 1» Венявского и «Romance» Simonetti, а также «Le sygne» («Лебедь») Сен-Санса [14]. По воспоминаниям дяди Михаила Михайловича, «в 1899 году Нина *концертировала с большим успехом*» [3].

Лето Нина Юльевна провела в Кузнецово, где много занималась на скрипке и музиковала вместе с братом Михаилом. **3 августа** они дали совместный *домашний музыкальный концерт*. В программе было два отделения. На фортепьяно в 4 руки они исполнили «Испанское Капричио» Римского-Корсакова и музыкальную картину «В Средней Азии» Бородина. Михаил Юльевич сыграл «Жаворонок» Балакирева и «Риголетто» Листа. А Нина Юльевна исполнила: «Восточную мелодию» Кюи, «Fantasia-Appassionata» Вьетана, «Легенду» Венявского, «Бесконечное движение» Риеса и «Колыбельную песню» Годара. Думается, что родные получили большое удовольствие от этого концерта [1].

Снова в Ярославль Нина Юльевна поехала в последних числах августа, чтобы *выяснить* у Н.Н. Алмазова, *есть ли* у нее *перспектива преподавать* в его школе скрипку. На вокзале в Вологде встретилась с Верой и Ритой Степановскими и Сережей Волконским. Все были очень рады видеть друг друга, а с Сережей Нина даже расцеловалась, такой у него был грустный вид. (Вера ехала в Петербург, а Рита и Сережа провожали ее.) В Ярославле, где была пересадка, Вера довезла Нину на извозчике до казарм, у подъезда которых ее уже ждал дядя Сережа Крейтер. Н.Н. Алмазов сообщил Н.Ю. Зубовой, что у него пока только 5 учеников, но он надеется дотянуть их число до 10-ти. Договорились встретиться с учениками в школе и всё обсудить. Оказалось, что вместо обещанных весной 12-15 учеников теперь *более 5 учеников не набиралось*, т. е. *заработок* составил бы *20 рублей в месяц* вместо возможных 48-ми. Нина Юльевна написала в Кострому В.С. Сумароковой, и та сейчас же прислала ей телеграмму, что она *будет очень счастлива взять Н.Ю. Зубову в свою школу*. Поскольку Н.Н. Алмазов

ПРОГРАММА.

Музыкального вечера, 3го Августа 1899 года.

Отделение I^{ое}.

- I) Римский-Корсаковъ - испанское капричо.
исп. Вчр. Н. и М. Зубовыхъ.
- II) Гардина - Въ средней Азии. Муз. карт.
исп. Вчр. Н. и М.
- III) Кюк - Честная мелодия для скрипки.
исп. Н. З.
- IV) Балакиревъ - Жаворонокъ.
исп. М. З.

Отделение II^{ое}.

- I) Рыбакъ - Фантазия - исп. Н. З.
- II) Венявскій - Легенда - исп. Н. З.
- III) Листъ - Риголетто. - исп. М. З.
- IV) Рисъ - Бэжоне - седвижение..
- V) Годаръ - Колыбельная пѣсня.
исп. Н. З.

КУЗНЕЦОВЪ.

Программа музыкального вечера в Кузнецово.
(МЗ - Михаил Юльевич Зубов, НЗ - Нина Юльевна Зубова)
(из семейного архива автора)

не выполнил свои обещания и условия, Нина Юльевна сочла в праве отказаться от службы у него [3].

15 сентября 1899 года Н.Ю. Зубова *приехала в Кострому* прямо на квартиру к Варваре Сергеевне Сумароковой, чтобы *преподавать* игру на скрипке *в ее частной музыкальной школе*. Будущая ученица Н.Ю. Зубовой Александровская писала о жизни в городе: «Скука в Костроме страшная, один единственный бульвар, и я ненавижу туда ходить, а больше никаких развлечений. Да, на циклодроме устраиваются какие-то гуляния и любительские спектакли, но это тоже все так плохо устроено, что и ходить не стоит» [13]. Но даже в такой обстановке преданность своему делу и общение с интересными людьми должны были помочь Нине Юльевне жить достойно.

В первый 1899-1900 учебный год в скрипичный класс **Н.Ю. Зубовой Музыкальной школы В.С. Сумароковой** записалось **10 учеников**, из которых две барышни. Через несколько дней Нина Юльевна нашла себе квартиру. Варвара Сергеевна все дни бегала вместе с ней в этих поисках. Хозяйка квартиры – почтенная и аккуратная старушка, оказалась учительницей танцев, которая преподавала в двух гимназиях и дома, так что с 4-х до 9-ти вечера играть на скрипке было нельзя. Обед в 3 часа, ужин в 9-ть, за полный пансион 20 рублей в месяц [3].

В Музыкальной школе В.С. Сумароковой «четыре преподавательницы и один преподаватель, - писала Нина Юльевна. Все собираются в одной общей комнате-столовой, где в ожидании учеников пьют чай, кофе и болтают. Варвара Сергеевна «ужасно добрая, ласковая..., просто прелесть! Ей 35 лет; у нее лично 31 ученик, так что она целый день занята. Все чувствуют себя у нее как дома. Самовар не сходит со стола. Многие приходят по два раза в день». Нина Юльевна тоже несколько раз в неделю приходила в школу по два раза в день, но «ходьбы от дома (было) всего 3-4 минуты» [3].

На 15 октября, в честь открытия сезона Костромского общества любителей музыкального и драматического искусства, в просторечии «Кружска», был намечен гала-концерт, на котором Н.Ю. Зубова должна была играть solo. Всего таких концертов в сезон несколько, и за участие в них обещали 50 рублей. Нина Юльевна вставала в 8 утра и старалась до 12-ти часов, когда пили кофе, два часа поиграть. Между уроками она читала, писала письма и надеялась, что когда будут легкие дни, она сможет играть и третий час. В связи с предстоящими концертами, пришлось шить новое платье, так что зарплату уже нужно было попросить вперед; Варвара Сергеевна обещала дать. А «в будущем, - писала Нина Юльевна домой, - материальное благосостояние будет хорошо, если все 10 учеников не сбегут. Есть надежда, что этого не случиться». Две барышни «хотят поступить в консерваторию и занимаются очень прилежно. Есть два способных мальчика 11-ти лет, гимназисты, а двое есть таких тупиц, что досадно, зачем они тратят время на музыку? Ученик Введенский 17-18-ти лет довольно толковый, и рука гибкая. Сегодня пришел 10-ый ученик-гимназист 7-го или 8-го класса, совсем не умеет играть; возможно, ему учиться поздно» [3].

В конце сентября в Костроме состоялось *выступление Гамовецкой* с участием певицы Бернер и пианистки Кусковой, которые были выписаны вице-губернатором для концерта в пользу Дома трудолюбия». Гамовецкая привела Н.Ю. Зубову «в полный восторг. Она за два года так усовершенствовалась, что узнать нельзя. Например, «Moto perpetuum» Риеса она играла... гораздо изящнее и музыкальнее. У нее только мало силы и чувства, но зато каждая нота, как бриллиант. Поэтому она играет почти все технические вещи. Сама она постарела, но зато игра – дай Бог, мне так играть через 10 лет!» Тем не менее, «сбор был очень небольшой, так что Дом трудолюбия, вероятно, ничего не получил, а 300 рублей трем артисткам пришлось вынуть губернатору из собственного кармана» [3].

В конце октября в Костроме *Зилотти слушал учеников*. Как писала Нина Юльевна, «у него римский профиль, очень симпатичное умное лицо и прелестные руки – огромные, жилистые, пальцы длинные – настоящие музыкальные руки. Я влюбилась в его руки и римский профиль. В столовой был сервирован стол, фрукты, вино и пр., но он ни до чего не дотронулся, а рассуждал с Варварой Сергеевной о способе преподавания, а мы сидели и внимали с благоговением. Он говорил очень умно». Творческая и теплая семейная обстановка в школе В.С.Сумароковой очень нравились. А когда Н.Ю. Зубова упала с 5-ти ступенек и растянула ногу, то Варвара Сергеевна перевезла ее к себе домой, организовала ее подъем по лестнице на

Варвара Сергеевна Сумарокова – пианистка,
организатор и директор частной Музыкальной
школы и инициатор публичных концертов в Костроме.
(Фото из семейного архива автора. На обороте надпись:
«Дорогой Нине Юльевне. 22 марта 1902 года»).

стуле и уложила в постель. Нина Юльевна и лежала, и скакала на здоровой ноге, и уроки продолжала давать. Лечение, уход и заботливое отношение Варвары Сергеевны пошли ей на пользу, она поправилась, и переезжать в свою комнату ей было очень жаль [3].

22 ноября в *Дворянском собрании* состоялся *первый ученический музыкальный вечер*. Народу собралось человек 300, т. к. билеты раздавались бесплатно родным и знакомым учеников. Нина Юльевна представила 6 своих питомцев, из них двух барышень. Они исполнили «Польку», «Air Varié», «Баркаролу» и «Мазурку» Данкля, «Вариации» Мейзедера, «Erinnerung» Давида и «Мазурку» Глейха [14]. Все *прошло удачно*, о чем Нина Юльевна сразу же написала мамочке. Варвара Сергеевна тоже послала Софье Петровне письмо, в котором сообщила, что *ученики Нины Юльевны «были лучшие других»* [3].

А 8 декабря состоялось «I-ое Исполнительское собрание Костромского Общества любителей музыкального и драматического искусства». С дозволения начальства, в зале *Дворянского собрания* был дан музыкальный вечер. В I-ом отделении *трио для фортепиано, скрипки и гармониума* «Le déluge» («Поток») Сен-Санса было исполнено Н.Ю. Зубовой, О.А. Герке и А.С. Чижевским. Потом Нина Юльевна сыграла solo «Полонез» Венявского и на bis «Romance» Simonetti. Певица А.П. Чубинская-Чалеева спела арию из оперы Гуно «Царица Савская». Во II-ом отделении прозвучали: «Фантазия-экспромт» для ф-но Шопена, «Ноктюрн» Кюи для скрипки в исполнении Н.Ю. Зубовой и романсы певицы «Молись» Вилламова с аккомпанементом скрипки Нины Юльевны. На bis она играла две вещи Шуберта [14]. Так что концерт прошел вполне успешно, и дома в Кузнецово и Вологде все были этому очень рады.

20 декабря был *благотворительный концерт в пользу недостаточных гимназисток*. На нем Н.Ю. Зубова играла «Легенду» Венявского. После концерта состоялось заседание Костромского Общества любителей музыкального и драматического искусств («Кружка»), на котором выбирали директора драматического отдела. Оказалось, что Нина Юльевна тоже является членом Общества, т. к. уже несколько раз выступала в организованных им концертах; «надо только заплатить 3 рубля». 22 декабря прошел *еще один ученический вечер* в музыкальной школе В.С. Сумароковой, и Нина Юльевна опять представляла своих учеников, за которых «очень боялась». Любимые занятия французским языком она тоже не бросала [3].

Рождество 1900 года Нина Юльевна провела в Вологде. 4 января нового 1900 года в зале *Дворянского собрания* состоялся *благотворительный концерт в пользу недостаточных студентов-вологжан*. В программе были выступления хора, пианистов, певцов, чтецов и solo на скрипке Н.Ю. Зубовой. Нина Юльевна играла «Полонез» Венявского и на bis «Колыбельную песню» Чайковского [14].

В Ярославле, проездом из Вологды в Кострому, Нина Юльевна *навестила Степановских и Крейтеров* и 11 января вернулась в Кострому. Квартиру нашла быстро, в 10 минутах ходьбы от школы, но дороже, т. к. 2 комнаты без мебели сдали за 12 рублей и 10 рублей за обед. Зато квартира была теплая и сухая. Все знакомые Нины Юльевны – Варвара Сергеевна, Чижевские, Усольцева и Бошняк – дали ей кое-что из мебели, «но, все же многое надо (было) купить: например, лампу, умывальник и т. д.». А туалетный столик Нина Юльевна обтянула японским ситцем. «Вот бы костюм из него!», – написала она домой [3]. На именины Варвара Сергеевна подарила Нине Юльевне ноты и цепочку для пенсне, «такая добрая». А на следующий день ее повезли в гости, в имение Анны Бошняк (1,5 часа по железной дороге и 1 час на лошадях), где ее сестра учит детишек в сельской школе. Там еще стояла елка для ребят, и было очень весело. Зашли в церковь и поприсутствовали на крестьянской свадьбе [3].

14-го февраля, состоялся *музыкальный вечер в школе*. Из 22 *выступлений учащихся* разных классов пять принадлежали ученикам Н.Ю. Зубовой: Полканов исполнил «Интродукцию и рондо» Данкля, Федоров «Petit air de ballet» тоже Данкля, Рассадин «Faustfantasie» Singelee, Победимский – 1-ую часть концерта a-moll Роде и Александровская «Air varie» Берии [11]. Нина Юльевна осталась довольна: «Мои маленькие ученики сыграли очень мило. Александровская – хорошо, а Победимский – плохо; ну, в первый раз ничего, а потом надо будет показать его с блеском» [14].

Нина Юльевна писала маме, что 16-го февраля будет «играть в концерте в Костроме в пользу реалистов» и просила помолиться за нее. «По всей вероятности, народу будет тьма, и

будет трудно играть в духоте...». Софья Петровна тут же ответила, что в этот день пойдет в церковь и отслужит молебен. Заодно, сообщила, что «приезжала мадам звать тебя играть в концерте в пользу колоний малолетних преступников», согласился играть и брат Миша. О концерте 16-го февраля Нина Юльевна написала маме: «Концерт *сошел благополучно*. Знаю..., что (*играла*) *чисто*, потому что это певучая вещь без пассажей, но пальцы тряслись, и я боялась, но не слишком. Мягков сказал, что я *сыграла хорошо*» [3].

Одна ученица-пианистка школы стала брать у Нины Юльевны уроки игры на скрипке, и та предложила ей, *вместо платы*, аккомпанировать ей раз в неделю. «Первые разы она совсем терялась..., а уже вчера *аккомпанировала* очень мило *«Фауста*» и несколько маленьких вещиц. Фамилия ее *Герке*, ей 18 лет, очень симпатичная. Она одна из лучших учениц школы по фортепьяно» [3].

В ответ на мамин вопрос: «Что твои отношения с Варварой Сергеевной, прежние ли?» Нина Юльевна ответила в письме: «С Варварой Сергеевной отношения очень хорошие. Это такой Ангел. Она часто, катаясь по вечерам, берет меня с собой. Иногда, когда нас трое (с другой учительницей), я сажусь на козлы и правлю. На масленице Варвара Сергеевна хотела дать мне лошадь и беговые санки покататься, но в пятницу умерла мадам Эсаурова, и Вера Сергеевна все время была в хлопотах, и лошадь была занята» [3].

7 марта в Костроме состоялся *концерт пианиста Гофмана*, который делал турне по России. Нина Юльевна писала домой: «Я до сих пор не могу опомниться от впечатления, не могу даже описать Вам, потому что не нахожу слов. Даже сонная костромская публика сошла с ума. Покупали его карточки, и он подписывал их на память. Мне тоже подписал. Когда я слышала Рубинштейна, то, хотя я тогда еще плохо понимала музыку, помню, что заливалась слезами, не умея разобраться в впечатлении. И никто, после Рубинштейна, не производил на меня такого впечатления, как Гофман. Его возит отец, и намечено 56 городов, где он должен играть. Вид у него страшно утомленный, потому что все время в дороге, а вечером играет. Мы с Варварой Сергеевной ездили его встречать утром на вокзал, Варвара Сергеевна звала его обедать, но он сказал, что целый день будет спать, потому что он очень утомлен дорогой» [3].

Как-то Нина Юльевна ездила с Варварой Сергеевной *в усадьбу Лунёво*, что в 25 верстах от Костромы на берегу Волги. Усадьба эта жены брата, но 60 десятин у Варвары Сергеевны. Нине Юльевне «очень понравилась и усадьба, и домик Варвары Сергеевны, а большой дом... красивее кузнецового», кроме террасы, которая в Кузнецово «в тысячу раз лучше» [3].

В марте состоялся еще один *концерт*, сбор от которого «был в пользу участников». Поскольку, кроме **Н.Ю. Зубовой и А.С. Чижевского**, «остальные исполнители были приглашены за определенную сумму», то этим двоим досталось только по 10 рублей. Причем, А.С. Чижевский «свою половину отдал для ученицы Смирновой, певицы, которой в будущем году надо будет ехать учиться в Петербург, а средств нет. Она уже показывалась в Петербурге, и ей сказали, что осталось только два года учиться, чтобы поступить на сцену. Мы, - писала Нина Юльевна, - даже хотели в ее пользу устроить концерт, чтобы ей обеспечить существование в Петербурге хоть на два месяца» [3].

30 марта прошел *ученический вечер*, на котором ученики Нины Юльевны исполняли уже другие произведения: «Мелодию» Рейнеке, «Адажио» и «Финал» 7-го и 8-го концертов Роде, «Анданте» 7-го концерта Берио и даже «Дуэт» Аляра [14]. При школе образовался *класс хорового пения*, и **Нина Юльевна стала его вести** [3].

Н.Ю. Зубова描写了另一件科斯特罗姆事件: «Прошлое воскресенье весь наш учебный персонал был приглашен в женскую гимназию на музыкальный экзамен. Торжественная обстановка, впереди – начальница, директор, предводитель и мы. Дальше и с боков вся гимназия, а исполнение отчаянное, хуже не может быть. Например, исполняли две воспитанницы мелодию Рубинштейна. Те из нас, которые знали эту мелодию, с трудом находили какие-то обрывки, а те, кто с ней не знаком, то ничего не могли найти, кроме одного аккомпанемента» [3].

А вот *экзамен учеников* Н.Ю. Зубовой 6-го мая – посеребреней, чем в гимназии! Софья Петровна не сомневалась, что экзамены пройдут благополучно, т. к. ученики музыкальной школы В.С. Сумароковой привыкли играть на публике. Думается, что **В.Победимский** хорошо сдал свой экзамен по скрипке. Вот фрагмент сохранившегося его письма к **Нине Юльевне**

J. Mieczkowsk

VARSOVIE

Дорогой Нине Юльевне на добрую память
с наилучшими пожеланиями всех благ в мире.
От любящей ее всей душой

О. Герке

10 мая 1900 г.

С.П.Федотовъ

Кострома.

Ученики Н.Ю. Зубовой по классу скрипки
в музыкальной школе В.С. Сумароковой в Костроме.
Слева: В. Победимский в марте 1900 г.
(Фото из семейного архива автора)

Г.П.Курякинъ

КОСТРОМА
Русина улица

1900 года, который свидетельствует о его музыкальности и зрелости: «Пишу Вам *об Ауэр*, которого я на днях слышал. О впечатлении, какое его игра произвела на меня, ...нельзя выразить словами, так оно было хорошо. Но что-то есть знакомое в его игре, как будто я нечто такое уже слышал, слышал ту неподражаемую и легкую его трель, блестящее спиккато; ...говорю правду, что *Ваша игра* и все, что я видел в Вашей игре – *отражение Вашего великого учителя*. Счастлив тот человек, который у него учился... Счастливы Вы, но *счастлив и я, учившийся*, хотя немного, у *Vас*. Спасибо Вам за советы, спасибо за терпение и снисходительность к слабостям в моей игре... Но я не могу понять, как делается *трель, как делает Ауэр, так и Вы*, так это хорошо и, главное, легко, ровно и отчетливо. ...я не нахожу *лучше Ауэра* еще *никого*, да в России и *нет*. И какой он симпатичный! ... Ваш благодарный Вам ученик В.П.» [10].

Нина Юльевна писала маме: «После экзамена Варвара Сергеевна зовет к себе в Лунёво на два дня. Мы поедем по Волге на большой лодке, на которой повезут рояль. Езды на веслах 5 часов вниз по течению. Обратно поедем на пароходе. Очень хочется прокатиться таким необыкновенным способом. С нами поедет самовар, и мы будем распивать чай на воде». Софья Петровна ответила: «Я очень рада за тебя, что проведешь приятно два дня, но помни, что теперь страшный холод, особенно на воде, ...побереги себя! Мама сообщила, что «9, 10 и 11 мая папочка будет в Ярославле на торжестве Волкова и зайдет к Степановским», чтобы увидеть Нину и ехать с ней в Вологду. Поэтому «в Ярославле прошу тебя непременно остановиться у Степановских, наших давнишних друзей» [3].

Лето 1900 года Нина Юльевна провела в *Кузнецово* с родителями, братьями и сестрами. Перед отъездом в Кострому навестила в Вологде тетю Евлалию Алексеевну, «барышню» Александру Николаевну Зубову (остальные «барышни» из «Погореловской» ветви в имении Жегалиха), тетю Елизавету Петровну Величковскую и жену Юлика Сашу Волоцкую. Приехали в Вологду: дядя Миша (боится быть без доктора в Заломаихе), сестра Лиза с сыном Митей, а проездом в Петербург - Мишико (сын Николая Михайловича Миша). Заходили Лукины и Шура Писарева. На вокзале Нину провожали Лиза, Петя и Саша Волоцкая. Петя «был очень мил; он и о билете, и о багаже, и о носильщиках заботился», а Нина сидела, «как барыня». В Ярославле она повидалась со Степановскими; как всегда, они тоже были очень милы. В Кострому Нина Юльевна приехала 2-го сентября [3].

Второй 1900-1901 учебный год в Костроме начался уже на следующий день с урока новому ученику Сырцову. Всего набралось 9 человек, но за одного мальчика заплатят двойную цену, т. к. он вдвое больше будет заниматься. Итого должно было получиться 54 рубля в месяц. Комната с полным пансионом за 25 рублей нашлась у семьи Исаковых. Муж-бухгалтер в Управе, жена и трое детей очень симпатичные. Варвара Сергеевна уже успела свозить Нину Юльевну к себе в имение, затем повела ее *на открытие в театр* на пьесу «Казань» Ге, и решила удерживать из ее заработка по 10 рублей в месяц, чтобы накопить ей для поездки в Москву, где целую неделю можно было бы слушать оперы. Нина Юльевна давно мечтала об этом и знала, что, например, Шура Писарева могла бы заранее купить ей билеты [3].

12 сентября в зале Дворянского собрания состоялся **концерт**, сбор с которого поступил в пользу ученицы Музыкальной школы *Е.В. Смирновой для окончания ее музыкального образования*. Участвующие: Н.Ю. Зубова, Л.Д. Славочинская, Е.В. Смирнова, В.А. Скворцов и господин Фурман. Программа состояла из 2-х отделений: выступлений самой Е.В.Смирновой, которая исполнила «Письмо Татьяны» из оперы Чайковского «Евгений Онегин», «Романс» из оперы «Миньон» Тома и спела дуэтом с Л.Д. Славочинской «Тучу» Рубинштейна; solo для рояля В.А. Скворцова; solo для виолончели Фурмана и выступления скрипачки Н.Ю.Зубовой. Нина Юльевна выбрала «Романс» *Наши* и «Saltarella» Вьетана. «По окончании концерта – танцы» [14]. К сожалению, отзывов об этом концерте не сохранилось.

Нина Юльевна занималась каждый день, играя по утрам: учила «Полонез» Лауба и Четвертый концерт Вьетана. Ученики ее стали «немножко лучше», в конце октября поступило еще две: один начинающий, а один продвинутый гимназист 7-го класса [3].

8 октября в Костроме состоялся **концерт вокалистки Фострели**. «Она мне ужасно понравилась - писала Нина Юльевна. (Ей) делали овации и заставили два раза спеть на *bis*» [3].

А в Москву Нина Юльевна хотела бы съездить и раньше, т. к. на **9 ноября** там был назначен **концерт Л. Ауэра**, но «Волга не пропускает» (т. е. не замерзла), - писала она [3].

Тем не менее, письмо в Вологду от 9 ноября пришло от Нины Юльевны уже из Москвы. Приехала она с утра, остановилась у сестры Лизы, целый день с Шурой Писаревой бегала, чтобы запастись билетами на несколько дней, и, главное, **попала на концерт Л. Ауэра**. Домой написала: «У меня каждая жилка тряслась от восторга. Игра его нисколько не изменилась. (Она не слышала своего учителя целых 3 года.) Я хотела пробраться в артистическую, но здесь такие драконовские строгости – меня не пустили. Я *поймала Ауэра в сенях*, высказала ему свою благодарность. Он спросил меня, почему я «не показалась», т. е. не пришла в артистическую? Я сказала, что меня не пустили. *Мы с ним поцеловались. Я на двадцатом небе!*» [3].

В Москве Нина Юльевна каждый день была в *театре*. В пятницу видела «Смерть Иоанна Грозного» в Художественном; в субботу была на *симфоническом концерте*; в воскресенье днем слушала «Кавказского пленника» Кюи, а вечером «Сказку о царе Салтане» Н.А. Римского-Корсакова; в понедельник была на спектакле «Накипь» в Малом театре; во вторник – в опере на «Садко» Н.А. Римского-Корсакова и в среду на «Демоне», откуда с сестрой Лизой поехала прямо на вокзал, куда привезли ее вещи. В Москве Нине Юльевне удалось привести в порядок свою скрипку, купить струны, нанести визит некоторым знакомым и даже побывать в Сандуновских банях, где они с Лизой поплавали в бассейне [3].

В Ярославле Нина Юльевна очень долго пробыла у Степановских; они были, как всегда, милы и ласковы и много расспрашивали о Зубовых [3].

В Костроме Нина Юльевна опять побывала в *театре*, т. к. приезжал на гастроли интересный артист Орленев. Он играл свою коронную роль царя Федора в одноименной драме Алексея Толстого и Раскольникова в пьесе «Преступление и наказание» по Достоевскому, просто великолепно. А через неделю, 22 ноября, состоялся *музыкальный вечер учащихся школы*, в котором из 24-х номеров шесть принадлежали ученикам класса Н.Ю. Зубовой. «Вальс» Гофмана исполнил Холшевников, «Un vieil amateur» Леонара Федоров, «Мазурку» Данкля Соколов, Баркаролу Вьетана Кессель, «Вариации № 6» Берио Александровская. Она же аккомпанировала на скрипке исполнению певицей Давыдовой романса «Ива» Конюса [14].

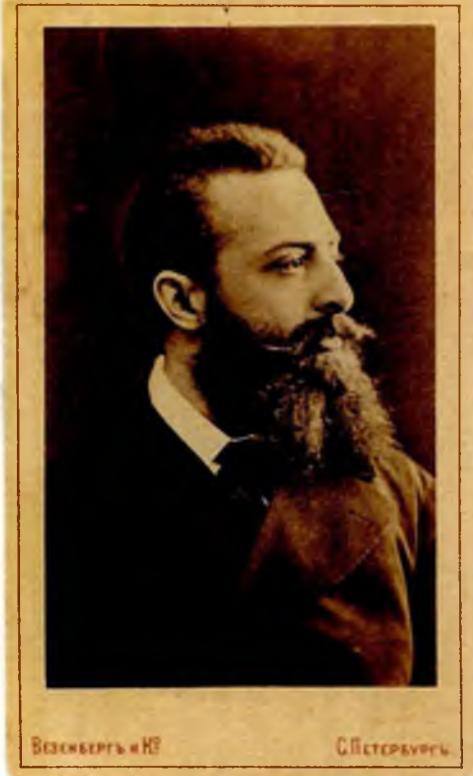
Буквально через три дня дядя Миша, который очень любил свою племянницу-скрипачку Нину, написал ей в письме: «Как жаль, что ты слаба нервами (и это непреодолимо) и не можешь спокойно играть перед публикой, а то бы ты, конечно, не сидела в Костроме. *У тебя на скрипке такой тон, какой редко у кого бывает*, и ты бы могла быть знаменитостью, но против природы не пойдешь... Техника нынче у многих есть, но тона, увы!» [3].

На именины Варвары Сергеевны Нина Юльевна, вместе с другой учительницей Орловой, решили сделать ей подарок и купили умывальник из серого мрамора за 18 рублей. Им обеим давно хотелось как-то отблагодарить ее за все то доброе, что она постоянно делала для них. А день рождения Нины Юльевны родные отмечали в Кузнецово и пили за ее здоровье. В этот день туда приехали брат Петя и «свояк» Романовский из Кадникова. Свояк потому, что Нина Юльевна была заочно записана как крестная мать его сына Володи [3].

В 20-ых числах декабря в школе должен был состояться еще один *ученический вечер-концерт*, платный, в пользу фонда для покупки рояля, на который нужно не менее 1000 рублей. Так что собирать придется, наверное, несколько лет, хотя играть будут только лучшие ученики и ученицы и только 10 номеров [3].

В конце декабря Нина Юльевна посмотрела в *театре* пьесу «Потонувший колокол», специально для того, чтобы сравнить этот спектакль с поставленным спектаклем в построенном и созданном отцом театре в Кадниково. Она писала домой: «Скажу, что декорации и вся обстановочная часть были у нас в Кадниково много, много лучше (их делал брат Петя), а игра здесь тоже была не лучше, если даже немного хуже. Водяной и ведьма были не лучше Романовских, а Леший был не Леший, а человек, одетый в коричневое трико с черными тряпками. Комов (в Кадниково), конечно, был очень плох, но все-таки более был Леший, чем здешний актер» [3].

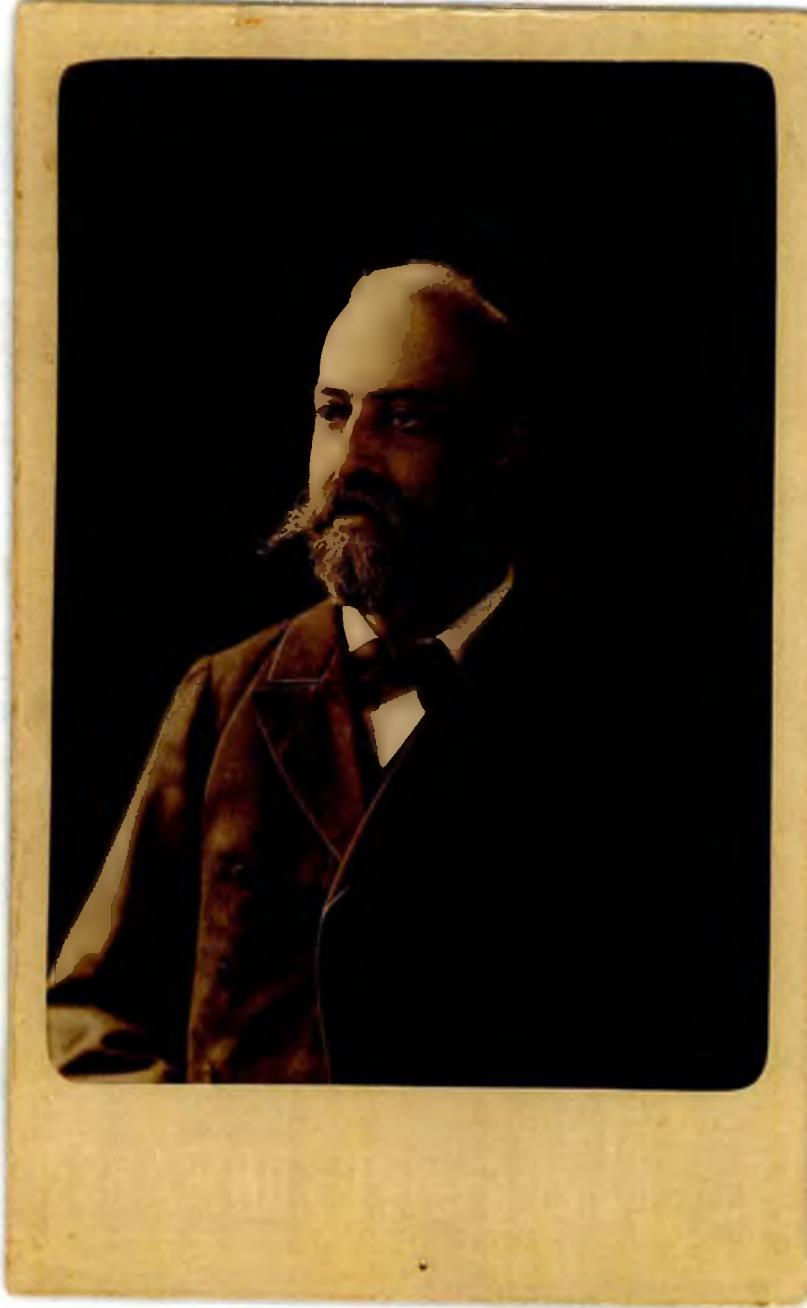
Рождество Н.Ю. Зубова, конечно, провела с родными в *Вологде*. **Новый 1901-ый год праздновали особенно торжественно**. В честь наступления XX века сестры Зубовы

Вознебергъ и К°

Санктпургъ

Леопольд (Семенович) Ауэр –
скрипач-виртуоз и любимый
учитель Нины Юльевны Зубовой
(Фото из семейного архива автора)

Сестры Зубовы в новогодних костюмах,
в связи с наступлением нового ХХ века.

Слева направо: сидят - Нина в японском, Мария в украинском;
стоят – «белоруска» Ольга, «казачок» Ларисса,
«боярышня» Елизавета, «барышня» Любовь.
(Фото из семейного архива автора)

просила дочь написать, что нужно еще разучивать. Нина ответила: «Дорогая мамочка, играйте «Фауста», вальс «Capriccio», «Легенду» и «Souvenir de Moscou» Венявского, «Zigeuntrweisen» (Цыганские напевы) Сарасате и «Elpentanz» Петнера» [3].

9 февраля состоялся благотворительный концерт в 3-х отделениях *в пользу недостаточных учеников Костромского реального училища, оканчивающих курс, и недостаточных учащихся других классов*. После гимна «Боже, Царя храни» на музыку А.Ф.Львова, выступали: хор, исполнивший «Туманы» Вильбоа, отрывки из опер «Псковитянка» Римского-Корсакова, «Рогдана» Даргомыжского и «Руслан и Людмила» Глинки; пианист Б.А.Федоров с «Лорелей» Листа; певец В.А. Кочуров с арией из оперы Чайковского «Иоланта», «Серенадой» из оперы «Дон Жуан» Направника и романсом Ипполитова-Иванова «Тянутся серые сумерки»; вокалистка О.Р. Порубиновская, спевшая «Стансы Сафо» Гуно, «Письмо Татьяны» из оперы Чайковского «Евгений Онегин» и «Дуэт» Камиана с В.А. Кочуровым. **Н.Ю. Зубова играла во 2-ом отделении «Fantasia-Appassionata» Вьетана [14] и на bis «Canzonetta» из Скрипичного концерта Чайковского и «Obertase» (Мазурку) Венявского. Все сошло хорошо** [3].

На масленицу Нина Юльевна «была с Варварой Сергеевной у Усольцевой на блинах..., а вечером у **Федоровых играла на скрипке**». О. Герке катала ее на крестьянской лошади, так что «удовольствия не было, потому что ездили почти шагом» [3].

20 февраля, заранее предупредив Нину Юльевну письмом, к ней *в Кострому приезжал дальний родственник и друг Сергей Волконский*, т. к. он ехал служить в Варшаву. Из Вологды от Оли последовал вопрос: «Что ты нам не писала о том, как у тебя был Сережа?» Нина ответила: «Сережа Волконский приезжал ко мне проститься, он был очень мил. Я познакомила его с Варварой Сергеевной, которая ему очень понравилась. Она, конечно, шутит теперь, что ко мне приезжают друзья детства, и она этого очень опасается» [3].

23 февраля в помещении Музыкальной школы В.С. Сумароковой прошел квартетный вечер. В 1-ом отделении программы был Квартет Шуберта, в котором Зубова играла 1-ую скрипку, Смирнов 2-ую, Сахаров – альт и Фурман – виолончель. Во 2-ом отделении прозвучали: *Соната для скрипки и фортепьяно Грига в исполнении Н.Ю. Зубовой* и А.С.Чижевского; «Ave Maria» Симона для пения, гармониума, скрипки и фортепьяно (исп. Смирнова, Чижевский, Зубова и Шипов) и, наконец, Увертюра к «Фингаловой пещере» Мендельсона, сыгранная всеми музыкантами [14]. Нина Юльевна написала домой: «**Наш концерт сошел хорошо**, и в материальном отношении тоже недурно, я получила 10 рублей. Мы выписывали из Ярославля виолончелиста за 25 р. и здесь за 10-ть. Взяли двух скрипачей для квартета. Всех расходов было на 60 р., хотя делали в зале Музыкальной школы. Возня была страшная. Пять дней подряд перед концертом сыгрывались, и Варвара Сергеевна кормила всех ужином. Она из своего кармана, я думаю, истратила рублей 20. Я настаивала, чтобы прибыль с концерта пошла в фонд покупки рояля, но она ни за что не хотела и, таким образом, мне пришлось взять 10 р. А Чижевский свою долю не взял, говоря, что он не профессиональный музыкант, а любитель, так что его жена посоветовала отдать деньги ученице Смирновой, которая участвовала у нас (и получила, кроме того, за участие). **Варвара Сергеевна просто удивительный человек**, я перед ней преклоняюсь, и считаю себя в неотложном долгу перед ней. На этом концерте мы чествовали Шипова (здесь пианист, хороший любитель), поднесли ему адрес и ноты – «Исторические концерты Рубинштейна» в роскошном переплете 7 томов» [3].

4 марта, видимо, под впечатлением успеха последнего концерта и рекомендаций дяди Михаила Михайловича Нина Юльевна предложила пианистке В.К. Миллер-Хорошевской дать концерт в Рыбинске, но ее отговорили, что сбора не будет, и она отказалась. «В Архангельск, - писала Нина Юльевна, - хорошо бы съездить, и в Соловки, с Вами, дорогая мамочка, и с Мишой. Надо бы мне накопить денег на эту поездку, не знаю, смогу ли, потому что осталось всего за два месяца получить за уроки». Юлий Михайлович советовал съездить на гастроли в Болгарию, откуда Нине Юльевне пришло поздравление на языке «Эсперанто». «Конечно, не теперь, - писал он, - а уже после Кадникова. Миша взял было у меня театр для вашего концерта на 20 июня, но потом говорил какое-то другое число. Театр мой, понятно, всегда к вашим услугам, и публика наша, конечно, примет вас не так, как бедных двух певичек в Великий пост» [3].

После Пасхи в Костромском театре опять выступал Орленев. Нина Юльевна посмотрела два спектакля: «Михаил Крамер» Гауптмана и «Орленок» Ростана. «Орленок», - писала она, - скука, и даже Орленев был неважен, а в «Крамере» он играл дивно. Мне всегда хочется плакать после его игры. Он уехал, а приехала оперная труппа. Вчера были на «Жизни за Царя». Тенор и сопрано – очень хороши, а остальные никуда не годны. Бас – ничего особенного, но приличен. Сегодня идем на «Фауста» и в воскресенье на «Русалку». Мне бы лучше вместо театра послать эти деньги Мише, но не могла утерпеть, и так, здесь ничего не слышишь. «Фауст» сошел чудо как хорошо, т. е. Маргарита и Фауст были хороши, хор был отвратительный. Мы прозвали его «квакушки». Тенор оказался знакомым Чижевских, и был позван после спектакля в школу ужинать. С ним был баритон Балок. Они оба спели по романсу... 1 мая приедет Долина и Гамовецкий. Программа интересная. Цены местам умопомрачительные. Вообще, вся школа прокутилась в пух и прах с оперой и Орленевым», - констатировала Нина Юльевна [3].

На последний месяц перед летом Нина Юльевна переехала к Варваре Сергеевне в школу. Приближалась пора экзаменов, занятия с учениками теперь были усиленными. Экзамен по классу Н.Ю. Зубовой должен был состояться 6-го мая. [3].

Желание Нины Юльевны *съездить летом в Архангельск и дать там концерт* стало постепенно реализовываться. Устроитель концертов написал, что «он числа 15-го уедет на все лето, но что зал Коммерческого собрания сдают, беря на себя печатание афиш, освещение, прислугу, раздачу билетов и пр. и за это берут 1/3 сбора. Если же сбор слишком мал, то и ничего не берут». Нина Юльевна решила на этих условиях дать концерт – «меньше риску». Она написала этому господину, прося сообщить адрес того лица, который заведует залом. Тот ответил, что «на концерт лиц с неизвестными фамилиями идут мало», но Нина Юльевна решила все-таки рискнуть [3].

5 июня письмо от Нины и Миши в Кузнецово пришло уже из Тотьмы. Видимо, они решили плыть в Архангельск на пароходе. Пришла телеграмма: «Печатать ли афиши на 12 июня, т. к. 10-го последний концерт Славянского?» Нина Юльевна телеграфировала, чтобы печатали, потому что *в Тотьме концерт не получится* – многие уже разъехались. *Решили* сделать еще одну попытку – *дать концерт в Великом Устюге*, и эта попытка увенчалась успехом. Пробыли там два дня. Организовать все помогла некто Ольга Герасимовна, жена одного вологодского знакомого, которая бегала с Ниной Юльевной в поисках устроителя, которого «словили на улице». Потом бегали и в клуб, и в магазин, чтобы поручить продажу билетов, потом писали афиши и билеты. Одним словом, измучились ужасно... В 9 часов вечера стали расклеивать афиши и, наконец, «дали концерт. Чистого сбору 22 рубля, а всего было 37 р. Если же вычесть 15 рублей, что я истратила на печатание афиш, билетов и марки и еще остановку в Устюге, то мы все-таки не вполне окупили расходы». Тем не менее, «*публика была очень довольна*, много хлопали, говорили, что не знают, кто лучше я, или Миша. Одна дама душила меня в объятьях. В антракте одна дама и студент просили задержать антракт, чтобы привести своих – сына и знакомого. Так что хотя было мало публики, но она нас очень *хорошо принимала*». Утром Нину Юльевну и Мишу проводили на пароход. «Пишу Вам скверно, потому что качает, - сообщала Нина домой. Сижу в 2-местной каюте 2-го класса, которая стоит 9 рублей до Архангельска» [3].

Судить о концерте Нины Юльевны и Миши Зубовых в Архангельске можно по сохранившейся афише: «Городъ Архангельскъ. С дозволения начальства. Во вторникъ, 12 июня 1901 г., в Коммерческомъ собраний, иметь быть КОНЦЕРТЪ скрипачки Н.Ю.Зубовой, (окончившей С.-ПБ. Консерваторію по классу проф. Ауэра) с участіемъ піаніста. ПРОГРАММА: 1) 1-я часть сонаты g-moll – Шумана, исп. г.*** 2) *Romance из концерта d-moll – Венявского*, исп. Н.Ю. Зубова. 3) Баркарола – Рубинштейна, Скерцо – Мендельсона, исп. г. *** 4) *Zigeunerweisen – Сарасате*, исп. Н.Ю. Зубова. АНТРАКТЪ. 5) Риголетто – Верди-Листа, исп. г. *** 6) *Canzonetta – Чайковского*, исп. Н.Ю. Зубова. 7) Прелюдія - Лядова, Этюдъ – Шопена, исп. г. *** 8) *Fantasia-Appassionata – Вьетана*, исп. Н.Ю. Зубова. Начало в 9 часовъ вечера. Цены местамъ (с включениемъ благотворительного сбора): Стулья: 1-го ряда 3р. 10 к.; 2-го ряда 2 р. 60 к.; 3 и 4-го ряда 2 р. 10 к.; 5, 6, 7 и 8-го ряда 1 р. 60 к.; 9, 10, 11 и 12-го ряда 1 р. 35 к.; 13, 14, 15 и 16-го ряда 1 р. 10 к.; остальные 80 к.; за

вход в зал 50 к. Билеты можно получить въ Коммерческомъ Собрании. Печать разрешается. Полиційм. Усковъ. Печатано в Арх. Губ. Типографии» [14].

Не трудно догадаться, что Михаил Юрьевич Зубов выступал «под звездочками» (***)¹, т.к. студентам Консерватории концертировать было запрещено под страхом исключения, и поэтому фамилию его не указали. Но кто-то должен же был аккомпанировать Нине Юрьевне, и лучше Миши этого бы никто не сделал. Замечательно и то, что он сам исполнил прекрасные труднейшие сочинения Шумана, Рубинштейна, Мендельсона, Верди-Листа, Лядова и Шопена.

«2 июля 1901 года дядя Миша написал Нине: «Милая Нинушечка, твоя *поездка* сделала для тебя *очень важный шаг в искусстве* – это очень отрадно. Еще от души радуюсь, искренно, что *ты начала концертировать, и с успехом* для искусства, а материальный успех после придет сам» [3].

Действительно, Нина Юрьевна и Михаил Юрьевич были на высоте в последних своих концертах. Об этом можно судить по той сложнейшей виртуозной программе, которую они избрали. И не просто избрали, а великолепно справились с ней. Можно смело сказать, что *Нина и Михаил Зубовы достигли высочайшего профессионализма*, каждый на своем инструменте.

Перед отъездом в Кострому Нина с удовольствием пообщалась *в Вологде* с дядей Мишой. Он был «ужасно добр», хотел купить Нине калоши, но она не согласилась – «и то ему столько должна»; предлагал взять у него 40 рублей для Миши в долг на неделю, но через неделю их надо было бы уже отдать. Повидалась с Анной Платоновной Матафтиной, тетей Евлалией Алексеевной, «барышней» Александрой Николаевной Зубовой (из «Погореловской» ветви рода), зашла к знакомым Саше Волоцкой и к Лукиным. И, конечно, хотела увидеть Волконских, но Лидия Прокопьевна уехала в Андронцово. Деньги на дорогу 35 рублей Н.Ю.Зубова заняла у какого-то Ивана [3].

Третий 1901-1902 учебный год в Костроме начался у Нины Юрьевны с занятий с 15-ю учениками, в основном с теми, что были у нее в прошлом году, кроме Александровской, которая поступила в Консерваторию к Н.В.Галкину на последний год младшего курса. Из Петербурга та писала, что «была в концерте Ауэра и совершенно сошла с ума от его игры». А 12 сентября в зале Дворянского собрания уже состоялся «Концерт, сбор с которого поступит в пользу ученицы Музыкальной школы Е.В. Смирновой, для окончания ее музыкального образования». Н.Ю. Зубова решила играть «Романс» Нашэ и «Saltarella» Вьетана [14]. *Концерт сошел хорошо, Нину Юрьевну хвалили*. Денег собрали чистых 150 рублей, потому что одна дама пожертвовала целых 25-ть. Е.В.Смирнова уехала в Петербург; всех денег ей хватит на ученье на весь год, а на жизнь она будет искать уроков [3].

Из своей зарплаты Нина решила посыпать Мише ежемесячно 20 рублей – «только бы не бросил учиться у Есиповой!» А 22 сентября послала ему 40 р., которые уже взяла у Орловой. «Она ни слова не сказала, сразу дала», - написала Нина Юрьевна домой. А в Вологде она искала 300 рублей под вексель на 3 года, чтобы отдать долг дяде Мише и дать 150 рублей брату Мише, но никто не дал. У дяди она решила больше не занимать, но и отдавать ему свой долг помесячно теперь не смогла бы. Вся надежда была только на то, что Юлий Михайлович продаст землю, которую он ей выделил [3].

В середине сентября Софья Петровна написала Нине: «Дядечка - Ангел, это все знают, но занимать тебе для Миши у него 40 руб. нехорошо, и без того у него мало. Папочка дал Мише 30 р., я дала ему 10 р., с ним посылаю дюжину столовых ложек и большую суповую ложку, чтобы заложить в Банк, я думаю, что дадут 25 р. и уж не менее 20 р. Вот, видишь, у него 60 р.; конечно, из них 20 р. на дорогу. Ты очень хорошо сделаешь, милая Нинушечка, если пошлешь дяде Мише хоть 10 р., он увидит, что с ним платятся». А из Мишиного письма маме стало известно, что Анна Платоновна Матафтина решила «с половины октября посыпать ему по 20 рублей в месяц» [3].

22 сентября *любимый дядя*, Михаил Михайлович Зубов, *скоропостижно скончался* от разрыва сердца в возрасте 64-х лет, к великой скорби очень любивших его родных. Для Нины Юрьевны это был тяжелейший удар, и она поехала *в Вологду*, чтобы *проводить дядю Мишу в последний путь*. Вернувшись в Кострому 2-го октября написала домой открытку: «Я доехала хорошо. Сегодня уже дала 6 уроков. Пишите мне, ужасная тоска!» [3].

Как память самых сердечных родственных отношений к дяде Мише, Михаилу Михайловичу Зубову - певцу, музыканту, композитору, интеллигенту и добрейшему человеку, служит сохранившаяся фотография всей семьи Юлия Михайловича и Софьи Петровны вместе с ним, снятая примерно в 1895 году.

В Костроме Нине Юльевне Зубовой, вместе со всей школой В.С. Сумароковой, пришлось на месяц переехать на другую квартиру. Предполагалось, что школа займет помещение бывшей типографии, которое нужно было еще реконструировать. Так что хлопот для всех было очень много. Тем не менее, *пять учеников Н.Ю Зубовой начали играть дуэты*, так что и она даже хотела подготовить вместе с ними какой-нибудь этюд [3].

В 40-ой день со дня смерти дяди Миши Нина Юльевна посетила монастырь и отслужила молебен. Возник *вопрос о музыкальном наследии дяди*, главным образом, о написанных им четырех операх по произведениям А.С.Пушкина. Софья Петровна посоветовала Нине, как музыкантше, заявить свои права на них. В ответном письме Нина высказала свою точку зрения на этот вопрос: «Прав своих на оперы я заявлять не могу, потому что нельзя ручаться, что они не представлят когда-нибудь денежной ценности» [3]. Что касается имущества Михаила Михайловича, то Юлию Михайловичу отошло имение Заломаиха, а его брату, Николаю Михайловичу, – большой вологодский дом Зубовых, в котором много лет жила вся семья Юлия и Софьи Петровны. Конечно, расстаться с большим домом было очень жаль, но все же пришлось переселиться в расположенный рядом маленький домик [3].

Но это были не единственные проблемы. Н.Ю. Зубовой «ужасно хотелось в Петербург». Мне писали о концерте Ауэра и Александровская, и Миша, и еще одна ученица Консерватории, бывшая у Варвары Сергеевны, - читала мама в ее письме, - и все с ума сошли от его игры. Я просто со страхом думаю, что пробуду, может быть, еще несколько лет в Костроме, а, между тем, Варвару Сергеевну ужасно люблю. Я *совершенно закисла* здесь. Нигде не бываю, кроме *Славочинской раз в неделю*, которой *аккомпанирую пение*, и изредка у Усольцевой, где скука смертная. Кроме школьных, интересов никаких нет, и на музыкальные (вкусы) – оскудение. Я просто *совсем одичала*. Наши все-таки живут веселее. Хоть Лукины придут, да Анна Платоновна – живая струя». «А самое важное и для тебя интересное то, - писала сестра Ларя, - что говорил в Консерватории Соловьев: с будущей осени в Михайловском театре будет Императорская русская опера, и поэтому будет набираться новый оркестр!» Миша тоже писал Нине об этом, и она уже давно ему наказала узнать все подробно [3].

Из Костромы Нина Юльевна писала: «6-го числа мы переехали на новую квартиру. У меня прекрасная комната, а рядом мой класс, хороший, белый, с массой растений. Зал еще не готов. Хочется 16-го, если будет готов, освятить (его), а числа 18-20-го сделать музыкальный вечер». Но Нину Юльевну уже *ождали в Вологде*, приглашая *сыграть* 3-го января в концерте в пользу недостаточных студентов-вологжан. Она ответила, что может сыграть «Канканетту» Чайковского, которую в Вологде еще не играла [3].

После Рождества и Нового 1902 года концерт состоялся. Выступил хор, исполнивший четыре номера: «Вечер на море» Абта, «Снится мне младенец!» Славянского, народную песню «Ты взойди, солнце красное» и студенческий гимн «Gaudemus» мужскими голосами. Затем были певица, чтец, соло на рояле, концерт Беема на корнет-а-пистоне и даже трио. Михаил Юльевич опять играл «под звездочкой» (т. е. без упоминания фамилии): 1-ую часть сонаты Шумана, «Capriccio brillante» Мендельсона-Бартольди и «Gnomen-reigen» Листа. А Нина Юльевна исполнила «Канканетту» Чайковского. После концерта были танцы в 3-х отделениях; всего, от полонеза до кадрили монстр, было объявлено их 14-ть [14]. Софья Петровна писала Нине: «Здесь я от многих слышу *похвалы тебе и Мише*, что меня очень радует» [3].

Вернувшись в Кострому, Н.Ю. Зубова получила поздравления с именами от родных, а 20 января уже *демонстрировала игру своих учеников на музыкальном вечере*. Из 21 номера четыре были по классу скрипки. Выступили: Соколов, исполнивший «Themt de Bellini» Данкля, Холшевников с «Andante et petit rondo» того же композитора, Каль с «Вариациями № 5» Берии и наиболее подготовленная Кессель с «Air varie» Вьетана [14]. Все *прошло хорошо*. Зал наш оказался с очень неплохой акустикой [3].

Семья Юлия Михайловича и Софии Петровны Зубовых в ~1895 году. Слева направо: Нина, Владимир, Елизавета (стоит), Михаил Михайлович, Мария, Юлий Михайлович, Любовь, Екатерина (стоит), Михаил, Лариса, Софья Петровна, Петр, Ольга, Юлий (из архива автора).

Главная лестница Вологодского Дворянского собрания
(Баниге В., Перцев Н. Вологда. М.: Изд-во «Искусство», 1970)

В школе организовался *класс хорового пения*, с которым иногда занималась Варвара Сергеевна, но *большей частью Н.Ю Зубова* по 3 часа в неделю. Хор доставлял ей большое удовольствие, и она попросила прислать ей метроном и дирижерскую палочку, которую ей отдал дядя Миша. Эта палочка принадлежала его отцу и деду Нины Юльевны Михаилу Алексеевичу, организатору хорового общества в его большом вологодском доме. Позже она писала: «Спасибо за палочку. Я уже ею действую». А Софья Петровна сообщила: «Я привезла с собой сочинения дяди Миши и сегодня разбирала «Цыган». Ты занимаешься с хором, чтобы тебе разучить первый хор «Цыгане шумною толпой по Бессарабии кочуют». Как ты об этом думаешь?» Нина Юльевна ответила, что, к сожалению, у ее хора нет мужских голосов [3]. Палочка из черного дерева с металлическими инициалами «M.Z.» (Michail Zouboff), как семейная реликвия, хранится сейчас у автора книги.

Певица С.К. Миролюбова пригласила Нину Юльевну 2-го февраля участвовать в ее концерте в зале Костромского Дворянского собрания. Она согласилась, еще не зная, что будет играть. Аккомпанировать должен был специально приглашенный из Москвы Б.А.Федоров. Приехал и артист Императорских театров П.П. Фигуров, чудный баритон. Концерт прошел очень хорошо [3]. Нина Юльевна в 1-ом отделении исполнила «Canzonetta» Чайковского, аккомпанировала на скрипке певице в романсе «Дайте крылья мне» Ромберга и на bis сыграла «Легенду» Венявского, а во 2-м отделении - «Скерцо» Риеса [14]. Начала его «неважно, - написала она домой, - потому, что пальцы были ледяные, но потом справилась и кончила хорошо». На bis сыграла «Пчелку» Венявского. П.П. Фигуров, очень славный, крестил Нину Юльевну и Бориса Федорова перед их выходами на сцену. После концерта Нина Юльевна играла еще «Мазурку» Венявского и Simonetti «Romance». «Даже Чижевский – строгий судья (у него брат очень хороший скрипач) сказал, что *ни к одной нотке нельзя было придраться*». Так что *Н.Ю. Зубова имела успех*. А Варвара Сергеевна осталась очень довольна тем, что костромичи видели Нину Юльевну в хорошем составе, и она «была равной с Фигуровым. И что они видели, что *она играла такие вещи, которые здешние любители не могли бы аккомпанировать*». Из-за отсутствия аккомпаниатора Н.Ю. Зубовой приходилось отказывать в выступлениях и клубу, и Кружку [3]. Софья Петровна написала: «Я совершенно счастлива твоим успехом, я тоже рада, что ты играла при такой обстановке. Целую Варвару Сергеевну, она понимает» [3].

Реалисты приглашали Н.Ю. Зубову играть на масленице, но она сказала, что, наверное, уедет. 8 февраля Нина Юльевна написала домой: «Я собираюсь поехать в Рыбинск дать концерт с одной певицей. Жду оттуда подробного письма. Это предполагается 17-го февраля. Оттуда поеду в Москву», чтобы послушать Сарасате, которого никогда не слышала. «Лизе я уже написала, чтобы взяла билет. В Москве хочу пробыть не больше 2-х дней, т. к. денег мало. Потом мне хочется приехать дать концерт в Вологде с одной очень хорошей певицей (из Москвы), которая здесь будет давать концерт на днях. Я желала бы дать в Вологде концерт в пятницу 22-го. Раньше не поспею, а 23-го – суббота, 24-го, может быть, и неудобно, но для меня безразличны эти 3 дня. Мне надо знать следующее: если тёте Имеди (жене умершего Николая Михайловича Зубова) будет неприятно, что это будет через месяц после смерти дяди Коли, то я не приеду и, может быть, тогда приеду на третьей неделе Поста. На масленой же мне хочется, т. к. будет лучше сбор. Итак, если и Вы, и тётя Имеди ничего не имеете против, то дорогая, посоветуйтесь с Анной (Платоновной Матафтиной), дайте ей это письмо и скажите, что я поскорее прошу ее написать свое мнение. Прошу узнать все Катю. Тогда я вышлю программу. Пожалуйста, немедленно мне напишите – «да» или «нет». Целую крепко. Нина» [3].

Софья Петровна ответила: «Советую тебе и даже прошу *не ездить в Вологду* давать концерт... Сколько сюда не приезжали, всегда было мало народу, а тебя здесь только что слышали на праздниках. Всюду тебя благословляю, а в Вологду не езди. Имеди ничего не имела против того, чтобы ты играла». В другом письме речь шла о том, что *Нина с Мишней очень понравились в Архангельске* и что «непременно туда нужно ехать и дать не один концерт, а два. Миша тоже написал, что хорошо бы весною съездить в Архангельск. Хорошо бы ты подумала об этом и понемногу начала повторять прошлогоднее и, вообще, готовиться. Может быть, вы и заработали бы порядочно, расплатились с долгами, и осталось (бы) что-нибудь» [3].

А Юлий Михайлович мечтал совершить летом с Ниной и Мишой концертно-экспедиционное турне по железным дорогам и на пароходах в Европейской России. Он «предположил следующий маршрут: Архангельск – Устюг – Вятка – Пермь – Кунгур (пещера) – Кизеловский завод – Екатеринбург – Златоуст – Уфа – Белебей – Верхнетроицкое – Айсалимово (пещеры) – Самара – Саратов – Царицын – Ростов-на-Дону – Гниловская станица – Новороссийск – Феодосия – Ялта – Севастополь – Евпатория – Одесса – Киев – Житомир – Брест – Белосток (к Юлию Юльевичу) – Сувалки (к Коле Ярышкину и Сереже Макшееву) – Вильно – Минск – Смоленск – Калуга – Боровск (в монастырь предка Пафнутия Боровского) – Москва – Троице-Сергиева Лавра – Ярославль – Кострома или Вологда – Кузнецово – Заломаиха – Кубин Бор и пр. Денег в это турне брать не нужно, чтобы изощряться в способах добывания их. Для хозяйства и для кассы можно взять с собою Катю» [3].

Через некоторое время Нина написала по этому поводу отцу: «Ваш маршрут так велик, дорогой папочка, что и от $\frac{1}{4}$ его можно протянуть ноги. Кроме того, без денег никуда не тронешься. В прошлом году я из Устюга уже телеграфировала дядечке с просьбой о подкреплении, а то бы нам не доехать было до дома. *В Архангельск и Устюг я бы хотела ехать.* Но, кроме этих городов, т. к. это по соседству, летом никуда не поедешь, разве, может быть, в Сибирь, но туда надо рисковать крупной суммой, чтобы не пришлось возвращаться по шпалам... Если мне удастся поехать с Мишой в Архангельск, то я хочу взять с нами певицу, ученицу нашей школы (Л.Д. Славочинскую), которая была со мной в Рыбинске, но я ей сказала, что, вероятно, придется приплачивать еще из своего кармана, чтобы она не рассчитывала на заработок. Я ее пригласила, потому что устроитель концерта в Архангельске советовал мне привезти и певицу» [3]. Однако с концертом в Рыбинске ничего не вышло, т. к. на масленой неделе там все было занято разными увеселительными мероприятиями.

А в письме из Вологды Анна Платоновна Матафтина предложила Нине Юльевне прокатиться с ней *в Петербург через Москву*, т. к. ей дали бесплатный билет «на мать с дочерью». Конечно, Нина с радостью согласилась быть в роли дочери, т. к. *в Петербурге обязательно «надо было о себе похлопотать*. Я уже теперь волнуюсь, - писала она, - что *еду* в Петербург. Просто не верится. *Такое счастье!* Собственно, я бы не имела права никуда ехать, т. к. у меня долги, но мой кредитор, Варвара Сергеевна, сама советует мне ехать, даже не допуская мысли, что я могу отказаться. И вот в субботу я должна выехать, чтобы в воскресенье утром встретиться с тетей Анной в Ярославле» [3].

В Москве Нина Юльевна пробыла 3 дня. Была *на концерте скрипача Прокопович, на концерте Сарасате* и в частной *опере на «Черевичках» Чайковского*, которая ей очень понравилась. «Сарасате – фокусник, - написала Нина Юльевна домой, - и его игра не производит впечатления. Ауэр гораздо выше». *С концерта* она проехала *прямо в Петербург* и вечером попала *на оперу Вагнера «Зигфрид»* - «чудная музыка!». Была в консерватории *на Литературно-Музыкальном Утре в память 50-летия со дня кончины Н.В. Гоголя* [14], «со многими здоровалась», но Ауэра не застала даже дома, т. к. в этот день он должен был уехать в отпуск. Классной dame она сказала, что очень *хочет получить место в Петербурге*, но *место можно было получить только в провинции*, где она сейчас уже и работала. Миша узнал для Нины о новом оркестре. Он говорил с заведующим оркестром Русской оперы Кучером, и «тот сказал, что пока это все только проект и что оркестр будет формироваться из двух других, и, вероятно, музыканты не понадобятся, потому что их даже излишek». Нина Юльевна была очень счастлива, что съездила в Петербург, повидала там всех родных и знакомых, и, главное, сделала все необходимое у Бацоло, поменяв волосы на смычке [3].

В Костроме дел была масса, т. к. на 8 марта был намечен *музыкальный вечер учащихся*. Из 35 номеров 8 было из класса скрипки Н.Ю. Зубовой: «Песенку» Гофмана играла Горская, «Вариации» Данкля Федоров и Рассадин, 1-ую часть концерта Берии № 7 – Каль, а 2-ую и 3-ю части – Кассель, «Scene de ballet» Берии – Холшевников. Он же участвовал в «Дуэте» Плейеля с Федоровым, а потом его же сыграли Рассадин и Соколов [14]. Нина Юльевна писала: «Мой ученик Холшевников играл очень хорошо, так что произвел фурор. Это очень талантливый мальчик. В будущем году его уже не будет, т. к. отца его переводят. *Я мечтаю, что тоже буду в Петербурге*». 11 марта, еще на одном *музыкальном вечере в школе В.С. Сумароковой*

Пабло Сарасате (1844-1908) –
выдающийся испанский скрипач и композитор,
автор «Zigeunerweisen» - «Цыганских напевов»,
которые виртуозно исполняла Н.Ю. Зубова.
(Фото из семейного архива автора)

некоторые ученики Н.Ю. Зубовой (Холшевников, Каль и Кессель) повторили свои номера. Холшевниковым с Федоровым и Рассадиным с Соколовым был исполнен еще раз и «Дуэт» Плейеля [14].

А 10 марта в зале Дворянского собрания состоялся Гоголевский вечер. В нем участвовали некоторые ученицы Музыкальной школы В.С. Сумароковой, а **Н.Ю. Зубова и аккомпанировала на скрипке** [14]. Играли преподаватели школы и из собрания Кружка. Один раз Н.Ю. Зубова целый вечер была на эстраде, аккомпанируя другим исполнителям [3].

В конце 6-ой недели Поста в школе наметился *музыкальный вечер с чествованием Варвары Сергеевны*, «по случаю кончавшегося 10-летия. Ученики выписали два портрета Бетховена и Моцарта, под которыми будут серебряные дощечки с надписью, а, мы, т. е. преподаватели, – все сочинения Грига и портрет Чайковского. Затем поднесем ото всех адрес в папке» [3].

Н.Ю. Зубова хотела бы съездить в Рыбинск и сыграть в концерте Музыкально-Литературно-Драматического кружка. «За это дадут 25 р., - писала она маме. Рублей 12 останется в кармане. На них я предполагаю съездить на один день в Москву, чтобы переговорить и похлопотать о поступлении в оркестр частной оперы. Никому не пишите и не говорите об этом, потому что я боюсь, что это не исполниться, но есть у меня надежда». И в следующем письме от 31 марта 1902 года написала: «Дорогие мамочка и папочка, один мой знакомый (по) консерватории, Б.Федоров говорил обо мне дирижеру частной оперы, и тот сказал, чтобы я приехала на страстной (неделе) для переговоров. Экзамен и вещи (играть) не надо, а просто он заставит меня читать с листа. Но т. к. я останусь должна Варваре Сергеевне, то я считаю себя не в праве уехать, тем более, что не известно, что буду получать. Там платят от 60 р. до 100 и более в месяц. Проезжу только еще 20 р. в Москву, а мне предложат 60 р. Варвара Сергеевна очень плакала, когда было решено, что я поеду, она очень ко мне привыкла. Но теперь она просит меня ехать и не считать себя связанной из-за этого; говорит, что я могу через несколько лет ей отдать. Я же знаю, что она сама задолжала эту сумму из-за меня. Она до того добра, что всегда последнее отдает. Что же делать? Останусь в Костроме, не попасть мне в столицу. Жалко такого случая. В Рыбинске назначено наше участие в концерте на вторник 2-го апреля, но сегодня Волга еще пропускает. А завтра и послезавтра может тронуться, и мы в Рыбинск не попадем. Для нас кружковского концерта там не отложат, это последний (в сезоне). Очень будет жалко» [3].

Судя по программе, 2-го апреля Н.Ю. Зубова выступила в Рыбинске в симфоническом концерте 13-го Экстренного Исполнительного Собрания Кружка, как солистка с «*Fantasia-Appassionata*» Вьетана [14].

7 апреля 1902 года состоялся *музыкальный вечер учащихся школы*, в честь ее 10-летнего юбилея - в Дворянском собрании. Четыре номера из 25-ти были исполнены учениками Н.Ю. Зубовой: «Интермеццо» Гофмана Аржанниковым, «Вариации № 1» Берио Афанасьевым, 1-ая часть концерта № 9 Берио Холшевниковым и «Souvenir de Bellini» Арто ученицей Кессель [14]. Потом было *чествование*. «От учеников **В.С. Сумароковой** были преподнесены два портрета Бетховена и Моцарта и огромная корзина цветов, а от преподавателей – Полное собрание сочинений Грига, опера «Пиковая дама» Чайковского в очень хорошем переплете и адрес в темно-зеленой бархатной папке с серебряными инициалами и числом, на розовой муаровой подкладке». Н.Ю. Зубова «читала адрес и ужасно волновалась. Говорят, что читала ясно и громко. От публики (была преподнесена) корзина цветов и серебряная вызолоченная сухарница с визитными карточками участников. Все сошло очень хорошо. Варвара Сергеевна была очень тронута» [3].

В следующем письме Нина Юльевна написала домой: «Дорогие мои мамочка и папочка. В этот день утром я получила 100 р., за которые Вас очень благодарю... Вы сняли с меня огромную тяжесть. Я их отдала Варваре Сергеевне, и с более спокойной совестью *поехала в Москву*. (Нина Юльевна хотела поступить в Московскую частную оперу Саввы Ивановича Мамонтова, существовавшую с 1885 года, но к этому времени уже превратившуюся в Товарищество русской частной оперы, труппа которой сплотилась вокруг М.М. Ипполитова-Иванова [16].) «Когда я приехала к Ипполитову-Иванову, он уже одетый стоял в передней. Мы с ним вместе вышли, и он объявил мне сначала, что я приехала поздно, надо было раньше

Ученица Нины Юльевны Зубовой в Музикальной школе в Костроме
(Фото из семейного архива автора)

(а Федорову он сказал, чтобы я приехала в апреле), но назначил мне прийти в 5 часов, чтобы ему сыграть. Когда я пришла, он заставил меня поразбирать (ноты), но, вообще, встретил меня с таким видом, точно исполняет неприятную обязанность. Потом сказал, что все определится на Фоминой неделе, и чтобы я дала ему свой адрес, что он мне напишет, а потом прибавил, чтобы я сама ему написала в конце Святой (недели), чтобы он не забыл. Последнее обозначает, вероятно, что *он меня согласен взять*, потому что иначе он не прибавил бы, чтобы я напомнила о себе, а просто взял бы мой адрес и ничего бы мне не написал. Это был бы вежливый отказ. Я была сбита с толку всем его поведением и противоречием, что больше ничего не выясняла. Потом поняла, что это все было, чтобы сбить цену мне. Варвара Сергеевна говорит, что я себя продешвила. Что же делать, я не умею себя устраивать. Теперь, когда я буду ей писать, то, конечно, надо будет ему намекнуть, что ниже известной цифры я не пойду, т. е. напишу, что я получаю в Костроме, а что в Москве я, конечно, хочу получать больше. Варвара Сергеевна говорит, что, если я останусь этот год в Костроме, то она постараётся обставить меня лучше, т. е. набавит плату на скрипку и выговорит мне отпуск среди года на месяц с сохранением содержания [3].

На Пасху Нина Юльевна решила поехать *на пароходе в Ярославль* к Степановским. В *Ярославле играла в концерте «Легенду» Венявского* и на bis *«Пчелку»* и *«Le sygne»* (*«Лебедя»*) Сен-Санса. На концерте были ее хорошие знакомые [3].

23 апреля Нина Юльевна была уже в *Костроме* и написала домой: «Дорогие мамочка и папочка. Я узнала о частной опере сегодня все подробности от одного скрипача оттуда. Первая скрипка, помощник концертмейстера (на первом пульте), получает 125 р. в месяц, на втором – левый 90 р., правый – 100 р. и т. д. до 75 р. в месяц. Мне этот скрипач советует проситься на помощника концертмейстера, т. е. на 125 р. в месяц. Я должна написать Ипполитову-Иванову, напомнить о себе, сам он, вероятно, не вспомнит, т. к. у него много дела. Варвара Сергеевна… просит остаться еще на год, а мне и в Москву то хочется, и ее жалко, как будто бы, против нее свинство устрою. На Рождество из частной оперы мне нельзя будет приехать, …я действительно закабалюсь на год. Просто не знаю, что делать? Посоветуйте. Вдруг я попрошу 125 р., а мне и дадут, тогда уж отказываться поздно. Ехать придется к 15 августа. Варвара Сергеевна говорит, что я «забью свою виртуозность. Она хлопочет и, может быть, мне удастся зимой выступить в Петербурге в Общедоступном симфоническом концерте, которые устраиваются графом Шереметьевым, но участвовать бесплатно. Но если я поеду в Архангельск и Устюг летом, а потом удастся съездить со Славчинской в Петровск и Хасавюрт (это на Кавказе у Каспийского моря), где у нее знакомые и летом там стоят войска, так что знакомые обещают ей полный сбор (весь то не больше 100 р.), то мне придется мало быть дома. Так что, если уж поступать в частную оперу, то надо отказаться от поездки. Славчинская, может быть, достанет на нас даровые билеты от Нижнего до Петровска. (В этом случае только и можно будет ехать, а сбор оккупит пропитание и остальные расходы.) Одним словом, может быть, удастся съездить даром на Кавказ. Не бойтесь, дорогая, мы в места, где пиндинка (болезнь), не поедем. Если Анна Платоновна Матафтина может достать даровой билет для Миши, то мы его захватим с собой. Вся поездка продолжится от 3-х недель до 1 месяца. Конечно, все это мечты, но если заработаем в Архангельске, то можно прокатиться, это полезно для здоровья. Я шью себе платье, чтобы можно было играть в Архангельске; по этой причине не могу послать Мише 20 р. и очень прошу дорогое папочки ему послать» [3].

И вдруг Нина Юльевна решила: «*Не буду писать Ипполитову-Иванову*; если сам вспомнит и напишет, то, значит, – судьба. Но жду от Вас совета все-таки. Скорее напишите. Варвара Сергеевна хочет, чтобы я осталась только на год. Потом сама обещает хлопотать. Жду скорей письма» [3].

Ответ пришел довольно быстро: «Милая, дорогая Нинушечка, сейчас получила твоё письмо… Нечего и колебаться, милая Нинуша, тебе *нужно остаться еще год* у *Варвары Сергеевны*… Просто непростительно будет с твоей стороны, если уйдешь. Год, время не Бог знает какое длинное, тем более, что Варвара Сергеевна *обещает тебе выступление в Петербурге*. И вряд ли найдешь такого доброго, честного человека… Кто знает, может быть, через год ты еще лучше устроишься, а ведь тут в Москве в частной опере – кабала… Раз уж ты

Преподаватели Музыкальной школы В.С. Сумароковой в Костроме (май 1901 года)
В центре - Варвара Сергеевна Сумарокова, справа от нее - Нина Юльевна Зубова,
крайняя справа – Екатерина Александровна Ширяева.
(Фото из семейного архива автора)

спрашиваясь моего совета, то я, считаю, должна прямо сказать: благодарность прежде выгоды Пожалуйста, не замедли написать, чем все это кончится; если останешься, я буду рада». Ответ от Нины Юльевны она получила очень быстро: «Дорогая мамочка, я уже *решила остаться* и поэтому *не написала Ипполитову-Иванову*. Очень рада, что Вы того же мнения» [3].

После ученических экзаменов в музыкальной школе в **Костроме** [14] Нина Юльевна *выехала в Вологду*. Концерт в Архангельске Нины и Миши Зубовых должен был состояться, и Нина попросила, чтобы Петя дал Мише фрачную пару. (Видимо, из театральных костюмов.). **В Архангельске Нина и Михаил Зубовы дали один концерт** и получили только 25 р. чистыми. В Устюг Нина Юльевна дала телеграмму, чтобы «отложили концерт до осени, т. к., вероятно, тоже сбора не будет, да и замучилась (она) совершенно. Летом ужасно тяжело ездить по концертам», - написала она маме [3].

Лето 1902 года прошло в **Кузнецово**, а также в **Заломаихе и Порозове**, где прекрасное купание. В конце августа *вернулись в Вологду*. В дороге было небольшое приключение. «Наша пара лошадей совсем отказывалась идти, так что Петя пересел на них и отстал, а меня с Машей Нил (который был на другом экипаже), посадил к себе. Петя приехал через 1 ½ часа после нас, да и то шел пешком через весь город, т. к. лошади поминутно останавливались. Оказывается, накануне в Сычеве все были пьяны, и лошади у ямщика оставались не кормленные. Петя дал ему только 4 р.» В городе была страшная духота, и Нина Юльевна поспешила уехать в Кузнецово. Оттуда она писала маме в город: «Дорогая мамочка, когда поедете в Кузнецово, возьмите, пожалуйста, с собой ружье, которое было привезено из Заломаихи. Олю прошу купить мне 50 патронов № 7 для револьверов калибра 380. Сегодня было чтение с волшебным фонарем в камере. Народу было порядочно... Целую крепко, моя дорогая мамочка. Приезжайте скорее. Папочка целует... Зовет Вас скорее в Кузнецово. Любящая Вас Нина» [3]. В первых числах сентября Нина Юльевна *уехала в Кострому*.

Четвертый 1902-1903 учебный год в музыкальной школе в Костроме начался с того, что у Н.Ю. Зубовой *не стало троих самых продвинутых учеников*: Коль уехал в университет, Кессель поступила в консерваторию, а «ее гордость и украшение» Холшевников переехал с родителями в Киев. Остались все средние, плюс трое начинающих, «с которыми – тоска». Одна Горская, малютка 9-ти лет, очень талантлива, и за лето не испортилась. Всего 10 человек. А в школе в этот год набралось 130 учеников. Нина Юльевна, начала заниматься не только со своими учениками, но и сама играть на скрипке; раз в неделю ей аккомпанировал ученик Варвары Сергеевны [3].

В.С. Сумарокова вышла замуж, и теперь носила фамилию Морина. Н.Ю. Зубова поселилась у певицы Л.Д. Славчинской за 25 рублей в месяц: стол хороший, «масса зелени и фруктов». У новобрачных были в гостях. Муж Варвары Сергеевны очень симпатичный, он на два года ее моложе, и они – «отличная пара». Он поет, как любитель, у него тенор. Варвара Сергеевна была по-прежнему очень ласкова с Ниной Юльевной. Когда состоялось *открытие театра*, то Морины, Славчинская и Зубова решили вместе пойти на спектакль [3].

Л.Д. Славчинская нашла у **Н.Ю. Зубовой голос**, и они уже две недели как *занимались пением* и хотели показаться Чижевской. Что она скажет? Домой Нина написала: «У меня голос развивается, так что если найдут, что стоит (учиться), то я начну брать уроки у Чижевской. Глинка в своих записках пишет, что когда его нервы пришли в ужасное расстройство, то вдруг из его сиплого тенора у него появился высокий и очень звучный тенор, которым он владел 15 лет. Что, как и у меня, то же самое будет?» Ведь нервы Н.Ю. Зубовой были не в порядке из-за опухоли щитовидной железы. Пришлось лечиться, и ее самочувствие улучшилось. [3].

В школе образовался **класс оркестровой игры**: 7 скрипачей Н.Ю. Зубовой, на духовых инструментах – гимназисты, контрабасиста приходилось нанимать, а «за альта» играла сама преподавательница по классу скрипки Нина Юльевна. Варвара Сергеевна уже обещала купить альт. Дирижировал капельмейстер театра Сахаров. А от дирижерства хором Нина Юльевна отказалась, т. к. и так уставала от уроков. «Но пока хора еще нет, т. к. никто не записывается из мужских голосов» [3].

Одна ученица Московской консерватории предложила Н.Ю. Зубовой участвовать в **концерте**, который она устраивала в свою пользу, т. к. ей надо было собрать на взнос за

Нина Юльевна Зубова
в имении Кузнецово
(Фото из семейного архива автора)

«Дорогой моей учительнице Нине Юльевне Зубовой.

Отъ преданного ученика Н. Холшевникова.»

Киев, ноябрь 1902 г.

(Фото из семейного архива автора)

учение. Зал с освещением давали ей бесплатно потому, что она постоянно играла в Кружке. Нина Юльевна согласилась, но концерт в сентябре не состоялся, т. к. не удалось никого пригласить, а прошел в октябре. Участвовали сама консерваторка, ее товарищ, местная певица и **Н.Ю. Зубова**. Она играла «*Romance*» *Наиш*, а на bis «*Скерцо*» *Риеса* и «*Romance*» *Simonetti*. Но расходы еле-еле окупились [3].

В Музикальной школе В.С. Мориной решили устроить **несколько камерных вечеров** и сыграть струнный квартет. Н.Ю. Зубова – 1-я скрипка, первая скрипка в театре – 2-ая скрипка в квартете, Сахаров (капельмейстер театра) – альт и виолончелист, выписанный из Ярославля. Кроме того, М.А. Белоцерковская (новая учительница) должна была играть solo и сонату с Н.Ю. Зубовой. Цены общедоступные. Выписали все трио и квартеты Мендельсона и несколько скрипичных сонат Шумана, Мендельсона и Рубинштейна. Из Вологды на два дня приезжала Анна Платоновна Матафтина и познакомила Нину Юльевну с Князевыми, «очень милыми людьми» [3].

Камерный вечер прошел 28 октября **благополучно**. Играли *квартет Мендельсона* и *Сонату Грига* для скрипки и фортепьяно [14]. **Н.Ю. Зубова** опять стала ужасно волноваться перед квартетом, но *сыграла хорошо*. А при исполнении сонаты М.А. Белоцерковская так «страшно дубасила», что заглушала ее скрипку, и она решила с ней больше не выступать. Нина Юльевна заработала 15 рублей и взяла один урок пения у Чижевской [3].

4 ноября состоялся **музыкальный вечер учащихся школы**. Оркестр под управлением И.П. Сахарова очень недурно исполнил «Антракт» из оперы «Сельская честь» Масканьи и увертюру. Четыре ученика Н.Ю. Зубовой играли в числе 23-х номеров: Горская «Мазурку» Данкля, Афанасьев «Вариацию № 6» и Соколов 1-ую часть концерта Берио и Кессель - финал «Концерта № 2» Шпора [14]. Кессель выступила и в концерте Костромского общества любителей музыкального и драматического искусства, где ее слушала Н.Ю. Зубова [3].

Теперь В.С. Морина решила перед Рождеством устроить **симфонический концерт**, пригласив несколько музыкантов к школьному оркестру. Из пианистов - Федорова или М.Ю. Зубова, чтобы они исполнили solo на фортепьяно в сопровождении оркестра, в котором будет играть и Н.Ю. Зубова. Репетиции оркестра начались. А Михаил Юльевич Зубов обещал приехать к намеченному дате 15 декабря [3].

21 ноября Н.Ю. Зубова выступила в **концерте Кружка** (Костромского общества любителей музыкального и драматического искусства) с «*Анданте*» и «*Финалом*» из «*Zigeunerweisen*» («Цыганских напевов») *Сарасате*. На bis она исполнила «*Легенду*» Венявского и «*Колыбельную песню*» *Годара*. После концерта написала домой: «Я до сих пор **не вышла из моды в Костроме**, потому что редко выступаю, и поэтому меня еще ценят. Я *сыграла хорошо*, но я нынче не люблю выступать в концертах, потому что это ужасно меня волнует» [3].

29-го в театре состоялся **бенефис капельмейстера театра и дирижера школьного оркестра И.П. Сахарова**. В концертном отделении любительским оркестром из Кружка были исполнены увертюры к операм «Норманн» и «Вильгельм Телль», а струнным квартетом – известное и очень красивое «*Andante*» из квартета Чайковского. **Нина Юльевна Зубова** тоже *выступала*, как и несколько ее учеников [3].

Симфонический концерт в Костроме с участием Михаила Юльевича Зубова, как написала Нина Юльевна, «*сошел хорошо*», но все-таки был дефицит около 50 р., т. к. публики было немного, а расходов более 150 рублей. Миша играл очень хорошо. На bis был вызван три раза, и мог играть даже в четвертый, но не играл. Вчера он остался, и мы ездили в Ипатьевский монастырь и по городу. Вечером в школе было человек 15 учениц и учеников и преподаватели, и Миша играл им: 1-ую часть сонаты № 1 Бетховена, 1-ую часть сонаты Шумана, четыре этюда Шопена, две «Песни без слов» и «Скерцо» Мендельсона, «Прелюдию» Лядова, «Вальс» Годара, «Новелетту» Шумана и свои – «В деревне», «Сказку», «Осень в деревне» (новую, которую Вы, мамочка, слышали в Кузнецово, а я слышала в первый раз), две «Прелюдии», «Восточную фантазию» и на bis «Баркаролу» Рубинштейна». Всего 19 произведений, т. е. М.Ю. Зубов фактически дал сольный концерт. «Он **всем очень понравился, и его сочинения тоже**. Он играл во фраке» [3].

Н.Ю. Зубова втянулась и в уроки по скрипке, и в концерты, но **надежда** на то, что она в будущем году все-таки *уедет в частную оперу в Москву*, ее не оставляла [3].

Г.П.Куракинъ КОСТРОМА

«Дорогой Нине Юльевне от искренне любящей Веры Князевой»
17/XII 1902. Кострома.
(Фото из семейного архива автора)

На Рождество, Нина Юльевна, конечно, поехала в Вологду, а в начале января 1903 года **вернулась в Кострому**. Навестила Князевых, которые стали для нее близкими людьми. Уроки в классе скрипки у нее пошли своим чередом. Появился новый ученик 16-ти лет, «не особенно чистоплотен, но умен и сметлив, так что интересно, что (из него) выйдет». В день своих именин Нина Юльевна поучила поздравления от сестер и прекрасный подарок от мамы и папы – известие о посылке материю на белое концертное платье и шелка для нижней юбки к нему. Вечер она провела у Варвары Сергеевны [3].

17 января 1903 года **Н.Ю. Зубова приехала в Москву**, чтобы *услышать игру* известного скрипача Яна Кубелика. За 3 дня удалось побывать на двух его концертах, в пятницу вечером и в воскресенье днем, и *на репетиции симфонического оркестра*. Домой она написала: «Действительно, он (Ян Кубелик) «техник» замечательный, и певучие вещи производят впечатление, но не сильное. Я думаю, он – молод, и поэтому еще нет в его игре глубины. Это были концерты с участием оркестра, который я не могу слышать равнодушно». Но, главное, Нина Юльевна **побывала в Театральном бюро**, где записали ее *желание поступить в частную оперу*. Это был наиболее простой способ получить работу в оркестре «без обивания порогов». Если место будет получено, то бюро возьмет 5% с месячного оклада, а если не будет вакаций или желающих будет слишком много, и места не предоставят, то бюро ничего не возьмет. «В Пост должно было решиться – кто будет держать Солодовниковский театр: «Товарищество Ипполитова-Иванова» или Бородай из Киева? Последний дает Солодовникову на 10 тысяч дороже, чем Ипполитов-Иванов» [3].

Солодовниковский театр – это «Большой частный театр Солодовникова» в шесть этажей на Большой Дмитровской улице с залом на 3100 мест, сценой в 100 кв. сажен и помещением для оркестра в 100 человек [17]. Оно было выстроено крупным российским предпринимателем и меценатом, купцом 1-ой гильдии Гаврилой Гавrilовичем Солодовниковым на свои средства [18]. Как писала Нина Юльевна домой, «вскоре стало известно, что Ипполитов-Иванов выходит из Солодовниковской оперы, что «очень печально» [3]. Театр взяла в аренду опера Кожевникова [17].

В Костроме у вдохновленной поездкой Н.Ю. Зубовой «явилось большая охота работать», так что *она вставала рано и играла на скрипке по два часа*. «Если бы я каждый месяц ездила в Москву, то, наверное, работала бы очень прилежно», - написала она в письме. И еще: «Когда я принялась за скрипку после Москвы под впечатлением Кубелика, то у меня все выходило лучше и, точно, я *сделала успехи*, несмотря на то, что давно не работала. Из этого следует, что я должна жить в Москве». Когда в Кострому *приехал слепой скрипач*, то Н.Ю. Зубова дала ему письмо в Вологду к Анне Платоновне Матафтиной, а Князев – к губернатору, чтобы оказали ему содействие [3].

В Костромскую музыкальную школу поступила новая преподавательница Екатерина Александровна Ширяева, которая «аккомпанирует охотно и хорошо», так что Нина Юльевна начала с ней играть свои трудные вещи. *Реалисты пригласили Н.Ю. Зубову играть на масленице*, и она согласилась; тем более что получила от мамы посылку с роскошной белой материей и отдала шить портнихе концертное платье. Домой написала: «Платье мне стоило потому столько, что портниха дорогая, много приписывает и много требует материала, так что заставила прикупить еще 2 ½ аршина канзуза, также стоила прошивка и газ» [3].

30 января в Музыкальной школе В.С. Мориной состоялся *музыкальный вечер учащихся*. В программе стояло только 5-ть из 27-ми номеров учеников Н.Ю. Зубовой [14], т. к. количество их убавлялось, и она сильно теряла в заработке, так что не смогла, как планировала, послать деньги сестре Ларе и расплатиться с долгами [3].

13 февраля состоялся *концерт у реалистов*. Выступал хор учеников с музыкой Даргомыжского, Глинки и Римского-Корсакова; **Н.Ю. Зубова играла «Romance» из 2-го концерта Венявского и на bis «Andante» и «Finale» из «Zigeunerweisen» («Цыганских напевов») Сарасате и «Romance» Simonetti**. Участвовали также ученица и ученик Московской консерватории Е.П. Проскуро-Сущинская и баритон Л.А. Радев [14].

На масленицу Варвара Сергеевна с мужем пригласила Н.Ю. Зубову и Е.А. Ширяеву проехать в их деревню Лунево. Ездили на тройке в 5-местных санях, и «очень хорошо прокатились» [3].

Знаменитый скрипач-виртуоз Ян Кубелик.
(Фото из семейного архива автора)

— Въ Большомъ залѣ Россійскаго Благороднаго Собранія —
■ ■ ■ ВЪ ПОНЕДѢЛЬНИКЪ, 26-ГО ЯНВАРЯ, ■ ■ ■
3-й и прощальный **знатиннаго**
концертъ **скрипача-**
виртуоза ЯНА КУБЕЛИКЪ
СЪ УЧАСТИЕМЪ СИМФОНИЧЕСКАГО ОРКЕСТРА ПОДЪ УПРАВЛЕНИЕМЪ РУДОЛЬФА БУЛЕРИАНА.
Въ программѣ: Чайковский, Сарасате, Моцартъ, Паганини. Аккомпанир. буд. Людвигъ Швабъ.
Рояль фабрики «Эккеръ» изъ магазина Груешъ. НАЧАЛО въ 8½ час. ВЕЧЕРА.
Билеты отъ 1 р. 10 к. до 8 р. 10 к. можно полуи. въ муз. маг. Гутхейль (Кузн. Мостъ) въ будніе дни, и въ зданіи
Благор. Собр. у смотрителя, какъ въ будніе, такъ и въ воскресные и праздничные дни.

Вырезка из газеты о концерте Яна Кубелика в зале Благородного Собрания в Москве
(Из семейного архива автора)

вериться, что *скоро буду москвичкой*» [3]. Родители опасались, что театр «Эрмитаж» - это просто эстрада в саду, но Нина Юрьевна их разубедила, написав, что будет работать в серьезном оперном коллективе. Юлий Михайлович пожелал дочери: «Дай Бог успеха и побольше жалования. Только оркестр – это все не то. Надо подняться немного выше – на сцену... До свидания. Целую и благословляю» [3].

Как писала вологодская учительница музыки и давний друг семьи Зубовых Анна Платоновна Матафтина еще в 1902 году, «своей работой, т. е. уроками, Нина Юрьевна тяготилась, труд стал для нее каторжным, настало время переменить условия». Варвара Сергеевна Сумарокова-Морина, которая была очень привязана к ней и, думая удержать ее, написала Анне Платоновне письмо в том духе, что Нина Юрьевна не знает жизни, что надо уберечь ее от тяжкого труда, требующего много здоровья и выносливости, и что ей опасно жить одной в Москве. В.С. Сумарокова тонко подметила, что «из всех занятий я знаю лишь одно дело, которое может постоянно интересовать и, по возможности, удовлетворять Нину Юрьевну. Это виртуозная карьера, для которой у нее, как я положительно убедилась, есть необходимые данные: и талант, и любовь к неизбежному скучному подготовительному труду (если она здорова, она работает ежедневно...); есть и известный подъем, заставляющий ее играть публично лучше, чем дома... Разумеется, *одной виртуозной карьерой*, по нашим временам, *не прожить*; очевидно, необходимо иметь определенный заработок, но отдать себя, как она выражается «в кабалу», не поведет ни к чему. Ежедневная игра в оперном оркестре будет настолько утомлять ее, что, я уверена, работать сама она неизбежно бросит, а игра оркестровая отразится (как я, по крайней мере, слыхала) вовсе неблагоприятно на тех, кто хочет оставаться солистом. ...я слишком глубоко заинтересована в том, чтобы сохранить для себя такое сокровище, как Нина Юрьевна, ...положительно буду считать невознаградимой потерей для школы и для себя ее уход». Но Анна Платоновна ответила В.С. Сумароковой: «Пусть учится жить!» Нина Юрьевна сама сознавала, что это «кабала», на которую она идет лишь для того, чтобы со временем создать себе другое, более подходящее положение [1].

И в следующем письме домой уже из *Москвы* Н.Ю. Зубова *написала*: «Дорогие мамочка и папочка. Варвара Сергеевна нисколько не была в претензии, что мне пришлось делать *экзамен раньше*. Мы сделали его в пятницу 18-го, а в субботу я выехала сюда. В школе меня ужасно все тронули, *проводили с букетом цветов и конфетами*. Варвара Сергеевна немножечко даже поплакала; значит, она меня любит. Я всех школьных и, особенно, Варвару Сергеевну оббрала: всем должна, и *все мне сами давали взаймы*, зная, что у меня нет денег, хотя все сами сидят без гроша. Я потеряла почти месячное жалование в школе, т. к. получила только за половину апреля. В проводах участвовали 4 ученика Н.Ю. Зубовой и Федоровы» [3]. Потом ученики писали Нине Юрьевне: «Неужели Вы не вернетесь к нам?» Нет, конечно. У Нины Юрьевны Зубовой начиналась новая жизнь!

Источники:

К главе II. (с учетом источников к главе I).

14. Афиши концертов Н.Ю. Зубовой (из семейного архива автора).
15. Отзывы о концертах Н.Ю. Зубовой (вырезки газетных статей и пр. из семейного архива автора).
16. Россихина В.П. Оперный театр С. Мамонтова. М.: «Музыка», 1985.
17. Зайцев М.С. Гаврила Соловьевников и его театр // Московский журнал. История государства Российского. 1998. № 11. С. 55-58.
18. Соловьевников Гаврила Гаврилович // Большая энциклопедия в 62-х томах. Т. 46. М.: «Терра», 2006. С. 499.

Глава III. Зрелые годы.

В оркестре оперной труппы в театре «Эрмитаж» в Москве

В Москве Н.Ю. Зубова остановилась в меблированных комнатах и быстро нашла подходящую комнату на углу Тверского бульвара и Малой Бронной улицы за 15 р. в месяц, благодаря летнему времени (зимой она стоила бы 25 р.). Сосчитала свои деньги: из 16 рублей – 5 р. за ночлег и переезд, 7 р. 50 к. за комнату вперед за полмесяца и в остатке 3 р. 50 к., которых едва хватит на неделю, а первое жалование должны заплатить только 16 мая. Так что пришлось просить «дорогого папочку» прислать хоть 20 рублей [3].

Первая репетиция оркестра новой частной оперной труппы Шишковского и Мамонтова Товарищества на паях Московской частной оперы под руководством М.М.Ипполитова-Иванова [16] состоялась 21 апреля 1903 года в театре «Эрмитаж». Н.Ю.Зубова заняла должность помощника концертмейстера 1-ых скрипок [19], тем не менее, писала домой: «Я мало опытна в оркестре, так что робею и не вполне все могу сыграть прямо с листа, но, может быть, привыкну. Около меня сидит опытный скрипач, хотя только в этом году кончил консерваторию. Помолитесь, дорогая мамочка, чтобы я оказалась годной в оркестре, потому что эти два месяца для меня важны, как проба и наука для зимы... Потому я и на зиму получаю место, что летом буду играть, а то бы Кочетов (дирижер Соловьевского театра) меня бы не принял. Мой контракт на зиму уже готов, подписан и лежит в бюро. Я его получу, когда буду в состоянии заплатить 7 р. 50 к. процентов за хлопоты бюро. Если я не явлюсь к 1 сентября, то плачу неустойку 180 рублей. В оркестре все очень приличные и вежливые; ко мне очень внимательны и заботливы, без тени ухаживания. Пока я одна барышня, но потом будет арфистка» [3].

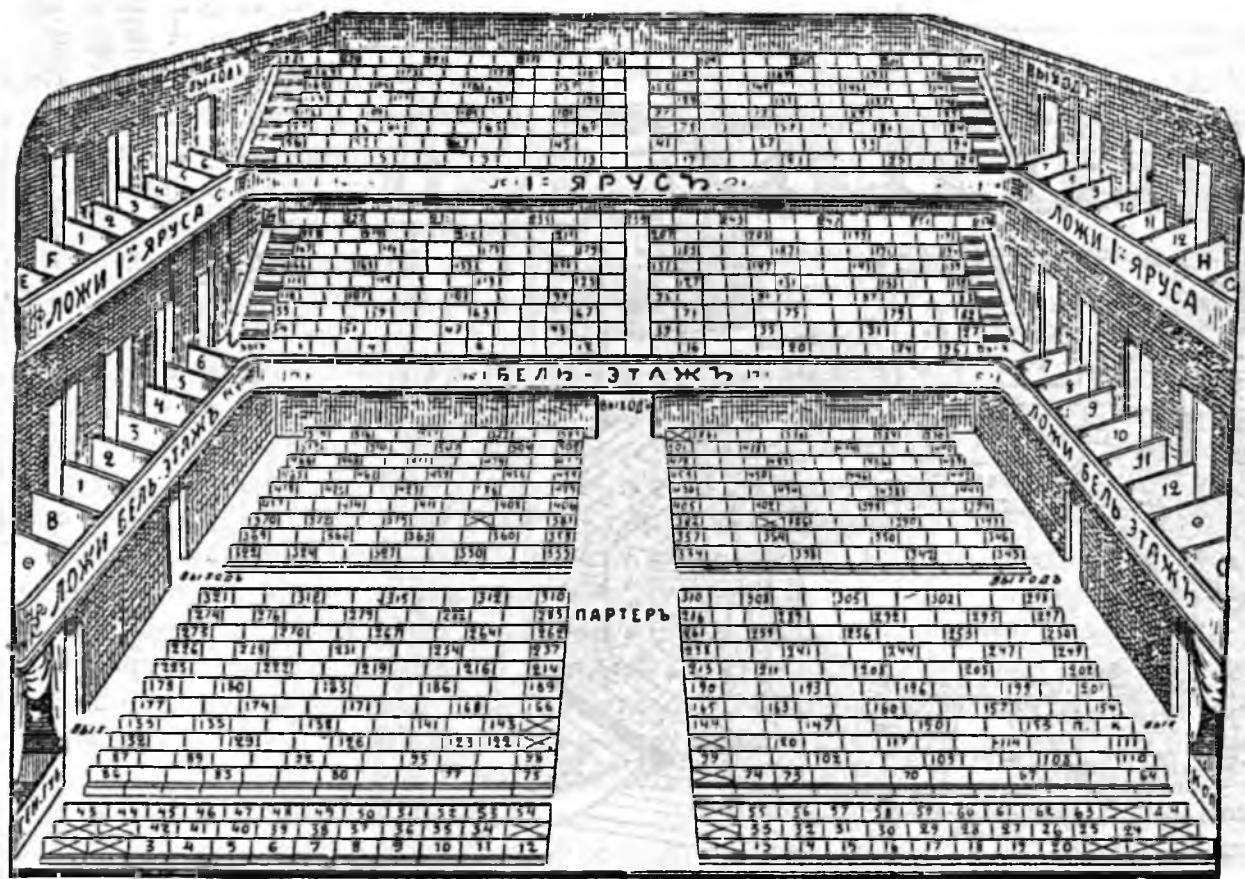
26 апреля в «Эрмитаже» был первый спектакль «Винзорские проказницы», а в репертуаре еще «Каморра», «Лакмэ», «Евгений Онегин», «Демон», «Риголетто» и другие оперы. *Каждый день репетиция и спектакль.* Из дома прислали деньги, и в ответ получили в письме следующее: «Дорогие мои мамочка и папочка, спасибо за деньги и за белье, и за все. Простите меня, ради Бога, что я до сих пор постоянно прошу у Вас помощи» [3].

Распорядок дня у Н.Ю. Зубовой был такой: «встаю в 9 ½ часов утра, пью кофе и ем яйца, потом иду на репетицию; в 4 часа возвращаюсь и обедаю; в 6 часов пью чай, в 8-ом иду в театр, возвращаюсь в 1 час ночи, пью чай и ложусь спать. Тяжело, что каждый день поздно ложусь». И еще: «Я пересела на 2-ой пульт», просила об этом дирижера, потому что я неопытна, а на 1-ом пульте ответственность велика, так что у меня вечно нервы напряжены. Я переменилась со скрипачом, который сидел на 2-ом пульте, и гораздо опытнее меня. Получаем мы одинаково. Теперь мне так спокойнее, ответственности никакой, и двое опытных скрипачей впереди. Мне очень нравится играть в опере» [3].

Для Костромской музыкальной школы Н.Ю. Зубова нашла вместо себя на будущий год скрипача-чеха; С Варварой Сергеевной в переписке. Сестра Ларя написала Нине: «За тебя страшно рада, что ты выбралась из Костромы». Но Н.Ю. Зубова там осталась многим должна и хлопотала теперь о том, чтобы занять рублей 30 на год, чтобы расплатиться хотя бы с частью из них, но денег ни у кого не было. К тому же, дела в частной опере не слишком хороши, т. к. труппу принял владелец театра и сада «Эрмитаж» Щукин, но «протянет ли до конца – не известно» [3].

Тем не менее, 1 июня Нина Юльевна писала: «Играем теперь «Онегина» и «Лакмэ». Опять репетиции, так что время летит незаметно. Вчера приходил ко мне один скрипач из оркестра, и мы с ним играли дуэты. Я плохо читаю с листа, и хотя техника у меня больше, но играю хуже него по той причине, что хуже разбираю. Вчера ставили «Демона». Очень трудная опера. Репетиция всего одна, так что я брала ноты домой и учила» [3]. А жить стала на Малой Никитской улице, д. 6, кв. 6 [3].

10 июня в театре шла опера «Риголетто». «Я играю с наслаждением, - писала Нина Юльевна домой, - потому, что люблю эту оперу». А 12-го неожиданно в Москву приехал отец Юлий Михайлович и был на спектакле. Опера «Риголетто» ему очень понравилась, оркестр тоже. В Вологде он погасил долг дочери, отдав Евлалии Алексеевне 25 рублей занятых у нее.

Планъ театра „Эрмитажъ“.

После отъезда отца Нине Юльевне стало особенно грустно и одиноко и очень захотелось домой. Ведь она привыкла жить в большой семье Зубовых, среди учеников Консерватории, родных и знакомых в Петербурге и, наконец, в дружном коллективе Костромской музыкальной школы. Так что, когда она стала жить в Москве одна, то положительно не знала «что делать в свободный вечер», ощущая большую потребность в общении со знакомыми людьми, которых в Москве у нее не было. К счастью, *в первых числах июля* она уехала домой, сначала *в Вологду*, а затем *в Кузнецово*, где ее с нетерпением ждали родители, братья, сестры и племянники. В это лето их всех собралось в Кузнецово особенно много [3].

В оркестре Солодовниковского оперного театра

В последних числах августа 1903 года Н.Ю. Зубова *вернулась в Москву*. Комнату сняла недалеко от Тверской улицы, в Малом Гнездниковском переулке в доме Спиридоновых, кв. 22, и опять вынуждена была просить у отца денег, чтобы заплатить за квартиру вперед и купить недорогую оркестровую скрипку за 35 рублей. Квартира обходилась в 25 р., обед в 12, 1 р. прислуге и 4 р. прачке. Кроме того, на молоко, хлеб, яйца, чай и кофе рублей 8. Итого около 50 рублей в месяц. Конечно, Нине Юльевне пришлось купить себе ботинки, шляпу, пояс и что-то из посуды, но она была полна решимости в ближайшие месяцы отдать долги костромичам и с октября начать посыпать хоть небольшие деньги отцу, который постоянно в них нуждался [3].

Контракт с дирекцией Кожевникова [17] *Большого Частного Театра Солодовникова* [18] у Нины Юльевны Зубовой *был заключен* еще весной. Театр представлял собой большое 6-этажное здание на Малой Дмитровке с тремя фойе, роскошным многоярусным залом на 3100 мест, глубокой сценой в 1000 кв. сажен и помещением для оркестра на 100 человек [17]. (Сейчас это всем известный Театр Оперетты). Построил его на свои средства и сдавал в наем купец 1-ой гильдии, предприниматель и меценат Гаврила Гаврилович Солодовников. Поэтому театр и назывался Солодовниковским. За свою благотворительную деятельность Гаврила Гаврилович получил чин действительного статского советника и дворянское звание [18].

6 сентября *работа в театре началась*. Как писала Н.Ю. Зубова, в этот сезон дирижерами были: «*Кочетов* – симпатичный, мягкий, воспитанный, но еще неопытный, а *Барбини* опытный, но очень сердитый... Оркестр... приличнее Эрмитажного летнего, но люди все те же, за небольшим исключением. У нас 3 скрипачки и арфистка. Одна скрипачка пожилая немка, а другая (на 2-ой скрипке) – консерваторка». Скрипка Н.Ю. Зубовой попалась удачная, и один скрипач оценил ее даже в 50 р. [3].

Первой оперой была *«Жизнь за Царя»*. Нина Юльевна писала домой: «Хотя я всегда любила эту оперу, но, играя сама, особенно оценила ее. Удивительно хорошо написана – это шедевр». На следующий день был только утренний спектакль, а через день и утренний, и вечерний, давали оперы *«Фауст»* и *«Евгений Онегин»*. Репетировали также *«Гугенотов»* и *«Пиковую даму»* Чайковского. «Все эти оперы очень хороши». Пели тенор Клеменьев, у которого «хороший голос, он умеет им владеть и хорошо играет...; хороший баритон Шевелев, хороший бас Трубин и недурное сопрано Клопотовская. Остальные плохи. Есть даже и хорошие голоса, но петь не умеют», - писала Нина Юльевна домой [3].

В конце сентября Н.Ю. Зубова *ходила на конкурс в Большой театр*, об оркестре которого мечтала. «Да, - писала она, - туда в оркестр поступить очень трудно. Надо безукоризненно сыграть часть концерта какого-нибудь и великолепно читать с листа» [3].

В первых числах октября в помещении театра Солодовникова шли *спектакли французской труппы* Коклена. Н.Ю. Зубова смотрела некоторые из них бесплатно, сидя в оркестровой яме. В *«Тартюфе»* понимала немало, но было не очень интересно. *«Жеманница»* же прошла великолепно, потому что французы «незаменимы в комедии». Спектакль *«Сирено де Бержерак»* оказался очень скучным, «французы в драме завывают так неестественно». И пока Нина Юльевна не была занята в своем оркестре, ей удалось побывать в Большом театре и услышать Шаляпина в опере *«Князь Игорь»* и затем быть во МХАТе на пьесе М. Горького *«На дне»*. «Играли чудно. Особенно хорош был Москвин в роли Луки-страницы и Качалов – барона. В субботу была на *«Мазепе»* Чайковского», а через несколько дней *«на концерте»*

Аузера, и потом ходила к нему в артистическую. Он был мил. Играли, конечно, великолепно... *Я хорошо себя чувствую в Москве*, - писала Н.Ю. Зубова домой [3].

Юлий Михайлович написал в октябре: «Мы с мамочкой от всего сердца желаем, чтобы Солодовниковский театр затмил собою остальные, чтобы оперы в этом театре, а в особенности оперный оркестр, были признаны по достоинству силы и экспрессии – первым в мире.

Да процветает твой оркестр
И звуки этой милой скрипки,
Пусть вызывает весь семестр
У всех и слезы и улыбки.

Как будто издали сейчас
Я эти звуки ясно слышу
И в восхищении много раз
Целую милую Нинушу» [3].

Тем не менее, *денег на жизнь не хватало, и пришлось искать уроков*. Ученик почтенных лет хотел бы играть в оркестрах в ресторанах и на балах, и Н.Ю. Зубовой было неинтересно подготавливать его в «халтуру», но отказаться от 10 р. в месяц она не могла. Ей очень хотелось посыпал отцу хоть по 10 р. в месяц, но непредвиденные расходы (посещение доктора, лекарства, покупка необходимой одежды, помочь сестре Лизе) никак не позволяли ей это сделать. А из дома писали: «Папочка не думает с тебя брать деньги, не считай, что ты должна ему, он очень рад дать, когда у него что есть. Папочка так любит тебя» [3].

В середине октября в Солодовниковском театре была поставлена опера «*Кавказский пленник*» Кюи и подготавливались «*Нерон*» и «*Купец Калашников*» Рубинштейна и «*Андрей Шенье*». *Каждый день были репетиции и шли спектакли*, так что времени свободного почти не было, но все-таки Нина Юльевна старалась бывать у некоторых своих знакомых. Однако эти визиты не заменяли ей тоску по дому, и она почти в каждом письме просила маму приехать к ней, отдохнуть и бесплатно побывать в опере. Но денег на поездку у Софии Петровны не было, и она писала дочери о том, чтобы она не бралась ни за какую работу летом, а приехала на 5 месяцев отдохнуть в Кузнецово, т. к. ее переутомление уже начало сказываться [3].

В ноябре отец писал дочери: «Зина рассказала нам о тебе, что *так много* у тебя *работы, что нет почти минуты свободной*, особенно когда в один день дают два спектакля... А если еще в этот же день заниматься с учениками, давать уроки, так на это не только времени, но и сил никаких не хватит. Поэтому мамочка совершенно справедливо дает тебе совет: если не совсем бросить педагогическую часть, то хотя (бы) отказаться от второго урока. А я думаю, что не мешало бы и от первого отказаться, т. к. если окажется свободное время, то гораздо выгоднее заняться собственным совершенствованием, чем чужим... Вот почему я прошу тебя не стесняться теперь тем, что ты мне должна, ...вполне убежден, что в случае, если тебе удастся стать настоящей замечательной солисткой, то, быть может, ты получишь возможность внести мне сразу весь твой долг из выручки с одного удачного концерта». А Софья Петровна приписала: «Ведь так ты можешь заболеть. Пожалуйста, откажись (от уроков) и успокой меня» [3].

Родители поздравили Нину с Днем рождения и наступающим Рождеством и Новым годом и советовали устроить перерыв в работе, когда кончится контракт, приехать в Кузнецово и отдохнуть [3].

Новый 1904 год Н.Ю. Зубова встретила в Москве. В январе в Солодовниковском театре дирижировал выписанный из Италии композитор *Масканьи*. «У него очень интересное артистическое лицо и дирижировал он с таким темпераментом, что пот лил с него ручьем. Шла его опера «Сельская честь» и (было) концертное отделение». В конце января гастролировала *Вяльцева*. У нее очень хороший голос, но поет как любительница, играет плохо, но сама очень интересная. ...для оперной сцены она не годна, хотя, Бог знает, может быть выиграется. У нее нет никакой школы». А *когда началась Русско-японская война*, то *сборов в театре почти не стало*. «Даже Вяльцева, которая опять пела, не сделала сборов. Она пела на нашем бенефисе, т. е. бенефисе оркестра и хора за 500 р., но сбор был так мал, что пришлось бы нам платить из кармана, так что она отказалась от платы. Дирекция взяла с нас

1650 р. – вечеровой расход. На самом деле, вечеровой расход меньше, но с кого же и драть, как не со своих? Это и сделала дирекция» Но «...говорил за нас дирекции артист Шевелев, чтобы они взяли меньше с нас за театр, т. к. сбор был очень невелик. Тогда они опустили за театр, взяли только одну тысячу, и нам досталось по 7 р. 50 к. на брата. Вяльцева пела даром. Зато потом **на 1-ой неделе Поста** были отменены все репетиции, и **дирекция ничего не платила** артистам, хору и оркестрантам [3].

В начале января Софья Петровна написала дочери, что поскольку ее контракт кончается 4 апреля, то самое лучшее для нее – это приехать в Кузнецово и отдохнуть 5 месяцев, не заключая контракта на лето. Отдохнув, можно будет подготовиться и к конкурсу. Отец был более категоричен: «Если ты так устаешь, то тебе необходим отдых, докторское свидетельство и замена кем-нибудь, чтобы не платить неустойку... (Может) на Страстную неделю ты получишь возможность приехать и отдохнуть хоть несколько дней в Вологде или Кузнецово? Мне очень жаль тебя, и я не знаю – как помочь тебе, хотя и рад бы все сделать, что от меня зависит... Знаю только, что если весною вы с Мишой, при участии еще 2-3 чтецов и певцов, дали бы концерт в Вологде, то выручили бы, наверное, рублей 300-400 и в Кадниково рублей 100!» А в следующем письме прибавил: «Милая Нинуша, как бы это было хорошо, если бы ты приехала к нам хоть в Великий Пост. И в Вологде, и в Кадниково можно было бы дать концерт в пользу военных нужд» (в связи с Русско-японскими военными действиями) [3].

Но пока уехать домой Нине Юльевне не представлялось возможным. В конце января **Н.Ю. Зубова стала членом Общества взаимопомощи оркестровых музыкантов**. Членский взнос 6 р. и еще 5 р. вступительный. «Не записаться нельзя, - писала она домой, - т. к. уже тогда никакого места не получишь. Это очень целесообразное и необходимое для музыкантов учреждение... Председатель Липаев (играет на тромbone в Большом театре), видно, чрезвычайно хороший, бескорыстный труженик на пользу этого дела. Членов примерно 200 человек. Теперь Комиссия приступит к выработке нормального контракта, т. к. теперешние пишутся в пользу антрепренеров» [3].

В середине февраля Нина Юльевна провела **один из приятных и полезных вечеров** у **знакомых** Чалеевых. **Играли и пели** до 2-х часов ночи. Нина Юльевна писала: «Я была со скрипкой. Там была одна дама, аккомпаниаторша Большого театра. Она мне сказала, что у меня **хороший тон и техника**, но я не умею фразировать. Я ей рассказала, что все 6 лет, как кончила Консерваторию, жила в провинции и никогда не имела под руками хорошего аккомпаниатора, так что все время и не имела терпения работать, как следует, т. к. надоело одной играть, никогда не имея полного представления о вещи. Она сказала, что я не должна бросать, что у меня видны способности, что мне **надо**, хоть понемногу, но **каждый день играть, играть как можно больше с аккомпанементом и постоянно слушать скрипачей**. Что если я не имею возможности слушать и играть много, то хорошо бы мне брать уроки – **для фразировки проходить мелкие вещи**. Мне приятно было слышать от такого компетентного лица признание за моей способностей. Я знаю, что эти 6 лет прозябания в провинции были остановкой страшной, потому что я раз в год только слышала какого-нибудь скрипача, что ничто для музыкального образования. Потому-то я так и стремилась в столицу. Да, меня **пригласили участвовать в благотворительном концерте**. Этой даме я сказала, что боюсь критики. Она мне сказала, что и пускай выбранят, это не худо, а очень полезно. Я согласилась. Предполагается 7 марта. Помолитесь, дорогая мамочка, чтобы я не осрамилась перед московской публикой. Вообще **концерты**, как и в других местах, так и в Москве, **денег не дают**, часто даже в убыток, но зато **дают имя**, благодаря чему **получаешь уроки в музыкальных школах и частные**. Концерт был «отложен по болезни самого устроителя», но по состоянию здоровья Н.Ю. Зубова **выступить** все равно бы **не смогла** (у нее сделался флюс на левой щеке). По этой же причине она **отказалась от предложения Кружка играть в концерте в Костроме** [3].

У Соколовых Нина Юльевна познакомилась с **пианисткой**, которая предложила **играть сонаты**, что «чрезвычайно полезно, и приятно». И далее: «У меня здесь есть знакомый, который мне в прошлом году аккомпанировал в Костроме. Он охотно бы играл со мной даже без платы, но у меня **нет пианино**. Надеюсь в будущем году пианино иметь непременно. Если бы у меня были деньги, я на лето пригласила бы консерваторца для аккомпанемента. Господи,

хоть бы нам выиграть! Я бы тогда взяла здесь несколько уроков у Фидельмана – это знаменитый ученик Ауэра. Он здесь концертмейстер Большого театра. И потом мне, как ученице его, легче было бы попасть в Большой театр. Он бывает в комиссии на конкурсах» [3].

В конце февраля стало известно, что с 4-ой по 7-ую недели Поста оркестранты Солодовниковского театра будут совершенно *свободны*, даже от репетиций. Таким образом, Н.Ю. Зубова *недополучила 70 р.*, и поэтому *поехать в Вологду* на это время и на Пасху, когда должна была состояться свадьба сестры Лари, *не смогла*, т. к. истратить даже 10 р. (при возможном даровом билете на поезд) не имела возможности. А 15 р., которые она предполагала получить за урок на фортепиано 4 раза в неделю, уже были предназначены на прописанное ей вспрыскивание мышьяка от малокровия, после которого нужно принимать еще железо и солевые ванны. «Вообще, - писала Нина домой, - мне хочется за лето совершенно вылечить свое малокровие, чтобы и речи о нем не было и чтобы каждую весну не приходилось себя подправлять и всю зиму скрипеть» [3].

А когда 14 апреля закончился контракт Н.Ю. Зубовой с Солодовниковским театром, то она никак не могла выехать из Москвы, пока не решится *вопрос о месте ее службы на будущий сезон*. и временно жила у Чалеевых. Хозяйка пела в Большом театре, так что Нина Юльевна два раза слушала ее из даровой ложи в «Русалке» и в «Пиковой даме». Домой она писала: «Я с начала апреля ничего не получаю, и уроки давно кончились. Но остаюсь (в Москве) я, главным образом, для того, чтобы немного подвинуться в своей музыкальной карьере. Солодовниковский театр был только ступень. *Постараюсь попасть в Народный Оперный Дом*, который будет с осени. Это казенное предприятие. Два раза в неделю спектаклей не будет; значит, я буду свободна, и буду и сама работать, и (давать) уроки. *В Музыкальную школу Визлер я принята* и, вероятно, с осени будут ученики. Народный Дом будет для меня второй ступенью, а потом *буду стремиться в Большой театр*. Если второй год буду в Солодовниковском театре, то он пропадет даром, и я в этом году не продвинусь к намеченной цели. В Императорском театре субботы свободны, также Пост и с 1-го мая по 1 сентября, а жалование круглый год. Вот к чему я стремлюсь... *Попасть в Большой театр – это навеки устроиться, все равно, что выйти замуж*. Тогда все Ваши заботы обо мне кончатся. Я даже могу выслужить пенсию». Мечты мечтами, а *уехать в Вологду* Н.Ю. Зубовой удалось только в середине мая, так и *не получив места* на будущий год [3].

Лето она провела в Кузнецово, стараясь поправить свое здоровье, и, конечно, занимаясь на скрипке.

В оркестре Оперного театра Зимина

Вернулась в Москву Нина Юльевна в первых числах сентября 1904 года, 2-3 дня жила у сестры Лизы, потом сняла комнату в Малом Кисловском переулке, в доме Якунчикова, кв. 2. По рекомендации знакомых поселилась у трех женщин, и в их милой семье решилась жить на полном пансионе за 40 р. в месяц. Нина Юльевна была очень довольна своими хозяевами. «Обе барышни очень милые, - написала она домой. Одна консерваторка, и мы с ней раза два играли. Она мастерица делать прически, только для модной прически надо валик из волос. У меня есть свои волосы. Не пошлете ли мне их просто в письме?» Что касается работы, то пока был только *один ученик* в Музыкальной школе Визлера [3].

Для получения места в одном из московских оркестров Н.Ю. Зубова *обратилась в Общество взаимопомощи оркестровых музыкантов* с просьбой устроить ее в частную оперу Зимина в «Аквариуме». Когда оказалось, что опера Зимина будет не три раза в неделю, а каждый день, то председатель Липаев уже не имел Н.Ю. Зубову в виду. Но сделал такую комбинацию: записал к Зимину в оркестр скрипача Дубинина из Народного Дома и предложил ему место, с тем, чтобы он уступил Нине Юльевне свое, но тот отказался. Благодаря этому, *в оркестре Зимина осталась вакансия, и Н.Ю. Зубова согласилась на нее*, хотя оклад был всего 80 рублей. Липаев как-то устроил так, что ей положили 90 рублей в месяц и выдали книжку. Домой она написала: «Я очень счастлива, что все-таки удалось получить место, потому что, хотя и трудная служба (такая же, как в Солодовниковском театре), но, во-первых,

я напрактикуюсь и зарекомендую себя, как оркестровую скрипачку; во-вторых, насмотрюсь хоть опер. А если бы сидела без места, то, в конце концов, пришлось бы уехать. Теперь я обеспечена, что не буду голодать» [3].

Сергей Иванович Зимин (1876-1942) имел природный бас и в молодости брал частные уроки пения у Николая Павловича Миллера. Он обожал оперу и старался не пропускать спектаклей Частной русской оперы Мамонтова. В 23 года он уже мечтал о создании своего оперного театра и обучался этому делу за границей, побывав в Берлине, Вене, Риме, Неаполе, Милане и Париже. В 1904 году С.И. Зимин *организовал оперный театр* путем слияния труппы созданного им летом этого года в Кускове кружка любителей музыки и пения из солистов Большого театра и лучшей части коллектива Товарищества на паях Московской частной оперы [20, 21]. С.И. Зимин *называл себя продолжателем дела С.И. Мамонтова* и с 1905 года каждые 5 лет отмечал юбилей открытия его театра в 1885 году [16]. Внимание и чуткость, с которыми Сергей Иванович относился к нуждам служащих, было его фамильной чертой [20].

Оперный театр Зимины стал одним из крупнейших в России, в котором сосредоточились лучшие художественные силы Москвы и сохранялись традиции русской частной оперы Саввы Ивановича Мамонтова. Это целостность и осмысление драматического действия оперных спектаклей с высоким музыкальным уровнем исполнения ансамблем солистов, хора и оркестра в рамках художественно выполненных декораций [20, 22]. *Музыкальным руководителем и главным дирижером* театра *стал ученик Римского-Корсакова и Давыдова, пропагандист русской классической оперы Михаил Михайлович Ипполитов-Иванов* (1859-1935) [21, 23]; *дирижерами были М.М. Багриновский и М.М.Бородай; режиссером спектаклей певец П. Оленин, а художниками-постановщиками И.Билибин, П. Кончаловский, В. Поленов и другие талантливые живописцы* [24]. Солистами были выдающиеся певцы, в том числе и итальянские, и С.И. Зимин ежегодно устраивал им бенефисы [20].

Первый сезон 1904-1905 гг. В середине сентября *в театре «Аквариум» начались репетиции «Майской ночи» Римского-Корсакова, «чудной, дивной музыки».* Оркестр состоял из 45 человек, членов Общества взаимопомощи оркестровых музыкантов; *дирижер М.М.Ипполитов-Иванов* [20]. Н.Ю. Зубова была *рада, что играла в его оркестре*. Каждый день было *по две репетиции все новых и новых опер*, что, конечно, было интересно. Поэтому день Нины Юльевны складывался так: утром она шла на репетицию, а два раза в неделю еще до репетиции давала урок в Музыкальной школе; возвращалась около 4-х часов и два раза в неделю тут же шла на урок в школу, после чего едва успевала выпить чаю перед вечерней репетицией. При такой работе в опере за 1-ую, 4-ую и 7-ую недели Поста у оркестрантов вычитали жалование, а в Музыкальной школе за весь год заработка составлял всего 100 рублей, на которые нужно было прожить половину апреля и весь май месяцы [3].

В опере Зимина всегда *было очень много работы*, потому что шли новые оперы, что «полезно и приятно». Нина Юльевна написала домой: «Я чувствую, что *стала сильнее в оркестровой игре*, и теперь *не побоялась бы сидеть на первом пульте*. Это теперь моя цель, но как ее достигнуть? Это очень трудно. Помолитесь, дорогая, чтобы это исполнилось. Тогда я и получать буду больше, а пока мои финансы все не могут прийти в порядок. Я взяла *еще один урок в женской гимназии*. Я получаю 3 р. за урок один раз в неделю, из них 1 р. проезжаю на извозчике. Взяла этот урок, т. к. очень важно пристроиться к женской гимназии. На извозчиков я трачу 20 р. в месяц, т. к., кроме ежедневных репетиций и спектаклей в театре, я хожу 4 раза в неделю в школу для 2-х учеников и 1 раз езжу в гимназию. Понятно, что не только нет времени, но нет и сил всюду ходить пешком. Так что *все, что я получаю с уроков, я трачу наезду*. Казалось бы, тогда не надо давать уроков, т. к. остается еще усталость, которая не оплачивается. Но таких уроков, как в Музыкальной школе, нельзя бросать, т. к. слишком трудно получить их, а *они важны для будущего*. Прогори наша Опера, у меня есть маленькое, но основательное место. Пока 11 р. в месяц, может, и прибавиться в будущем» [3].

При таких доходах сшить черное платье и поправить белое (*для концерта с Хорошевской 18 декабря*) Н.Ю. Зубовой было не на что, а также не было денег ни на доктора, ни на массаж, за который она уже задолжала. А черное платье было нужно для перемены, т. к.

Михаил Михайлович Ипполитов-Иванов (1859-1935) -
композитор и дирижер оркестров: новой частной
оперной труппы Шишковского и Мамонтова
Товарищества на паях в театре «Эрмитаж» в 1903 г.
и Оперного театра Зимина с 1904 г.
(Ипполитов-Иванов М.М. 50 лет русской музыки
в моих воспоминаниях М., 1934).
Сергей Иванович Зимин (1876-1942) (справа) –
организатор и директор Оперного театра Зимина [20].

пока она носила только одно Катино после ее смерти. Так что опять пришлось просить папочку прислать немного денег, но прислала мама 15 р. Вместо переделки белого платья портниха посоветовала сделать из Нининого шарфа черный кружевной лиф на желтом канаусе, а юбку к нему надевать от черного платья, которое уже начала шить [3].

Это было очень кстати, потому что *Хорошевская пригласила* Н.Ю. Зубову *играть в концерте еще и 2-го января*. К сожалению, из-за болезни, так называемой инфлюэнции, участвовать в декабрьском концерте Нина Юльевна не смогла, и только в последних числах декабря, сильно закутавшись, вышла на работу в театр. *На Рождество* каждый день там давали *два спектакля*. Тем не менее, удалось побывать у сестры Лизы и навестить некоторых своих знакомых – Соколовых и Шумилиных [3].

Новый 1905 год начался для Н.Ю. Зубовой более чем неудачно. У нее образовалась *флегмона на ноге*, и хирург вынужден был сделать разрез, а доктор потом долгое время ежедневно делал перевязки. Так что *играть* в концерте с Хорошевской 2 января и некоторое время в оркестре в театре Нина Юльевна *не могла*. К счастью, *из жалования* за пропуски ничего *не вычили*, и только заведующий при каждом удобном случае напоминал ей, что она пропустила 18 спектаклей. Чтобы не тратить деньги на извозчиков и быть ближе к театру, *пришлось переехать на другую квартиру* по адресу: Большая Садовая ул., д. 167 Титовых, кв. 11. Теперь она могла раньше ложиться и позже вставать. Комната оказалась лучше прежней, с уютной обстановкой и обедом за 15 р. Утром самостоятельный завтрак, в 3 часа обед, в 7 часов перед спектаклем легкий ужин из оставшейся части 2-го блюда и чая и на ночь молоко – вот и весь рацион [3].

В театре с дирижером Зеленым репетировали оперу «Мюгетт», а потом «Заза» (сходную с «Травиатой»), но Н.Ю. Зубова *не оставляла и уроков*. Благодаря этому, *Музыкальная школа Коваленской пригласила ее играть на их музыкальном вечере трио Бетховена и квинтет Шумана*. В трио Н.Ю. Зубова играла 1-ую скрипку, а в квинтете 2-ую. Мадам Коваленская *похвалила ее тон и технику*, но сказала, что в камерной музыке она еще неопытна, т. к., наверное, больше привыкла играть одна. За концерт с репетицией Нина Юльевна получила 10 рублей. Это было очень кстати, потому что доктор, чтобы избежать повторения опухолей, прописала массаж в течение не менее 3-х месяцев, что обошлось бы в 60 рублей. Страшно было подумать где взять деньги, если в театре за 3 недели Поста не будут платить жалования, а после окончания театрального сезона нужно будет прожить в Москве еще месяц, пока не кончатся уроки в Музыкальной школе, при заработке там всего в 11 р. Надеяться можно было только на «папочку», который, конечно, прислал кое-что дочери из своих последних средств [3].

На масленице Нина Юльевна была в гостях и *играла сонаты* с одной знакомой. Затем в театре начали давать *по два спектакля в день* и разучивать оперы «Ураган» французского композитора Брюно и «Орлеанскую деву» Чайковского. «Последняя – прелестная опера, а «Ураган» - очень дикая, декадентская музыка», - решила Н.Ю. Зубова [3].

В начале апреля у Нины Юльевны *опять сделалась флегмона*, и снова хирург делал разрез, а потом потянулись ежедневные перевязки. В этот раз *жалование* за пропуски спектаклей *театр ей не заплатил*. А *24 апреля театральный сезон закончился* совсем, а будущее Н.Ю. Зубовой было неясно. Поэтому выехать из Москвы она не могла, пока не решаться ее дела на будущий сезон и не пройдут экзамены в Музыкальной школе [3].

Став немного свободнее, Н.Ю. Зубова приняла участие в двух концертах: играла с Хорошевской *Сонату Грига* в *Педагогическом собрании* и в *квинтете Шумана* в *«Камерном утре пианистки Коваленской»* в *Историческом музее* [3].

В первых числах мая *экзамены в Музыкальной школе* прошли. Одного ученика Н.Ю. Зубовой перевели из Приготовительного класса на 1-ый курс, а другой ученик из-за болезни экзамен не держал. На будущий сезон Н.Ю. Зубова *осталась служить в той же дирекции театра*, но в другом помещении. Заведующий совсем было выжил ее из оркестра, но дело устроил М.М. Ипполитов-Иванов – ей дали *контракт на 2-ую скрипку* и обещали, что осенью прибавят 4-ый пульт 1-ых скрипок и дадут ей место там. Нина Юльевна могла бы уже выехать в Вологду, но было не на что. Не зная, когда уедет, она пока переехала в том же доме в маленькую комнатушку № 12, за которую платила 50 копеек в сутки [3].

И, вдруг, 1-го мая у Н.Ю. Зубовой уже *в третий раз* за эти несколько месяцев опять *развилась флегмона*. Снова в лечебнице делали разрез, снова начались перевязки, теперь уже на дому, потому что невозможно было даже двинуться. Спасибо, что за ней ухаживала ее знакомая массажистка – умывала, меняла белье и пр. Причем на насущные потребности деньги Нине Юльевне приходилось занимать у ее же фельдшерицы, которая велела лежать, по крайней мере, до 10 мая. 11 мая Нина Юльевна переехала к сестре Лизе в Хлудов тупик, но болезни и доктор еще не отпускали ее до конца месяца. Причем, и дома, в Кузнецово ей было предписано быть на воздухе, но, в основном, лежать. Значит, нужен был еще и гамак! [3].

Июнь и почти весь июль Нина Юльевна провела *в Кузнецово*. Видимо, она уже боялась, что не сможет служить. В это время *брат Миша*, стараясь поддержать ее, *писал*: «Милая Нина, какая же это будет служба зимой, если ты теперь лежишь целыми днями? ... В Кузнецово ты не будешь себя чувствовать лучше... Там все будет идти совсем иначе, чем нужно для твоего здоровья, спокойствия, отдыха и проч. Там будет только одно прокисание, которое не укрепит тебя, а ослабит... Тебе нужно новых знакомых, чтобы потянуло свежим ветром. Если будешь уставать – ничего, это пойдет тебе в пользу, на укрепление. Не прерывай цепочки (т. е. *не бросай работу*); начинать всегда трудно, переходить с одного на другое легче. Под лежачий камень вода не течет. Себя поддержать можно и религией и юмористикой. Смешное рассеивает слепоту, которая нападает на человека во время уныния... При тоске или грусти тело человека почти не питается; при веселом или нескучном настроении ...обмен веществ (усиливается). Тоска еще тем худа, что из нее трудно самому выбраться, прекратить ее, она засасывает. Веселость же может быть прекрасна, оставляя после себя бодрый аппетит к занятиям и чувство отдыха. Тебе *нужно справиться с собой – самой, одной*. Если не сумеешь, отступишь – позор, поражение, малодушие. Имей еще в виду, что инерция действует не только в движении, но и в чувствах, в настроении, в мыслях, в занятиях, в знакомствах, в службе, словом, везде. Этим козырем следует пользоваться. Читай юмористические книги, делай знакомства, лечись, служи, давай уроки, спи, гуляй, просто сиди на воздухе. *Не отступай перед трудностями*. Опасность пробуждает весь запас сил, соболезнования могут усыпить все силы, отнять энергию... Поступай вполне самостоятельно. Все, что написал, проверил опытом или, лучше сказать, вывел из него. Целую тебя» [3] И Нина, видимо, прислушалась к советам брата. В один из дней *в Кадниково*, в театре отца, она *аккомпанировала (на скрипке) певицам*, Марии Поповой-Введенской и Ивановской, после чего выступал Юлий Михайлович, который читал стихи и «был очень интересен во фраке и белых перчатках» [3].

Родители *решили*, что для укрепления здоровья дочери *ее* нужно *отправить* со знакомыми Писаревыми *в Крым*. Софья Петровна дала свой «выигрышный билет», на который много лет никогда ничего не выпадало. Оля в Вологде заложила билет в банк за 275 рублей, но с процентами получила на руки 281 р. 2к. Нина взяла себе 275 р., из которых 65 р. отослала Варваре Сергеевне (видимо, старый долг) и 50 р. отложила на дорогу и первое время жизни в Москве [3].

29 июля Нина Юльевна *писала* уже *из Алушты*: «Мы приехали в Проф.(илактический?) уголок 28-го в 5 часов дня. Шура (Писарева) ужасно мила со мной и заботится о моем здоровье. Природа здесь красавая, но ничего необыкновенного. Но море – это просто восторг. Можно часами сидеть и смотреть на него. Жара стоит ужасная, но, сидя у моря, ее легко переносишь, дышишь полной грудью. Дача Коломийцева очень интересная, масса балконов, лестниц, переходов. Обедаем в саду, т. к. в этот час стол уже в тени. Хозяева симпатичные... Стол стоит 45 р. в месяц. Стол хороший, т. е. в 9-11 часов чай или кофе и булки с маслом; в 1-30 – обед и через полчаса чай (пустой или с лимоном); в 7 часов ужин и через полчаса чай. Всего народу за *table d'hotе* человек 35. ...мне придется покупать молоко, чтобы питаться чаще, а главное, я без молока жить не могу. Сегодня взяла первую ванну. Каждая ванна стоит 60 к. Я жалею, что мне нельзя купаться» [3].

В Алуште Н.Ю. Зубова как-то *играла* с неплохой *пианисткой* для общества. Потом сыграли *несколько скрипичных сонат Бетховена*. *Все остались очень довольны игрой* Нины Юльевны. В письмах домой она так описывала местные нравы: «ничто не запирается – ни ворота, ни подвал, ни двери дома; целый день толкуются разносчики с фруктами, газетами,

чадрами и т. д., и совсем нет воровства. Обедаем в саду, и тут же являются: то граммофон, то петрушка, то шарманка. Раз был очень хороший *уличный скрипач*, которому аккомпанировал арфист. Вообще это, вероятно, вроде Италии». Поездка в Крым помогла Н.Ю. Зубовой поправить свое здоровье [3].

Второй сезон 1905-1906 гг. В последних числах августа 1905 года *письмо* родителям в Кузнецово пришло уже из Москвы, из Малого Кисловского переулка, дома Серебрякова, кв. 21. Н.Ю. Зубова была очень *огорчена тем, что* новое помещение театра было настолько тесно, что не позволило прибавить в оркестре 4-ый пульт для 1-ых скрипок. Теперь она должна была всю зиму играть *во 2-х скрипках* с окладом в 75, а не в 90 р., причем, только до Поста. Таким образом, достаточно тяжелая служба в оркестре, когда репетиции и (или) спектакли по два раза в день, превращалась для нее в каторгу. Дело в том, что «1-ая скрипка, как ведущая мелодию, и по технике все-таки представляет интерес; играть же 2-ую скрипку – это, все равно, что мостить мостовую; словом, не только не интересно, а утомительно до сумасшествия», - написала Нина Юльевна домой. Но другого способа зарабатывать деньги в Москве у нее не было, т. к. в *Музыкальной школе* остались все те же *два ученика*. Немного позже добавилось еще два, но это не меняло дела [3].

Тем не менее, кто-то предложил Нине Юльевне *урок у нее на дому*, и ей пришлось переехать в большую по размеру комнату по адресу: Никитская улица, Средняя Кисловка, дом Елагиной, меблированные комнаты Федорова, № 4. Все, что Н.Ю. Зубова должна была получать с урока, равнялось доплате за новую комнату, но она, все равно, не хотела отказываться от него, надеясь в будущем расширить круг своих учеников. Завтрак Нина Юльевна готовила на спиртовке, а обед ей приносили от прежней хозяйки, т. к. это было рядом, но, главное, близко от театра [3].

В середине октября *начались беспорядки*. «В Москве, - писала Нина Юльевна в Вологду 21 октября, - градоначальник дал обещание, что не тронет толпы, а вчера около университета *казаки стреляли в толпу*, которая шла тихо с похорон одного политического деятеля, убитого в день объявления Конституции. *Много убитых и раненых*. Ужасно все это действует на настроение. Переехав в новую квартиру, я ожидала 2-х уроков, которые окупили бы и лишнюю плату за комнату и пианино, которое я могла бы тогда взять и которое пришлось бы взять. Но благодаря всем этим ужасам, никто не пришел, что очень невыгодно». *Teatr Зимина неделю не давал спектаклей*, но репетиции были, и *оркестрантам* все-таки *заплатили половину жалования*. А учебные заведения были распущены до 24 октября, и *Музыкальная школа не работала*. Письма домой и из дома не шли из-за забастовок на Ярославской железной дороге. Когда же письмо из дома пришло, то стало ясно, что мама испугалась за Нину и написала, что она *«меньше бы нуждалась в провинции»*. В ответ Нина Юльевна привела свои доводы: «Я не могу переехать в провинцию, потому что не могу своими руками разрушить все, что сама создала. Я потратила столько энергии, что у меня уже больше ее не хватит на искание опять где-то нового. И не могу же я всю жизнь кочевать. Может быть, судьба и заставит перейти в провинцию, но *своей волей я этого не сделаю*. А когда все успокоится, постараюсь *«выскрести»* на объявления, может быть, они и принесут мне хотя (бы) один урок. ... Несколько лет я бы хотела здесь продержаться». Ко всем бедам прибавились еще зубная боль и необходимость ежедневно посещать дантиста [3].

Но у Н.Ю. Зубовой была и *мечта*. «Когда я буду иметь лишние 25 р. в месяц, - писала она домой, - то попробую *учиться петь*. Соколова-Фрелих пробовала мой *голос* и сказала, что он у меня *есть*, но сказать какая будущность его ожидает, можно только через несколько месяцев ученья. Конечно, через несколько лет мне уже поздно будет думать о пении, годы уйдут. Не думайте, дорогушка моя, что это фантазии. Мы с Петей – двое из нашей семьи не фантазеры, а практические люди. С тех пор, как я в Москве живу совершенно самостоятельно, я узнала жизнь и людей. Иллюзий у меня никаких нет, я даже теперь, пожалуй, пессимистка. А на *пение*, во-первых, смотрю с чисто практической точки зрения – как на *подспорье к моей скрипке*, как на лишнюю профессию... Если бы моя мечта удалась, то она удовлетворила бы меня также с эстетической стороны» [3].

Софья Петровна, конечно, пожелала дочери, чтобы ее мечта осуществилась, а в ответ получила отрезвляющее: «Этого никогда не случится, т. к. для этого нужны деньги. У меня

Dara kocsi utca 5.

нет лишних даже 8 руб. в месяц на пианино, а, между тем, имея пианино, я **могла бы**, может быть, **получить аккомпанементы певцам**, начиная с учеников и учениц консерватории и филармонии, т. к. у меня есть знакомые поющие, которые, если бы попели у меня, может быть, мне и нашли бы подобные уроки. А **на этом можно много зарабатывать**» [3].

Однако политические события корректировали личную жизнь людей. 14 декабря Нина Юльевна писала: «Теперь **в Москве революция. В театре** с 7-го декабря **ничего нет**, хотя **Зимин** был так благороден, что решил, пока возможно, не прекращать дела, и т. к. спектаклей нет, то **за репетиции обещал платить половинное жалование**. Но и репетиции еще не могли состояться, т. к., хотя назначаются каждый день в 11 часов утра, но более половины (оркестрантов) нет, и **расходится ни с чем**. Очень может быть, что и на Рождество не откроем театра, как предполагали. Тогда, может быть, и Зимин совсем закроет театр. **Соловьевский (театр)** уже закрылся, как только опять началась забастовка, и какая масса народа осталась без заработка. Революция считается форс-мажор. Вообще с финансами плохо. С хозяином поторговалась, и он мне сбавил, а **обеды в долг дают**, слава Богу. Не знаю, дойдет ли это письмо и когда дождется очереди – почтамт завален» [3].

Юлий Михайлович писал в это же время дочери: «Милая Нинуша. Революция в самом разгаре. **В Вологде в театре** Общества «Помощь» не дают более **никаких спектаклей**, а **только собираются митинги революционеров** и пропагандируются разные ужасы (Так я слышал, по крайней мере; теперь едем туда, узнаем подробнее.). О пропаганде между крестьянами в нашем уезде я подробно написал Лизе 2 декабря. По слухам забастовки почты мы не могли тебя поздравить (с Днем рождения), чем мамочка была очень огорчена. Да, и теперь не знаю – каким способом отправляю тебе это письмо. Забастовки эти – страшное дело. Из-за них теперь нельзя послать проценты в Дворянский банк за (заложенное) Кузнецово. Из-за них теперь приходится нарочно ехать в Вологду, чтобы уплатить проценты в городской банк. (Правда, что зовут еще туда на совещание по слухам беспорядков в Вологодском уезде.) А с нового года из-за этих забастовок **обещают закрыть кредиты** (т. е. прекратить уплату жалования). Тогда совсем не только платить прислуге, но и **жить будет нечем**. Все-таки, ни здесь в Кузнецово, ни в Каднике, ни, вообще, в волостях моего участка я не замечаю каких-либо враждебных отношений ко мне или к семье нашей. В Каднике открыта женская прогимназия, и собираются дать спектакль в пользу учрежденной при прогимназии столовой для бедных учениц, которых там больше десятка». В этом же письме Софья Петровна сообщила, что дочь Лиза в Москве лишилась работы и написала Нине: «Если нет у тебя заработка, приезжай. У нас пока тихо, но **крестьяне ... волнуются**; говорят, что вся земля, казенная и частная, будет принадлежать крестьянам; **подать отказались платить**. Папочка на этой неделе созвал сход в Большемуринской волости, объяснял им Манифест и проч. Они не стесняясь выражали, что земля будет ихняя и что податей не будут платить. Но, слава Богу, конечно, никому дерзостей не сделали... Слух ходит, что Вологда горит в четырех местах. Спаси нас Господи!» [3].

В письме от 20 декабря Нина Юльевна написала: «Дорогие мамочка и папочка, **получила** Вашу **телеграмму**, но до сих пор **не могу ответить**, т. к. **отделения (связи) закрыты**, а в почтамте не могла дождаться (своей очереди). Стоит вереница человек в 300, даже на улице, а несколько часов стоять на морозе в 18 градусов не рискнула, очень мерзну, и зуб болит. Сейчас посылаю дворника, не знаю – добьется ли? У нас опять **возобновились репетиции**, но, может, быть, завтра уже совсем прикончат, если выяснится – снимут ли (или нет) на праздники военное положение. Сегодня состоится собрание оркестрантов, и наша судьба выяснится на днях. **Если продолжится военное положение и на праздниках не удастся открыть театр**, то **Зимин совсем его закроет**. Тогда я могла бы приехать на праздники домой, но мне не на что и, кроме того, нечем расплатиться за квартиру и обеды. **Положение** всех, конечно, **отчаянное**. Ведь не заплатят неустойки, т. к. это форс-мажор. Теперь уже **все самое страшное прошло**, и **не рискуешь жизнью**, оставаясь в Москве. Если спектакли начнутся, то я, конечно, приехать не смогу» [3].

И далее через 3 дня: «**За декабрь** почти весь мы **получили половинное жалование**, да и то, слава Богу. Сегодня уже можно выходить на улицу до 12 часов ночи, а все это время нельзя было выйти после 9-ти вечера, т. к. могли расстрелять. У нас репетиции были только днем.

Галкины целую неделю гостили в казармах у своего родственника-офицера и боялись ехать домой через всю Москву. А я просиживала вечера там, где обедаю, на своей прежней квартире и даже в той же комнате, где жила, у одной артистки из нашего театра, и даже несколько раз у нее ночевала. Это очень славная барышня, поет у нас самые маленькие партии, а училась в Италии два года. Мы пели с ней всего «Онегина», я аккомпанировала и подтягивала в дуэтах и репликах. Про московские ужасы Вы, конечно, знаете из газет. *К выстрелам мы привыкли, как на войне*» [3].

24 декабря 1905 года Нина Юльевна *дала домой телеграмму: «На праздники не приеду, будут спектакли»*. И, действительно, в театре Зимина начались двойные спектакли, т. е. *идущие и утром, и вечером*. Юлий Михайлович на следующий день написал дочери: «Милая дорогая Нинуша, так мы были рады твоему письму (только что полученному) и ответной телеграмме..., т. к. никаких известий о тебе давно не было, а в Москве именно около твоей квартиры, Бог знает, что творилось. ... Денег у меня тоже недостает, против прежних годов нескольких тысяч рублей, т. к. ни лесу, ни земли, по слухам революции и социалистической пропаганды, никто не покупает, и надо тоже платить подати и проценты по разным долгам, а платить нечем» [3].

Как Н.Ю.Зубова встретила **Новый 1906 год**, мы не знаем, а в день своих именин 14 января написала домой: «Дорогие мои мамочка и папочка, я *переехала* на Малую Кисловку, дом Серебрякова, кв. 21, где жила в сентябре и обедала все время. Комнату взяла другую, побольше и дороже (22 р.), а *живу с одной барышней*, которая поет у нас в театре вторые партии. Так что нам стоит комната по 11 рублей. Так пришлось сделать, чтобы как-нибудь сводить концы с концами, тем более, что теперь я усиленно питаюсь. У меня *опять начало развиваться малокровие*. Окорокова (*доктор*) *прописала мне гигиаму*, нечто вроде какао по вкусу; это дорогой, но питательный напиток. Питаться *велела 4 раза в день* и за обедом *пить мясной сок*. Это будет стоить около 10 рублей в месяц. Я отказалась, сказала, что у меня нет денег, но она прямо требует. Говорит – попросите у отца. Я говорю: «Отец не может». Она говорит: «Напишите, что я требую, чтобы Вы принимали мясной сок». Кроме того, она нашла нужным опять *вспрыскивать* мне *мышьяк*. Я сама очень об этом мечтала, т. к. это очень помогает мне, дает силу, аппетит и т. д. К счастью, мне будут даром вспрыскивать. Только придется купить шприц и т. д., словом, истратить на это рублей 10-ть». Потом *прибавилась необходимость массажа*, и, кроме того, два раза в неделю Нине Юльевне приходилось посещать дантиста. Так что она опять была вынуждена просить у отца прислать ей хоть немного денег [3].

Именины Нина Юльевна справила веселее, чем обычно. У них с соседкой по комнате Зиной были гости: ее брат и один тенор, потом пришли Лиза с Митей. Нина Юльевна на последние деньги купила яблок, а Зина заняла у хозяйки и купила пирожных [3].

В театре каждую неделю ставили новые оперы, и было много репетиций, т. к. со 2-й недели Поста должны были начаться спектакли. В связи с тем, что *опера* Зимина *переехала в помещение Соловьевского театра*, в 1-ых скрипках добавили один пульт, и *Нина Юльевна перешла со 2-ых скрипок на 4-ый пульт в 1-ые*, как ей и было обещано еще с весны прошлого года. Но заработок ее остался тот же, 75 р., хотя ее соседу на том же пульте дали 85 рублей. Конечно, было обидно, но что делать? В связи с открытием театра, 20 февраля прошла очень красивая и поэтическая *опера* М.М. Ипполитова-Иванова «Ася». Затем, в опере Зимина дали гастроли итальянцы, и Н.Ю. Зубовой посчастливилось услышать знаменитого Тито Руфи и сопрано – Гальвани. *Оркестранты согласились 1-ую, 4-ую и 7-ую недели Поста репетировать даром*, т. к. «Зимин решился держать оперу в Посту только благодаря тому, что все ему сбавили – и артисты, и хор, и оркестр». Так что на 75 р. Н.Ю. Зубовой нужно было прожить почти 2 месяца, а после Пасхи (когда театр должен был закрыться) получать доход только от уроков, на который не прожить. А еще пришел срок платить проценты за заложенный в прошлом году выигрышный билет, ~17 рублей [3].

Однако здоровье Н.Ю. Зубовой требовало продолжения интенсивного лечения, на которое нужны были большие деньги. Пришлось обратиться к *отцу с просьбой дать* ей, как вышедшим замуж сестрам Любे и Ларе, *немного земли, которую* можно было бы заложить или *продать, чтобы* иметь возможность «окончательно *вылечить себя*». А замуж Нина

думала, что никогда не выйдет, т. к. людей вне театра не видит и нигде не бывает. «А в театре любви не существует, – писала она, – есть только один разврат. Между тем, получи я, сколько получила Люба, я буду обеспечена на всю жизнь. Я теперь знаю цену деньгам – как тяжело достается кусок хлеба». Дальше ей казалось, что имей она несколько тысяч, то «бросила бы оркестр, который подрывает здоровье, поехала бы в Прагу или Берлин посовершенствоваться, вернулась бы в Москву и прожила бы зиму, имея, может быть, несколько уроков, и играла бы в концертах. Тогда, наверное, получила бы заработок и в музыкальных школах, и (от) частных уроков, т. к. (ее) имя фигурировало бы на афишах. Таким образом, (она) могла бы устроить свою будущность» [3].

С понедельника Страстной недели начались *репетиции с Линой Кавальери и Батистини*, которые должны были петь на Пасхе. А потом должны остаться *еще 4 урока с учениками*, и поэтому уехать домой из Москвы Нине Юльевне еще будет нельзя. В это время Н.Ю. Зубова уже начала беспокоиться в связи с тем, что опера Зимина на будущий сезон снова перейдет в Никитский театр, т. к. его обманули и не сдали на зиму здание Соловьевского. И опять будет только 3 пульта 1-ых скрипок, и ей придется опять играть во 2-ых. Но как получить место в 1-ых скрипках в Соловьевском театре или Народном Доме? В последнем надо было служить круглый год за 50 р. в месяц, т. к. спектакли бывают только 3 раза в неделю. Нина Юльевна обратилась в Общество взаимопомощи оркестровых музыкантов, и 11 апреля сообщила домой: «Вчера *подписала контракт в Народном Доме на зиму* – 55 р. в месяц, спектакли 4 раза в неделю и столько же репетиций». Пришлось ей купить и приличную скрипку, т. к. с осени Н.Ю. Зубова должна была занять *должность помощника концертмейстера 1-ых скрипок* [19] и *играть на 1-ом пульте*. С большим трудом ей удалось найти себе «заместителя на лето», т. к. необходимо было не просто немного отдохнуть, а обязательно съездить на кумыс и на море, чтобы подлечиться. Но выехать домой Нина Юльевна смогла только после экзаменов в Музикальной школе. Она планировала приехать в Вологду и сразу пойти с отцом к нотариусу для оформления земли на ее имя [3].

После непродолжительного отдыха в Кузнецово Нина Юльевна поехала к знакомым Нелидовым в Урюпино на кумыс. Жила в кабинете хозяина и гуляла с детьми, которые ее полюбили. Вместе выбирались на пикник на целый день в холмистую тенистую местность на берегу Хопра. Планировала постепенно дойти до приема 15-ти стаканов кумыса в день [3].

20 июля *открытка* от Нины Юльевны *домой* пришла из Феодосии. Она жалела, что сразу не поехала в Крым, т. к. *кумыс* ей «*пользы не принес*». Отойти от переутомления, от «ничего не делания» и немного поправиться, конечно, удалось. В Феодосии она дешево сняла комнату в пустующем летом частном реальном училище и платила за неплохой обед по 50 копеек. Нина Юльевна *окрепла*, считая, что купанья на нее хорошо действуют, и собиралась до 22 августа пробыть в Крыму [3].

В оркестре Оперы Московских Народных Домов

26 августа Н.Ю. Зубова *вернулась в Москву* и сообщила домой, что остановилась в меблированных комнатах. В начале сентября она сняла комнату в Настасьевском переулке у Тверской, дом Малюшина, квартира 5. Комната стоила 21 р. 50 к. и обед 20 р., от которого кое-что должно было оставаться, чтобы взять с собой в театр. Опера Московских Народных Домов, в которую Н.Ю. Зубова поступила помощником концертмейстера 1-ых скрипок, считалась «по Новослободской улице и в Грузинах», т. к. в Москве были и другие Народные Дома [19].

К сожалению, ни земля, ни лес Н.Ю. Зубовой, которые подарил ей отец, пока не продались, и *система жесточайшей экономии продолжалась*. Особенно беспокоили ее неотданные долги и необходимость платить проценты за заложенную землю, на которые у Нины Юльевны никогда не было денег, и приходилось опять просить отца заплатить их по доверенности. В Музикальной школе у Нины Юльевны осталось только *два ученика*. Одна ученица поступила в филармонию (значит, метода обучения была правильной), а один ученик захотел брать уроки на дому. Так что ее заработка, по сравнению с предыдущими годами, уменьшился [3].

По приезде Нина Юльевна *играла с Огус-Шайкевич три сонаты Моцарта*, две *Бетховена и одну Сен-Санса*, и надеялась продолжить это удовольствие по воскресеньям утром, т. к. *вечером она была занята в оркестре на спектаклях*. Во второй раз играли сольные вещи: «Концерт» Мендельсона, «Полонез» Венявского и «Фантазию-Аппассионату» Вьетана, где есть очень трудная часть *Saltarella*, о которой мама говорила, что Нине ее не сыграть. Оказалось, что, не повторяя ее уже несколько лет, Нина Юльевна сыграла ее, как сказала Огус-Шайкевич, «с шиком». Она нашла, что у Н.Ю. Зубовой «*техника очень развилаась, и стал большой и красивый тон*». Ей можно было верить, т. к. «она ученица Николая Рубинштейна, очень хорошая музыкантша и не будет льстить», - написала Нина Юльевна домой. Видимо, три года работы в оркестрах оперных театров дали свои результаты! В третий раз играли *сонаты Грига и Шумана*. Поскольку свободного времени теперь было больше, Нина Юльевна купила себе *абонемент на симфонические концерты*, которые всегда очень любила слушать. Они проходили по субботам, когда спектаклей не было [3].

Московское Общество взаимопомощи оркестровых музыкантов сформировало *оркестр, выступавший в Большом (Колонном) зале Российского Благородного Собрания*. 15 ноября 1906 года в симфоническом концерте под управлением С.Т. Абакумова были исполнены: *Симфония № 6* («Патетическая») и увертюра к «Ромео и Джульетте» Чайковского и «Концерт для фортепиано с оркестром» Рубинштейна с солистом Иосифом Гофманом, который во 2-ом отделении сыграл еще «Симфонические этюды» Шумана. «Испанская симфония» Лalo прозвучала в исполнении 15-летнего скрипача-виртуоза Ефрема Арно [14]. Как член Общества, Н.Ю. Зубова была приглашена играть в симфоническом концерте [3].

На 25 ноября был назначен сольный концерт Н.Ю. Зубовой, к которому она даже сшила себе новое платье. Аккомпанировать должен был концертмейстер театра, с которым они уже сыгрались. Но «*заведующий (театром) запретил всем ... участвовать* (в концертах), грозя оштрафовать на половину месячного жалования», даже «певцов заместили другие», и концерт не состоялся. У Нины Юльевны наступила страшная апатия, т. к. *оказалось, что невозможно служить в театре и участвовать в концертах*. Она «совершенно замучилась, ... для игры должна была урывать от отдыха, и все-таки не каждый день удавалось упражняться» [3].

Домой Нина Юльевна написала: «Напрасно Вы мечтаете, дорогая Мати, чтобы я стала известностью. Я знаю, как добывается известность. Надо быть нахальной и не брезговать никакими средствами. Даже на таком невидном месте, как мое, приходится переносить интриги и бороться с массой неприятностей. Еще у кого есть муж-защитник и порядочный человек, тем можно существовать и пробиваться кое-как. А одионокому человеку, как я, слишком трудно. У меня теперь, например, такая неприятность в театре: некто (не буду называть фамилии) делал мне намеки, после которых я стала избегать его. Тогда он мне дал понять, что с 1 мая со мной не возобновят контракта. Так что, по всей вероятности, мне придется перед окончанием контракта самой заявить, что я больше служить не буду, и уйти из театра. А покупать себе место и привилегированное положение такой ценой – не способна. И Вы думаете – тут любовь? Ни капли. Просто уязвленное мужское самолюбие – как это, за милые намеки (более, чем ясные) смеют начать бегать вместо того, чтобы быть польщенной. До мая придется дотянуть, нечего делать, хотя, если бы продалась моя земля, я ушла бы сейчас. Контракт, оказывается, нарушать очень не трудно. И всего-то осталось получить 275 рублей за 5 месяцев. А из-за этой службы я не могу работать на скрипке... Для меня *идеал семьи – выше всего*, а жизнь бросает меня в театр... Скрипку я люблю и *хотела бы играть в концертах*» [3].

Все-таки, несмотря на запреты заведующего в театре, Н.Ю. Зубова 9 декабря 1906 года *играла solo* в зале Совета детских приютов на Остоженке, 36 в благотворительном концерте в пользу Центральной библиотеки Совета Императрицы Марии. Исполняла «Канканетту» из Скрипичного концерта Чайковского и «Скерцо» Риеса [14].

22 декабря Нина Юльевна опять участвовала в симфоническом концерте в прекрасном Колонном зале Благородного собрания. Программа концерта Кружка любителей русской музыки под управлением В.И. Сука состояла из Симфонии № 5 Глазунова, Симфонической поэмы «Русь» Балакирева, Музыкальной картины «В Средней Азии» Бородина и «Испанского

1846. 1865. 1882. 1896.

ТОВАРИЩЕСТВО
ВЫСШЕЙ ПАРФЮМЕРИИ
А. РАЛЛЕ и К°
ПОСТАВЩИКИ ВЫСОЧАЙШАГО ДВОРА.

Духи

,Астра".

1906

въ субботу 9-го ДЕКАБРЯ.

въ залъ совѣта дѣтскихъ приютовъ (Остоженка, д. № 36).

въ пользу ЦЕНТРАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ Совѣта.

имѣеть быть КОНЦЕРТЪ

ПРОГРАММА

1-е Отдѣленіе.

1. Аспоргеръ О. Ф.—Соло на віолончели.
2. Михайловъ М. И.—„О паде, паде!“, арія изъ оп. „Русланъ и Людмила“ соч. Глинки.
3. П. И. С . .—ирочтеть стихотвор. Якунина — „Сонъ монахини“.
4. Г. Русиновъ—Романсъ Чайковскаго.
5. Дембре Г. Н.—*Andante Menuet*—соch. Миландра 1780 г. для *Viole d' Amour*.
6. Балновъ А. П.—Арія изъ оп. „Іоланта“—Чайковскаго.
7. Лаксъ М. П.—Арія изъ оп. „Манонъ“—Маснэ.
8. Эрдели И. А.—Соло на арфѣ.

2-е Отдѣленіе.

1. Табаковъ М. С.—Соло на трубѣ.
2. Лаксъ М. П. и Балновъ А. П.—Ноктюрнъ—Гродскаго — „Крики чаики“.
3. П. И. С . .—Мелодекламація, стихотвор Надсона — „Олафъ и Эстрильда“—муз. Таскина.
4. Зубова Н. Ю.—а) *Canzonetta* изъ конц. Чайковскаго, б) *Scherzo—Ries a.*
5. Г-жа . .—Варяжская баллада изъ оп. „Рогнѣда“—Сѣрова.
6. Г-жа . .—Романсъ.

По окончаніи концерта ТАНЦЫ до 2 час. ночи.

Нечатать разрешается 28 Ноября 1906 г. Московскій Градоначальникъ Генераль-Майоръ РЕЙНОВЪ
Типографія М. Книгловской Москва Арбатъ д. Титовой.

капричию» Римского-Корсакова [14].

Нина Юльевна написала домой: «С двух концертов в оркестре заработала 25 р., а в благотворительном концерте играла solo даром. На репетиции приходилось вставать в 7 часов утра, т. к. они начинались в 9-ть... *Очень довольна*, т. к. люблю симфоническую музыку больше всего на свете» [3].

Новый 1907 год Нина Юльевна предполагала встретить с *приехавшей в Москву сестрой Олей* и сходить с ней в церковь. В первый день Нового года они «были у Огус-Шайкевич, Соколовых и у Маши Шумилиной (Вологодской знакомой), где неожиданно попали на елку». Затем смотрели коллекцию картин в частном доме Гиршмана. Оля написала домой: «Какое богатое и чудное собрание. Сам хозяин был очень мил и нам показывал». Особенно понравились Врубель, Мусатов, Коровин, Серов и Грабарь». Краски Врубеля «художники называют перламутром: такая чудная гармония цветов, что положительно останавливаешься в удивлении» [3].

8 января Нина Юльевна писала: «Дорогая Мати, *пора начать думать* о том, *чтобы мы выиграли на наш билет* 1-го марта. Это единственная и последняя моя надежда на поправление моих финансов. Квитанция билета у меня. На днях спрошу Олю, когда срок платить проценты... Посылаю квитанцию на билет, т. к. боюсь просрочить... Кажется, срок 22 января. Сколько заплатить надо – не знаю, должно быть 11 рублей. Сейчас нет ни гроша, и занять негде. И далее в конце января: «Напишите, сколько приплатила Маша за билет. Я пошлю при первой возможности... Очень беспокоит меня мой долг 600 р. Нельзя ли просить Дмитрия Сергеевича (дядю Макшеева) похлопотать о продаже леса. Доверенность ему лежит у меня. Поговорите с ним об этом. Ведь за комиссию ему я бы заплатила» [3]. Земля Нины Юльевны, видимо, была уже заложена и за нее приходилось платить очень большие проценты в банк. 2 февраля Софья Петровна ответила, что «за билет заплатили 17 р. 45 к., из них моих 5 рублей, и папочка дал мне тоже 5 рублей, подарил, так что считать эти 10 рублей не нужно. Если можешь, пошли Маше 7 р. 45 к.» [3].

В феврале Н.Ю. Зубова побывала на концерте парижского ансамбля на старинных инструментах: клавесин, квинzon (скрипка), viole d'amour (альт), viole de gamba (виолончель) и bas-viole (контрабас), и написала домой: «Они играли quartet и solo. Лучше всего viole d'amour, звучит гораздо красивее нашего альта, и viole de gamba – чудная виолончель» [3].

Выигрыши на билет 1 марта так и не выпал, и из экономии *Нина с Олей переехали* в меблированные комнаты Глотовой, недалеко от Тверской в Большом Палашовском пер., дом 10, *заняв одну большую комнату*. В этом были определенные неудобства, т. к. Нина не давала Оле долго заснуть. Она ложилась после спектаклей поздно и имела привычку перед сном делать хозяйственные дела, т. к. днем было некогда, потому что приходили заниматься ученики. Для них Нина Юльевна взяла на прокат пианино, и сама начала играть гаммы и этюды, чтобы возобновить технику для аккомпанемента. Обедать она ходила в столовую, где за 40 копеек что-то съедала и выходила оттуда полуголодной.

Кажется, *ничего не предвещало перемен* в этой жизни. И, *вдруг*, 27 марта в письме домой Нина Юльевна написала: «Дорогие мои мамочка и папочка. Я собираюсь выходить замуж. *Прошу благословения*. «*Он*» - *виолончелист*. очень талантливый. Ему 27 лет. Окончил Отделение Консерватории в Ставрополе, теперь пока служит у нас в Народном Доме. Но, думаю, из него выйдет чудесный артист года через два, когда он закончит здешнюю (Московскую) Консерваторию». Оказывается, еще в феврале у Нины Юльевны дома сложилось трио, где партию виолончели исполнял *Владимир Казимирович Герман*. 10 февраля он послал ей открытку, написанную удивительно красивым каллиграфическим почерком: «Многоуважаемая Нина Юльевна! Я болен, у меня ячмень на глазу, и если мне лучше не будет, то, следовательно, завтра не поеду играть трио, но если будет лучше, то да. Но как же узнаете Вы? Я решил, что лучше так. Вы будете ждать меня к себе в 11-30 утра, и если я к Вам не заеду, то, следовательно, трио не состоится. До свидания. Уважающий Вас В.Герман». Далее в том же письме Нина Юльевна написала: «*Нам хочется после Пасхи обвенчаться*. Скромно пойдем в церковь с двумя свидетелями. Так будет меньше расходов. Да и мы не хотим шуметь о нашей свадьбе. Я бы даже просила вас никому не говорить и не писать, даже братьям. Я такой скептик: заметила, что все разрушается, о чем я скажу... Я

сильно обносилась. Белье все рвань, но шить, конечно, не на что. Венчаться придется в черном платье. Если папочка будет так добр, дать мне сколько-нибудь, чтобы хоть общиться, буду очень благодарна. А если нет, то, что же делать? Обойдемся как-нибудь. Оба мы голыши. Прожить-то, конечно, проживем, т. к. оба умеем работать, только тяжелы эти экстренные расходы. В мае хотим взять отпуск и приехать к вам на 1-2 недели. Мы думаем летом здесь служить. Теперь у нас будет свое трио: фортепьяно, скрипка и виолончель. Он пилит меня, что я совсем не работаю на скрипке. Может быть, мне надоест эта воркотня, и я начну работать. Крепко целую вас, дорогие мои. Любящая дочь Нина». А Оля приписала: «Милая Маша! Я здесь служу охлаждающим элементом, так что приношу некоторую пользу. Р.С. Дорогие мамочка и папочка! Герман и Нина мне ужасно надоели, и я буду рада удрать от них в Кузнецово» [3].

Получив это письмо, Софья Петровна написала Нине 4 апреля: «Поздравляю тебя, моя милая, надеюсь, что твой выбор хороший и, дай Бог тебе счастья. Я рада, что у тебя будет муж, который будет любить и беречь тебя; одним словом, не будешь одна на свете; мы же с папочкой становимся стары. Твоему жениху мой привет и поздравление, наверное, он будет счастлив с тобой. Ты не пишешь – Герман фамилия или имя?» [3].

Жених Владимир Казимирович Герман. Венчание.

Владимир Казимирович Герман родился 29 декабря 1879 года в деревне Стоцк Гродненской губернии *в семье крестьянина латинского вероисповедания*. Воспитывался в детском доме города Гродно. 5 сентября 1903 года Духовная Консистория выдала свидетельство о том, что в метрических книгах Гродненского Софийского собора имеется запись: «1888 года 9 июля *присоединен к православной церкви* Густав-Адольф – в присоединении Владимир Казимиров Герман..., 9 лет. Свидетелем был дворянин Николай Павлович Броссе. Присоединял Протоиерей Алексей Опоцкий». И подписи: член Консистории священник Модест Белин, секретарь и столоначальник [25].

Неплохое музыкальное образование Владимир получил, видимо, еще в детском доме, т.к. уже *в 19 лет играл на виолончели в разных оркестрах*. В зимний сезон 1898-1899 гг. в Драматическом театре города Гродно, в 1899-1901 годах в Драматическом театре Тулы, в сезон 1901-1902 гг. в театре Оперы и Оперетты Екатеринбурга, а в сезон 1902-1903 гг. – в Драматическом театре Собольщикова-Самарина в Казани и Саратове. Летом нанимался в оркестры: в симфонические в Старой Руссе (1899 и 1900 гг.), Юзовке (1902 г.), Ростове-на-Дону (1903 г.) и Оперетты, с поездкой по городам России в 1901-ом [26].

В 1903 году В.К. Герман *поступил в Музыкальные классы Ставропольского отделения* Императорского Русского Музыкального Общества по специальности игры на виолончели (класс А.Ф. Вербова). На выпускном экзамене 30-го июня 1906 года он *показал «отличные успехи»* [27]. Параллельно с учебой зимой служил в оркестре Кавказского драматического театра, а на лето опять нанимался в симфонические оркестры Таганрога (1904 г.), Екатеринодара (1905 г.) и Новороссийска (1906 г.) [26]. Затем решил переехать в Москву. Видимо, перед его отъездом мама Эмилия Карловна решила сфотографироваться с Владимиром и двумя другими своими уже взрослыми детьми, Борисом и Марией. К сожалению, о них в данное время ничего не известно.

Осенью 1906 года Владимир Казимирович Герман *поступил солистом-виолончелистом в оркестр Московского Оперного Народного Дома* [26]. Здесь он познакомился с Ниной Юрьевной Зубовой, которая играла на 1-ом пульте первых скрипок. *Два солиста оркестра полюбили друг друга, и весной 1907 года решили пожениться*.

Софья Петровна писала Нине: «...когда я получила твоё письмо, со мной сделалась такая тоска, потому, что я теряю тебя, что мне очень тяжело, т. к. ты с самого детства и до сих пор всегда относились ко мне хорошо, всегда была откровенна... Одним словом, я представить себе не могу, что нынче летом тебя не будет с нами; хотя ты и уезжала, но все-таки возвращалась к нам. Прости, милая, за мои эгоистические чувства» [3].

И вот ответ Нины маме от 10 апреля: «Вы напрасно думаете, что меня теряете. Это лето я все равно, не приехала бы в Кузнецово, а будущее лето Володя (его зовут Владимир

Владимир Казимирович Герман (крайний слева) – единственный виолончелист в оркестре
(Фото из семейного архива автора)

Sadovskie
& Kozlovskie à Grodno

Мама Владимира Казимировича
Эмилия Карловна

Справа Эмилия Карловна с детьми:
Владимиром, Борисом и Марией

(Фото из семейного архива автора)

Kozlowski
et Pochobut

à Grodno

Виолончелист в инструментальном ансамбле Владимир Казимирович Герман (третий слева)
(Фото из семейного архива автора)

Казимирович Герман: по фамилии – немец, по отчеству – поляк, а сам православный) мечтает пожить в Кузнецово. Это же лето *мы с ним едем играть в симфоническом оркестре в Севастополь*. Мне обещали в нашем театре дать на лето отпуск (без сохранения содержания), т. к. я сказала, что мне велено полечиться на юге морскими купаниями. Хорошо бы, дорогая, если бы Вы приехали ко мне на Страстную и Пасху. Комната у меня большая, две кровати (одна Олина) и диван. Мы никому не говорим в театре, что мы жених и невеста. Я была бы так счастлива, если бы Вы приехали. За комнату у меня заплачено до 1 мая. *Венчаться нам хочется 29 апреля*. А потом придется собираться в Севастополь, так что если бы удалось приехать в Кузнецово, то только на 1 день, а денег у нас более чем мало и в Севастополь-то доехать. Надеюсь, что теперь я поправлюсь, как следует, если все лето буду купаться в море и есть фрукты. *Володя будет играть там 1-ую виолончель*, и каждую неделю будет *выступать solo с аккомпанементом оркестра или фортепьяно*. Я буду в 1-ых скрипках, не знаю еще на каком пульте. Это место в Севастополе устроил мне Володя, которого туда приглашали, и он написал, что согласен с условием, что возьмут и меня. Фотографию Володи я послать не могу, т. к. сниматься не на что; даже и венчаться не на что, а хотелось бы 29 апреля» [3].

В эти же дни **Н.Ю. Зубова** опять играла в оркестре в концерте и написала домой очень горькую новость: «*Скрипку* свою (о которой поняла уже давно, что она очень некрасиво звучит) *показывала* многим. Все говорят, что она никуда не годится. Я снесла ее одному мастеру, и он мне сказал, что это совсем *не итальянская скрипка*, а *новый инструмент*, и меня *жестоко надул Бацоло*. Что, если бы была квитанция, то можно было бы привлечь его к суду, что продал ее, как итальянскую, за 500 р. Значит, мне ее даже и продать за эту сумму не удастся. Я видела скрипку, которую продают за 200 р. с хорошим смычком. Так она звучит в тысячу раз лучше, чем моя 500-рублевая. Прямо обидно!» [3].

Тем не менее, начались *предсвадебные хлопоты*. Софья Петровна написала Нине: «Как только вернется папочка, переговорю с ним насчет тебя и сейчас же напишу. Уверена, что папочка сделает, что может. Что у меня есть, то я уже начала делать: а, именно, 6 скатерей, 2 дюжины салфеток, а, может, и более, 6 чайных полотенец. Об остальном нужно подумать, дождаться папочки... Наша свадьба была 26-го апреля» [3].

Оказалось, что выехать на летнюю службу Нине Юльевне и Владимиру Казимировичу нужно будет уже на Пасхальную неделю, и придется кое-что купить готовое из летней одежды и кольца уже на Страстной неделе, т. к. в первые дни Пасхи магазины закрыты. Может быть, даже и обвенчаться придется, уже прибыв на место. Но потом выяснилось, что всю Пасхальную неделю, когда в театре будут ежедневные спектакли, будущие супруги еще не уедут из Москвы и, возможно, 29 апреля успеют обвенчаться. Поэтому Нина продолжала звать маму к себе, рассказывая, как недорого ей обойдется ее приезд, потому, что она не позволяла тратить на себя «ни гроша» [3].

18 апреля Софья Петровна написала: «Милая Нинушечка, *папочка послал* тебе 13-го **150 рублей**, теперь ты, вероятно, их получила. Благодарю тебя, дорогая моя, за приглашение *приехать* к тебе, но я совершенно *не могу*, особенно теперь, у нас большое несчастье: 17-го утром в Лодзи *умер (сын) Юлик от разрыва сердца*. Телеграммы были две: от Миши Величковского и от подполковника Петрова в Кузнецово, а папочка был в Вологде, пришлось ему телеграфировать туда. Конечно, первую телеграмму написали, что «Юлик опасно болен», а вторую, что «умер». Боимся за папочку, как он примет это известие, они оба ужасно любили друг друга. Помолись, дорогая за папочку... Последнее его письмо к нам ужасно веселое, и карточка – как живой! *Не вздумайте откладывать вашу свадьбу из-за смерти Юлика*, пировать вы не будете, а мы будем спокойны» [3].

Венчание Нины Юльевны с Владимиром Казимировичем *состоялось*, как они и хотели, **29 апреля в церкви Священномученика Ермолая на Козьем болоте**, построенной в 1682 году в стиле московского барокко XVII века на углу Большого Козихинского переулка и Большой Садовой улицы. В 1838 году к церкви был пристроен придел в честь Св. Троицы, а в 1836-39 гг. выстроена колокольня. В 1896 году в церкви отреставрировали и вызолотили *великолепный главный 5-ярусный иконостас XVIII века с главным престолом «Введения Пресвятой Богородицы во храм»* [28-30].

Церковь Священномученика Ермолая на Козьем болоте (1682-1839) с приделом и колокольней.

(Сорок Сороков / Автор-составитель П. Паламарчук. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов. Т 2. Москва в границах Садового кольца, Китай-города, Белого города, Земляного города, Замоскворечья. М.: Астрель: АСТ, 2007. С. 515-516).

Нина Юльевна *под венцом была в черном платье*, потому что, хотя отец и выслал 150 р. на непредвиденные расходы, в связи со свадьбой и отъездом на гастроли, портниха подвела и не успела сшить «голубое платье с вуалью» к нужному сроку. Практически *траурный туалет* невесты мог быть «*оправдан*» только недавней *смертью брата Юлия Юльевича Зубова*; ведь после этого события прошло всего 12 дней [3].

В Свидетельстве Вологодской Духовной Консистории о рождении Нины Юльевны сделана приписка: «Означенная в сем Свидетельстве девица Нина Юльевна Зубова 1907 года апреля 29 дня повенчана с крестьянином Гродненской губернии Сокольского уезда Кашенской волости, д. Стоцк Владимиром Казимировичем Герман. В чем и удостоверяю, Московской Ермоловской на Садовой улице церкви протоиерей», его подпись и печать [1].

После венчания **Нина Юльевна** взяла себе фамилию **Герман-Зубова**.

Источники:

К главе III (с учетом источников к гл. I и II).

19. Документы о трудовой деятельности Н.Ю. Зубовой (из семейного архива автора).
20. История оперы Зимины / Составитель В. Пронин. М.: МФ «Поколения», 2005. 350 с.
21. Оперный театр Зимины // Большая энциклопедия в 62-х томах. Т. 34. М.: «Терра», 2006. С. 71-72.
22. Гозенпуд А. Русский оперный театр между двух революций 1905-1917 гг. М.: «Музыка», Ленинградск. отд., 1975. С. 81.
23. Ипполитов-Иванов Михаил Михайлович // Большая энциклопедия в 62-х томах. Т. 19. М.: «Терра», 2006. С. 221.
24. Боровский В.Е. Московская частная опера С.И. Зимины (1904-1917). Очерк истории. Автореф. дисс. ... канд. искусствоведения. Л., 1971. 20 с.
25. Свидетельство о рождении и крещении В.К. Германа (из семейного архива автора).
26. Документы о трудовой деятельности В.К. Германа (из семейного архива автора).
27. Свидетельство об окончании Музыкальных классов Ставропольского отделения Русского музыкального общества (из семейного архива автора).
28. Александровский М. Указатель московских церквей. М., 1915.
29. Сорок сороков /Автор-составитель П. Паламарчук. Краткая иллюстрированная история всех московских храмов. Т. 2. Москва в границах Садового кольца, Китай-города, Белого города, Земляного города и Замоскворечья. М.: Астрель: АСТ, 2007. С. 515-516.
30. Москва: Все православные храмы и часовни. М.: ЭКСМО: Алгоритм, 2009. С. 162.